

Литературный Азербайджан

Nº 8

ИЗДАЁТСЯ

с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

фируз МУСТАФА. двоиники. <i>Пьеса</i>	3
Михаил СМИРНОВ. <i>Рассказы</i>	54
Наиля НАДИР. <i>Рассказы</i>	84
поэзия	
Октай МИР-КАСЫМ. Антибрахий. <i>Квазипоэма</i>	40
Тофик АГАЕВ. Ослепительный смысл звезды. Миниатюры	76
Айнель АЙДАЕВА. <i>Стихи</i>	94

ПУБЛИЦИСТИКА

Людмила БЕЖЕНАРУ. Многогранность творчества Камала Абдуллы	
в контексте мировой литературы	46
Гюльтекин СУЛТАНОВА. Медицинские заметки литератора	79
Александр ХАКИМОВ. Travelers – notebook с обложкой	
из человеческой кожи	102

2019

Главный редактор – Солмаз ИБРАГИМОВА

Зам.главного редактора – Елизавета КАСУМОВА

Ответственный секретарь – Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ

 Отдел прозы
 – Надир АГАСИЕВ

 Отдел поэзии
 – Алина ТАЛЫБОВА

Отдел подписки и рекламы — Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49

Литсотрудники – Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА,

Натаван ХАЛИЛОВА

Корректор – Анна КУЗЁМКИНА

Редакционная коллегия: *Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ*,

Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ,

Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАЛЕ,

Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Тел: 493-75-81

Сдано в печать 17.07.2019г.

Бумага офсетная. Формат 70х100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL» NKPT MMC

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL» NKPT MMC

ФИРУЗ МУСТАФА

ДВОЙНИКИ (Зеленый кушак)

Драма в двух действиях

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Государь
Двойник Государя
Двойник Двойника
Визирь
Двойник Визиря
Слуга
Двойник Слуги
Полководец
Двойник Полководца
Наложница в гареме
Молодой поэт
Старый поэт
Сын
Танцовщицы
Солдаты

Действие первое

Действие происходит в неопределенных времени и пространстве. В обличии персонажей заметны элементы как устаревшей, так и современной одежды.

Примечание: Основных героев и их двойников в пьесе играют одни и те же актеры. Для того, чтобы образ государя смог привнести в наличествующий антураж полное правдоподобие, его двойник (или он сам) может (в одно и то же время) находиться на сцене. Таким образом, в произведении (за исключением исполнителей массовых сцен) задействовано всего восемь или девять персонажей.

Фронтон дворца. Сзади тюлевый занавес. Играет оркестр. Солдаты в спец. обмундировании на параде стоят по команде «смирно». Государь (с зеленым кушаком на талии) под звуки торжественного марша тяжелой, грузной походкой проходит перед солдатами. Немного спустя Государь точно так же возвращается назад — теперь изменился лишь цвет его кушака — на его талии повязан белый кушак. Но на самом деле возвратившийся назад человек не Государь, а его Двойник. Визирь и Полководец в мундире стоят в стороне. Немного спустя звуки музыки становятся тише, на сцене остаются лишь Визирь и Полководец.

ВИЗИРЬ. Узнал?.. Ты его узнал?..

ПОЛКОВОДЕЦ. Ты о ком?..

ВИЗИРЬ. Как это, о ком? Конечно же, о Государе...

ПОЛКОВОДЕЦ. О Государе? (*Смеется.*) Ха-ха-ха... Не узнающий Государя – отступник, дьявол и сатана...

ВИЗИРЬ. Послушай-ка, прекрати шутить. Ты сумеешь определить для себя, который из них государь, или нет?

ПОЛКОВОДЕЦ. Гм-м-м... Я узнал, что Государь будет принимать парад вместе со своим Двойником. Но... Но, честно говоря, как бы я ни был внимателен намедни, все же не смог уточнить, который из прошедших мимо нас был Государем, который – Двойником. До чего же бывают похожи люди!..

ВИЗИРЬ. Дорогой Полководец, не забывай, что на Государя можно быть похожим лишь внешне... О внутреннем сходстве не может быть и речи!.. Многоуважаемый Визирь, хорошо, а что случилось с тем, прежним Двойником?...

ВИЗИРЬ. Ты не очень-то рвись узнавать про такие вещи. Не мы же определяем пути в рай и ад...

ПОЛКОВОДЕЦ. Конечно, конечно!.. Кто мы такие, чтобы ломать голову над такими вещами? Указ, изданный государем, прежде всего!

ВИЗИРЬ. Но есть те, кто не желает этого понимать...

ПОЛКОВОДЕЦ. Разве в нашем государстве по-прежнему остались такие?

ВИЗИРЬ. Остались? Правда?

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет... Я не знаю... Просто спрашиваю.

ВИЗИРЬ. Я ничего не могу сказать... Знаю только то, что во дворце появился новый двойник. Немногие знают об этом.

ПОЛКОВОДЕЦ. Знаю...

ВИЗИРЬ. Что знаешь?

ПОЛКОВОДЕЦ, Знаю, что об этом знают немногие...

ВИЗИРЬ. Хорошо... Ты не ответил на вопрос...

ПОЛКОВОДЕЦ. На какой вопрос? Да... Ты имеешь в виду Двойника? По-моему Государь был в зеленом кушаке... А его двойник – в белом кушаке...

ВИЗИРЬ. Откуда ты об этом знаешь?

ПОЛКОВОДЕЦ. Потому что... Потому что и в прежние времена Государь повязывал белый кушак...

ВИЗИРЬ. Ты мудрый человек! Ты нашел правильный ответ!.. Но об этом должны знать немногие!..

ПОЛКОВОДЕЦ. Конечно... Конечно!.. Э-э-э... Глубокоуважаемый Визирь, говорят... Говорят, вчера он себя неважно чувствовал...

ВИЗИРЬ. Послушай-ка!.. Повелитель доверил войско тебе... Запомни, что твой долг, обязанность состоит в том, чтобы беречь не только границы, но и здоровье Государя!

ПОЛКОВОДЕЦ. Но ведь я... Я не враг... Ведь... Я тоже...

ВИЗИРЬ. Знаю, что ты не враг... Но крепкие границы означают крепкое здоровье... Каждый обрушиваемый на врагов удар продлевает жизнь Государя.

ПОЛКОВОДЕЦ. Совершенно верно! Мы многому должны у тебя научиться... Ведь ты повидал стольких Государей!..

ВИЗИРЬ. Хорошо... Ладно... Наверное, знаешь: сегодня вечером во дворце совещание.

ПОЛКОВОДЕЦ. Конечно, знаю, уважаемый Визирь. ВИЗИРЬ. Надо же подготовиться. ПОЛКОВОДЕЦ. Совершенно верно!

Полководец и Визирь уходят. Тюлевый занавес поднимается. Дворец. Государь сидит на троне. Появляется Слуга, кланяется и подходит к Государю.

СЛУГА. Слушаюсь, Великий Государь...

ГОСУДАРЬ. Послушай-ка... (*Прикрывает рукой свой рот.*) Наука настолько развита, но врачи не могут исцелить мои простые беды...

СЛУГА. Да падут все твои беды на сердца врачей, великий Государь...

ГОСУДАРЬ. Но когда я избавлюсь от этих зубных болей?

СЛУГА. Наверное, осталось немного. В скором времени.

ГОСУДАРЬ. «Наверное, осталось немного!» И зубов моих осталось немного...

СЛУГА. Да, великий Государь! Осталось всего четыре зуба. После того, как они выпадут, боли навсегда прекратятся. Врачи изготовят для твоих благословенных уст прекрасный протез.

ГОСУДАРЬ. Я не переношу протезы...

СЛУГА. Врачи говорят, что протез, который они изготовят, будет так же прекрасен, как твои жемчужные зубы...

ГОСУДАРЬ (*указывая в соседнюю комнату*). А как же его зубы?.. Я говорю о Двойнике...

СЛУГА. Его?.. А, его! И ему сделают зубы.

ГОСУДАРЬ. Как жемчужины?

СЛУГА. Да... Нет... Его зубы будут как перламутр...

ГОСУДАРЬ. Хорошо, посмотрим... Теперь я хочу немного отдохнуть. Пусть придут танцовщицы. Подожди, останься и ты!

СЛУГА. Слушаюсь, великий Государь!

Государь хлопает в ладоши.

Музыка. Приходят танцовщицы. Танец.

Слуга, выйдя наружу, быстро возвращается обратно, что-то говорит Государю и, естественно, что их разговор не слышен.

Танец заканчивается.

ГОСУДАРЬ. Пусть уходят танцовщицы.

Танцовщицы уходят.

СЛУГА (указывая на дверь). Он хочет увидеть тебя.

ГОСУДАРЬ. Что такое, что он хочет сказать?...

СЛУГА. Да так, ничего особенного... Просто у него болят места от вырванных зубов.

ГОСУДАРЬ. Ничего не понимаю. Ну, пусть войдет, посмотрим, чего он хочет?

Входит Двойник. Он стоит лицом к лицу с Государем, поэтому спиной обращен к залу. Двойник кланяется.

ГОСУДАРЬ. А, это ты?.. Я слышал, что ты чем-то недоволен. Чем? Теперь ты видишь, как мне приходится страдать? Думаешь, легко быть Государем? Это адская мука!.. Не то, что Государем, даже Двойником его быть очень сложно. Ты же видишь это! Но некоторые не видят. А может, не хотят видеть! Вот сейчас у меня болит глаз, в голове странное гудение. Ты мой Двойник — если не будешь переживать эти муки, не сможешь понять, что мне приходится терпеть. Разве не так? (Прохаживается.) Скоро на моей почке будет проведена операция. Может, тебе кажется, что это очень простая работа. Но, дай Бог, когда ляжешь на операционный стол, увидишь, что задача не настолько проста, как тебе казалось! А как же? Твое тело режут, вспарывают живот, что-то вырезают, что-то добавляют, затем ставят швы... А ты терпишь... должен терпеть...

По мере того, как Государь говорит, Двойник дрожит, трясется и наконец падает от страха вниз лицом.
Государь сначала отступает назад, затем, шагнув вперед, кладет одну ногу на плечо Двойника.
Несмотря на то, что Двойник лежит плашмя, он продолжает трястись, его плечи вздрагивают, слышатся стоны.
Государь в позе победителя заходится в хохоте.

СЛУГА. Он всему потихоньку научится, великий Государь.

ГОСУДАРЬ. С ним надо поработать.

СЛУГА. Поработаем. Слушаюсь. (Двойнику.) Тебя ждет врач. Кажется, у тебя еще остались здоровые зубы. Можешь идти.

Двойник выходит.

ГОСУДАРЬ. Что-то этот двойник мне не очень нравится.

СЛУГА. Великий Государь, он очень тихий, благовоспитанный человек. Можешь быть уверен.

Из соседней комнаты слышатся крики, вопли.

ГОСУДАРЬ. Что это за звуки?

СЛУГА. Двойнику удаляют зубы.

ГОСУДАРЬ. Сколько зубов ему удалят?

СЛУГА. Все.

ГОСУДАРЬ. Правильно... Лучше, если двойник будет беззубым.

СЛУГА. Мы постараемся, чтобы его рот был похожим на твой.

ГОСУДАРЬ. Нет... Его рот не может быть похожим на мой!

СЛУГА. Ведь он – двойник. Он должен быть похожим на Государя... Конечно, внешне...

ГОСУДАРЬ. Да, внешне может быть. Но внутренне я абсолютно другой.

СЛУГА. Это известное дело, великий Государь.

ГОСУДАРЬ. Ладно... Пойду отдохну. Если не ошибаюсь, сегодня встреча с народом.

СЛУГА. Да, народ ждет вас, великий Государь.

ГОСУДАРЬ. Ради таких мелочей я не желаю нарушать свой покой... э-э-э... терять своё драгоценное время.

СЛУГА. Совершенно верно. Если есть Двойник, почему Государь должен выходить к толпе?

ГОСУДАРЬ. Но присматривай за его ртом.

СЛУГА. Слушаюсь. Хорошо.

Государь уходит. Музыка. Слуга радостно потирает руки. Входит Двойник, он прикрывает рукой рот.

СЛУГА. Убери руку со рта.

ДВОЙНИК (убирает руку). Ведь болит...

СЛУГА. Это мелочи. Всё пройдет. Послушай-ка... Сегодня день встречи Государя с народом. Но он не сможет этого сделать.

ДВОЙНИК. Почему? Он болен?

СЛУГА. Нет... Государь никогда не болеет... Да он и не может заболеть.

ДВОЙНИК. Народ всегда хочет видеть своего Государя здоровым и бодрым; я это знаю.

СЛУГА. Правильно! Верно! Просто сегодня Государь желает уединиться в своем замке и целый день думать о нас. Поэтому ты должен выйти к народу.

ДВОЙНИК. Что я должен сказать толпе? Ведь мой рот...

СЛУГА. Ты ничего не скажешь. Лишь встав на высокой трибуне, будешь махать рукой проходящему перед тобой людскому потоку! (*Машет руками*.) Вот и всё.

ДВОЙНИК. А потом?

СЛУГА. В твою честь будут звучать лозунги.

ДВОЙНИК. В мою честь?

СЛУГА. Ну да... Нет, в честь Государя. А ты будешь махать рукой, будешь улыбаться. (Улыбается.) На твоем лице должна появиться невинная улыбка. Но не раскрывай рта!.. (Становится серьёзным.) Ведь твои зубы...

ДВОЙНИК. Сейчас мне сложно даже махнуть рукой. Сил не осталось.

СЛУГА. Почему?

ДВОЙНИК. Зубы на месте... Но ведь я уже несколько дней, как голоден. Ничего не ем.

СЛУГА. Так и должно быть. Государь в последнее время быстро худеет, поэтому и ты должен похудеть...

ДВОЙНИК. По-моему, раньше он был покрупнее.

СЛУГА. Пока что врачи посоветовали ему похудеть. Дай Бог, если в будущем ему придется набрать вес, потолстеешь и ты...

ДВОЙНИК. Я не привык к таким целебным диетам.

СЛУГА. Привыкнешь, привыкнешь...

ДВОЙНИК. Снаружи какая-то шумиха.

СЛУГА. Народ хочет видеть своего правителя.

Входит Полководец, кланяется.

ПОЛКОВОДЕЦ. Народ готов видеть своего Государя. Все на площади.

СЛУГА. Трибуна давно готова.

ДВОЙНИК. И я готов!

Торжественная музыка.

Двойник тяжелой поступью поднимается на трибуну. Шумиха. Звучат различные лозунги в честь Государя: «Слава Правителю!», «Да здравствует наш Государь!» и другие.

Двойник поднимает то правую руку, то левую руку и приветствует толпу. Он сначала вымученно улыбается; затем эта улыбка расплывается по всему его лицу; чувствуется, что Двойник удовлетворен этой встречей. Лозунги толпы приводят Двойника в экстаз; он начинает махать рукой с еще большим увлечением, от души смеется, хохочет и его смех смешивается со звуками торжественной музыки.

ПОЛКОВОДЕЦ. Смотрите-ка, как он держится!

СЛУГА. Недавно говорил, что не в себе, голоден, нет сил махнуть рукой. А теперь, кажется, и не думает сходить с трибуны.

ПОЛКОВОДЕЦ. Наверное, трибуна ему понравилась...

СЛУГА. Почему бы и нет? Огромный людской поток преклоняется перед ним, возглашает в его честь лозунги... Вероятнее всего, он сейчас чувствует себя в облике всесильного Государя.

ПОЛКОВОДЕЦ. Обрати-ка внимание, ему совсем не хочется сходить с трибуны. На самом же деле предназначенное для встречи время близится к концу.

СЛУГА. Может, подашь ему знак?..

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет... Не я... Сам подай ему знак...

СЛУГА. Это не моя работа. Мне была поручена лишь организация его восхождения на трибуну.

ПОЛКОВОДЕЦ. А кто должен спустить его с трибуны?

СЛУГА. Этот вопрос не был учтен в порученном мне задании.

ПОЛКОВОДЕЦ. Вот идет Визирь. Посмотрим, что он скажет?..

Входит Визирь.

ВИЗИРЬ. Я давно наблюдаю из соседней башни в подзорную трубу за этим фейерверком. Уже в третий раз толпа проходит перед этой священной трибуной.

ПОЛКОВОДЕЦ. Но он не хочет сходить с трибуны.

ВИЗИРЬ. Надо дать ему понять.

СЛУГА. Это не моя работа...

ВИЗИРЬ. Ты самый приближенный слуга Государя...

СЛУГА. Ну и что? Разве это Государь?

ПОЛКОВОДЕЦ. Выходит так, что мы силой должны спустить его с трона.

ВИЗИРЬ. Почему силой? Надо подать ему знак.

СЛУГА. Не ему, может, подадим знак людям на площади, чтобы они ушли.

ВИЗИРЬ. Не спешите. Сейчас что-нибудь придумаем.

Визирь что-то говорит Полководцу. Полководец под звуки марша, приблизив руку к виску, большими солдатскими шагами приближается к Двойнику. Двойник смотрит на него и становится по стойке смирно, приставляет руку к виску; Полководец таким же образом удаляется от трибуны; Двойник, прикрыв рот рукой, следует за ним. Полководец и Двойник уходят.

ВИЗИРЬ. Послушай-ка, Государь отдыхает... Но скоро во дворце у него должна состояться встреча...

СЛУГА. Будьте спокойны, всё устроим... С кем произойдет встреча, уважаемый Визирь?

ВИЗИРЬ. С поэтами страны...

СЛУГА. Пусть великий Государь занимается своим отдыхом. Я всё устрою.

ВИЗИРЬ. Ну, тогда приступай...

СЛУГА. Слушаюсь, уважаемый Визирь!..

ВИЗИРЬ. До встречи... Я ухожу.

Визирь уходит. Входит Двойник.

СЛУГА. Присаживайся...

ДВОЙНИК. В чем дело?

СЛУГА. Государь отдыхает. У него, то есть у тебя, состоится встреча с поэтами страны.

ДВОЙНИК (садится). Восхитительно! Я люблю поэтов, люблю стихи...

СЛУГА. Смотри-ка сюда... Ты не должен проявлять эту любовь. Ты вообще должен молчать в течение всей встречи. До самого конца... Лишь в конце...

ДВОЙНИК. Почему я должен молчать?..

СЛУГА. Таково правило. На таких встречах поэты восхваляют государей, а государь скромно молчит, молчит... И в самом конце...

ДВОЙНИК (*встает*). Подожди! Если я все время буду молчать, поэты подумают, что у государя нет языка, он нем...

СЛУГА. В самом конце ты должен сказать в их адрес пару теплых слов...

ДВОЙНИК. Ну, это другое дело! Ведь государь должен что-то сказать своим ученикам. А не то встреча будет походить на гримасничанье глухонемых...

СЛУГА. Значит, правило таково: приходят поэты, целуют твою руку, ты приветствуешь их. Разговор заведут они сами.

ДВОЙНИК. Откуда они знают, о чем надо говорить?

СЛУГА. Они столько раз были на таких встречах, что лучше всех знают, о чем надо говорить.

ДВОЙНИК. Разве каждый раз говорят об одном и том же?

СЛУГА. Конечно! Нельзя же каждый раз говорить одному и тому же человеку о различных вещах...

ДВОЙНИК. Ну, тогда пусть войдут...

СЛУГА. Сядь на трон.

ДВОЙНИК. Ладно...

Двойник садится. Входят Молодой Поэт и Старый Поэт.

СЛУГА. Извольте, проходите, извольте...

МОЛОДОЙ ПОЭТ. Государь, я не сплю со вчерашней ночи! СЛУГА.

Тебе, молодой поэт, надо терпеливым быть, Ведь при аксакале нельзя говорить. молодой поэт.

Разве чтоб молчать мы пришли сюда?..

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Куда пошла молодежь? Куда-то не туда.

Подходит и целует руку Государя. Кланяется.

О, Великий Государь, знай, что вся страна Тебя почитает, в тебя влюблена, И я как престарелый, маститый поэт Должен донести до тебя любви этой свет.

молодой поэт.

А молодые? Чтоб донести до тебя любовь сердец, Они отправили меня в этот дворец. Старые метафоры нам портят кровь, Наше сердце – море, и чиста любовь.

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Сам Государь прекрасно знает, что Мы, словно солнце, любим его. Старость – отвага, он это знает без слов! Однако преходяща юноши любовь.

молодой поэт.

Наверно, старый поэт в обморок упал, «Старость – отвага»? Кто же так сказал? Всё это наше – и корона, и трон, Теперь наше время, попробуй нас тронь!

СЛУГА.

Как, ты сказал, что и трон, и корона твои? СТАРЫЙ ПОЭТ.

Ах, молодежь! У всех требуют дань они... МОЛОДОЙ ПОЭТ.

Я так не говорил... Так сказать не мог...

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Ты знаешь, что сказал, щенок!

СЛУГА.

Взгляни-ка на учителя, по крайней мере. МОЛОДОЙ ПОЭТ.

С каких это пор стал он мне примером? СТАРЫЙ ПОЭТ.

Модернист! Конформист! Нигилист! Кубист! В твоем сердце вместо стука — свист. Государь знает меня прекрасно...

СЛУГА.

И у меня о тебе он справляется часто...

молодой поэт.

Государь полагаться должен на молодых... СТАРЫЙ ПОЭТ.

Ну и ну! Старикам удар по дых!

молодой поэт.

Вам достались все подарки, слава и имя, Вы на недостижимой вершине, Ваши дети гуляют по белу свету, А где же доля молодых поэтов?

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Тебя привел сюда личный интерес.
Только поэтому ты пришел во дворец.
Где же к Государю твое уваженье?
Где ж твоя честь, гражданское рвенье?
Что это за требованья, угрозы, будто он истец:
«Государь полагаться должен на молодых!» Глупец,
Разве Государю ты будешь повелевать?
Да вообще, как ты смеешь перед ним стоять?

Двойник расхаживает с довольным видом. Слуга покачиванием головы одобряет его действия.

А ну-ка, сынок, скажи нам честно: Что за чувства привели тебя в это место? Хочешь стать главой поэтов — в этом суть, Потому рвешь рубаху и бьешь себя в грудь? Наш Государь мудр и умён, Он никогда не ошибется ни в ком.

Старый поэт кланяется, Двойник с удовольствием одобряет его поклон.

двойник.

Признаться, пришлось мне зуб удалить, Оттого и не хочется говорить. Незавершенные дела лежат горой... С одной стороны приемы... зубы с другой...

Поэты с удивлением смотрят на Двойника. Слуга подходит к Двойнику и тихонько что-то ему говорит. Двойник с недовольным видом тяжелой поступью выходит.

СЛУГА.

Государь этой ночью плохо спал... А теперь прием лекарств настал.

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Знаем, делами по горло загружен он, Правитель забыл про сладкий свой сон.

молодой поэт.

Откуда ты об этом знаешь? Как ты низок! Хотя бы в этом возрасте не будь подлизой!..

Старый Поэт наступает на Молодого Поэта.

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Что?.. Интриган, двурушник, свин! Разве можно быть эгоистом таким? Почему ты против дворца выступаешь? И всех во всем подозреваешь?! Ты не отличаешь хорошее от плохого, В твоем сердце нет ничего иного?

молодой поэт.

Послушай-ка, убери от меня свои руки, Кто ты перед орлом? – Всего лишь муха!

Поэты вцепляются друг в друга. Слуга пытается их разнять. Входит Государь, внимательно смотрит на дерущихся.

ГОСУДАРЬ.

В чем дело?.. Кто же сглазил вас? Стыд и срам, хорошо что чужих здесь нету глаз! Скажи-ка быстрей, кто из них виноват? Отдам приказ посадить его в каземат!

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Зло иль добро – для него всё равно, Над Государем смеется давно!

СЛУГА.

Среди поэтов – это не секрет, Слишком уж заносчив Молодой Поэт.

ГОСУДАРЬ.

Сейчас я все дам ему понять – Быстро, в кандалы его заковать.

МОЛОДОЙ ПОЭТ (падает на колени и простирает к небу руки.). Но хоть скажите, в чем моя вина?

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Я же говорил, ты поплатишься за свои слова!..

СЛУГА(уводит Молодого Поэта).

Ну-ка, пошли. Ты сам прекрасно знаешь, – Слово – не воробей, вылетит, не поймаешь...

ГОСУДАРЬ.

Ты во дворце пытаешь на прочность стихи, Пока я жив, главой поэтов останешься ты.

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Народ видит тебя во сне каждый день, Да пребудет всегда над нами твоя тень. До конца своих дней буду возносить тебе хвалу, И потом с чистой совестью я умру...

ГОСУДАРЬ.

О, престарелый поэт, пока рано умирать, Скажи, о чем ты просишь, что мы можем тебе дать? Давай-ка вместе поужинаем мы. СТАРЫЙ ПОЭТ. Твое сердце и деяния так чисты!..

Государь и Старый Поэт уходят. Сначала входит Слуга, затем Двойник.

СЛУГА. Наверное, ты уже осознаешь, насколько сложно исполнять должность двойника.

ДВОЙНИК. Разве это должность?.. Это адская мука, страдание. По правде говоря, мне иногда хочется убить себя...

СЛУГА. Все равно кто-то должен выполнять эту работу. Если есть государство, должен быть государь. Если есть государь, есть его враг. Если есть враг, то должен быть и двойник государя.

ДВОЙНИК. Почему именно я повстречался с этим несчастьем?.. Раньше, еще до того, как я попал во дворец, многие завидовали моей схожести с государем. Я и сам был доволен этой схожестью. С приходом в дворец я начал осознавать, насколько я несчастен. Лучше смерть, чем такая жизнь.

СЛУГА. Но смерть – не выход из положения...

ДВОЙНИК. А где же выход?

СЛУГА. Надо что-нибудь придумать.

ДВОЙНИК. В конце всех моих размышлений — мрак... (*Пауза.*) А ты что думаешь? Может, что-то посоветуешь? Чувствуется, что ты самый добродушный человек в этом дворце... Я хочу сказать тебе еще об одном, что меня тревожит: скажи-ка, тебе можно доверять, или?..

СЛУГА. Ты можешь мне доверять.

ДВОЙНИК. Тогда скажу: Государь велел отрубить голову прежнему двойнику, не так ли? (*Пауза.*) Почему молчишь? Я тоже должен сидеть и ждать, когда моя голова попрощается с телом?.. Отвечай, почему ты молчишь?

СЛУГА. Говори, я слушаю.

ДВОЙНИК. Я закончил.

СЛУГА. Гм-м-м... А ты точно знаешь, что отрубили голову именно двойнику? (*Пауза.*) Почему молчишь? Ответь!

ДВОЙНИК. Ничего не понимаю. Ведь все кругом говорят, что Двойник Государя был казнен. Или это не так?

СЛУГА. Гм-м-м... И так, и не так?

ДВОЙНИК. Опять ничего не понял.

СЛУГА. Мне кажется, что тебе можно доверять. (Пауза.) Не так ли?

ДВОЙНИК. Можешь мне доверять.

СЛУГА. В таком случае слушай.

Музыка. Слуга берет Двойника за руку. Они о чем-то говорят, что-то объясняют друг другу движением рук, мимикой и жестами. Музыка заглушается.

ДВОЙНИК. Выходит так, что казнен был не Двойник, а Государь.

СЛУГА. Да, да! Ты все понял верно. Двойник уперся, как осел, настоял на своем. Сказал, что Государь — это он. Правда, я тоже его поддержал. Все во дворце были уверены в том, что казненным был двойник. Но на самом деле казнили Государя. Об этом знаю только я и тогдашний Двойник, то есть нынешний Государь.

ДВОЙНИК. А прежний Двойник – то есть нынешний Государь, как он оценил твои заслуги? Разве ты всю жизнь должен быть слугой? (*Пауза*.) Почему молчишь?

СЛУГА (*вздыхает*). Он, когда еще был Двойником, обещал мне место Визиря. А как только сел на трон Государя, забыл все свои обещания. Но я ничего не забыл.

ДВОЙНИК. Разве можно забыть такое?! Мне кажется, что мы должны вместе поразмыслить и найти какой-нибудь выход. (*Пауза. Двойник с довольным видом расхаживает.*) Ты — умный, предприимчивый человек. Многое можешь устроить. Визирь — тупица. На самом деле эта должность предназначена тебе. (*Потирает руки.*) Ты большой политический деятель, умный дипломат, опытный дворецкий. (*Пауза.*) Теперь все зависит от тебя.

СЛУГА (*многозначительно смотрит на него*). Хорошо, к этой задаче вернемся как-нибудь потом.

ДВОЙНИК (кладет руку ему на плечо). Я жду твоего совета.

СЛУГА. Гм-м-м... скажи-ка, ты и этой ночью пойдешь в гарем?

ДВОЙНИК. Ты уже об этом знаешь?

СЛУГА. Будь осторожен.

ДВОЙНИК. У меня есть такая верная опора, как ты. Можно идти?..

Двойник кланяется и уходит. Входит Полководец.

ПОЛКОВОДЕЦ. Знаешь, в чем цель моего прихода?

СЛУГА. Скажешь, узнаю.

ПОЛКОВОДЕЦ. По информации, полученной из достоверного источника, Двойник в последнее время встречается с одной из наложниц Государя. Причем, с самой любимой, самой красивой наложницей... Беда!

СЛУГА. Я тоже слышал об этом... Но это может быть просто сплетней.

ПОЛКОВОДЕЦ. Какая сплетня?.. Это факт.

СЛУГА. Кто тебе сообщил об этом?

ПОЛКОВОДЕЦ. Сыщики сообщили Визирю, а он мне.

СЛУГА. К чему бы Визирю проверять такие вещи?...

ПОЛКОВОДЕЦ. Не могу сказать.

СЛУГА. Визирь – второе лицо в государстве. Может, он мечтает стать первым? ПОЛКОВОДЕЦ. А нам-то какая разница? Есть приказ, надо выполнять. Может, приказ исходит от самого Государя. Не так ли?

СЛУГА. Э-э-э... Так-то так. А что делать нам?

ПОЛКОВОДЕЦ. Мы должны проверить факт.

СЛУГА. Сегодня же?

ПОЛКОВОДЕЦ. Сейчас же. Сию же минуту. По полученной информации, Двойник уже в гареме.

СЛУГА. Нам тоже надо идти в гарем?

ПОЛКОВОДЕЦ. Ты не сошел с ума? Что мы будем там делать? Путь в гарем проходит отсюда. Отойдем в сторонку и немного подождем. Но я боюсь, что мы можем перепутать Государя с двойником.

СЛУГА. Я могу их различить.

ПОЛКОВОДЕЦ. По какому признаку?

СЛУГА. По походке...

ПОЛКОВОДЕЦ. Надо было заранее посоветоваться с самим Государем.

СЛУГА. Разве можно говорить об этом с Государем?.. Ты сам сказал, что Визирь дал приказ... Сначала надо поймать преступника на месте преступления, сообщить об этом Визирю, чтобы он сообщил об этом Государю...

ПОЛКОВОДЕЦ. Кажется, и раньше произошел подобный случай.

СЛУГА. Да, был. Прежнему полководцу было сообщено, что прежний Двойник встречается с наложницей. Но он этому не верил. Тогда Визирь отдал распоряжение. Мы стали ждать на этом самом месте. Наконец, показались Двойник и наложница. Мы набросили мешок на голову прежнего Двойника Государя. Затем Палач отрубил ему голову. Да, кстати, а где же мешок? Ты пришел с пустыми руками?

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет, принес мешок... Вот, лежит там... Только я не понял одного. СЛУГА. Чего же ты не понял?

ПОЛКОВОДЕЦ. Может, человек, которого вы поймали, был самим Государем? СЛУГА. Честно говоря, пойманный человек сначала пришел в ярость и плюнул на нас, он утверждал, что он не Двойник, а сам Государь.

ПОЛКОВОДЕЦ. И что вы сделали?

СЛУГА. Я же сказал тебе, что мы сделали...

ПОЛКОВОДЕЦ. Бог знает, может, тот человек, которому Палач отрубил голову, был самим Государем.

СЛУГА. Не глупи! Этого не может быть!

ПОЛКОВОДЕЦ. Но ведь сам подумай: мог бы виновный разгневаться, поднять скандал и тем более плюнуть на вас?..

СЛУГА. Утопающий цепляется за соломинку.

ПОЛКОВОДЕЦ. Что-то не верится...

СЛУГА. Чему не верится – моим словам или тому, что Двойнику отрубили голову? ПОЛКОВОДЕЦ. Подозрительно, был ли казненный подлинным двойником.

СЛУГА. Такие вещи лучше различает топор палача.

ПОЛКОВОДЕЦ. Топор?.. Разве топор разбирается в людских головах?

СЛУГА. Почему бы и нет? Разбирается. Меньше говори... Потише. Смотри вперед... Вот, идет... Это Двойник...

ПОЛКОВОДЕЦ. И он не один... А кто это с ним рядом?

СЛУГА. Рядом? Он идет с Наложницей Государя.

ПОЛКОВОДЕЦ. Послушай-ка, Двойник не может так свободно себя вести. Это сам Государь.

СЛУГА. Нет, это его Двойник.

ПОЛКОВОДЕЦ. Обрати внимание, этот нахал даже не повязал кушак. Теперь поди разберись, кто есть кто?..

СЛУГА. Какой еще к черту кушак?

ПОЛКОВОДЕЦ. Иди сюда. Кажется, Государь пьян...

СЛУГА. Это не Государь, это его Двойник. Уйди, уйди в сторону!

ПОЛКОВОДЕЦ. Не волочи ноги... Да, вот так...

Они уходят в темноту. Выходят Государь (без кушака) и Наложница.

НАЛОЖНИЦА. Великий Государь, я считаю себя самой счастливой женщиной на свете...

На лица Полководца и Слуги падает свет.

ПОЛКОВОДЕЦ. Видишь, это сам Государь!

СЛУГА. Тс-с-с... Тихо...

ГОСУДАРЬ. Ты уверена, что я Государь?..

НАЛОЖНИЦА. Что за вопрос? Разве я не знаю своего Государя?..

ГОСУДАРЬ. Но ведь я могу быть и двойником Государя.

СЛУГА. Слышал? Он не Государь...

ПОЛКОВОДЕЦ. Он же не говорит, что он не Государь.

СЛУГА. А что он говорит?..

ПОЛКОВОДЕЦ. Говорит, что он может быть Двойником.

СЛУГА. Тс-с-с... Слушай...

НАЛОЖНИЦА. Каждый твой приход превращается для меня в праздник. Твои шаги отдаются в моем сердце, моем пульсе.

ГОСУДАРЬ. Наверное, ты говорила эти же слова и моему Двойнику...

СЛУГА. Тс-с-с... Еще неизвестно – это Государь или его Двойник.

ГОСУДАРЬ. Ему отрубили голову из-за тебя. Наверное, ты знаешь...

НАЛОЖНИЦА. Знаю... Я все знаю.

ГОСУДАРЬ. Я очень тебя люблю – больше всех наложниц. Наверное, и это знаешь.

НАЛОЖНИЦА. Знаю. Ревнуешь?

ГОСУДАРЬ. Честно говоря, ревную. Иногда даже я ставлю себя на место своего Двойника... И ревную тебя к нему.

ПОЛКОВОДЕЦ. Слышал? Он ставит себя на место Двойника.

СЛУГА. Ну и что?

ПОЛКОВОДЕЦ. Как ну и что? Только Государь может поставить себя на место Двойника.

СЛУГА. Почему?

ПОЛКОВОДЕЦ. Потому что только у Государя есть Двойники.

СЛУГА. Ха-ха-ха!.. Ну, а разве сам Государь – не двойник Двойника?

ПОЛКОВОДЕЦ, Да... Это так. Они оба двойники друг друга.

СЛУГА. Верно. Тогда готовься, не упускай шанс!..

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет... По-моему, это – Государь...

СЛУГА. Слушай, что я говорю – готовь мешок...

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет, я не могу этого сделать. Мне еще не надоела моя голова.

ГОСУДАРЬ. Я иногда даже к себе ревную тебя.

НАЛОЖНИЦА (смеется). Ну, это переходит все границы!

Государь и Наложница уходят.

ПОЛКОВОДЕЦ. Наверное, Наложница сейчас вернется. Может, спросим у неё?... СЛУГА. О чём спросим?

ПОЛКОВОДЕЦ. Спросим, кто был рядом с ней...

СЛУГА. Какой же ты простак!.. Разве Наложница скажет нам правду? Если спросим такое, то нам обоим придется распрощаться с нашими головами.

ПОЛКОВОДЕЦ. Тихо. Кажется, Наложница возвращается. И не одна...

Уходят в темноту. Двойник (без кушака) и Наложница возвращаются обратно.

НАЛОЖНИЦА. Твой образ ни на мгновение не покидает меня.

ДВОЙНИК. Разве я умер, что ты разговариваешь со мной таким образом?

НАЛОЖНИЦА. Не дай Бог!.. Ты самый любимый, самый родной мне человек на этом свете.

ПОЛКОВОДЕЦ. Да, вот этот и есть Двойник. Прежний был Государем.

СЛУГА. Не спеши делать выводы. Откуда ты знаешь, что это Двойник? И у него на талии нет кушака...

ДВОЙНИК. Ты не обижаешься на меня, на мои шутки...

НАЛОЖНИЦА. Никогда! На тебя невозможно обидеться.

ДВОЙНИК. А на кого обижаешься?

НАЛОЖНИЦА. Где он, где ты?.. Он даже ногтя твоего отрезанного не стоит.

ДВОЙНИК. Но ведь у нас с ним нет особых различий.

НАЛОЖНИЦА. Ты можешь не чувствовать этих отличий, но я женщина. А женщины самые чувствительные существа на свете.

ДВОЙНИК. И самые лукавые. Ха-ха-ха.

НАЛОЖНИЦА. Нет, у меня по отношению к тебе нет никакого лукавства, обмана и коварства.

ДВОЙНИК. А по отношению к нему?

НАЛОЖНИЦА. Прошу тебя, не вспоминай о нем так часто при мне. (*Берет Двойника за руку, ласкает его.*)

ПОЛКОВОДЕЦ. Все ясно.

СЛУГА. Что ясно?

ПОЛКОВОДЕЦ. Это – Двойник. Он завладел Наложницей Государя.

СЛУГА. Откуда ты знаешь?

ПОЛКОВОДЕЦ. Не видишь, они говорят о «нем»?..

СЛУГА. О ком?

ПОЛКОВОДЕЦ. О том, кто есть «он».

СЛУГА. «Он» – может быть как Государем, так и Двойником.

ПОЛКОВОДЕЦ. Не видишь, Наложница восхваляет этого!

СЛУГА. Значит, «этот» – Государь! Кто такой Двойник, чтобы Наложница восхваляла его?

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет, я уверен, что это Двойник. Дай мешок, я накину его на голову этому подлецу!..

СЛУГА. Тс-с-с... Будь немного терпеливее.

НАЛОЖНИЦА. Меня ничто, ничто с ним не связывает.

ДВОЙНИК. Он в скором времени понесет наказание.

НАЛОЖНИЦА. Правда? Верить или нет?..

ДВОЙНИК. Думаю, у тебя рот на замке...

НАЛОЖНИЦА. Ты можешь верить мне, как себе, даже больше, чем себе.

ДВОЙНИК. Скоро ты станешь главной наложницей в гареме. Поняла?

НАЛОЖНИЦА. Самая большая награда для меня — не место, занимаемое при дворце, а твоя любовь.

ПОЛКОВОДЕЦ. Ничего не понял. Кого он хочет наказать?...

СЛУГА. Наверное, Двойника...

ПОЛКОВОДЕЦ. Разве это не Государь?..

СЛУГА. Ты же сам все слышал...

ПОЛКОВОДЕЦ. Услышать-то услышал, но ничего не понял.

СЛУГА. Поймешь, поймешь... Пошли.

ПОЛКОВОДЕЦ. Хорошо, что я не накинул мешок ему на голову. Но, честно говоря, я в недоумении. Кто вышел из гарема, кто туда вошел? Может, они оба – один и тот же человек?.. Но нет... Что-то в голову мне лезут другие мысли...

СЛУГА. Мне тоже кажется, что мы видели одного и того же человека.

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет, этого не может быть! Почему он должен был выйти из гарема и обратно туда вернуться? Это сомнительно. Я потом скажу тебе о том, что думаю.

НАЛОЖНИЦА. Дорогой, очень холодно... Может, уйдем? ДВОЙНИК. Идем, идем!.. Нас впереди ждет волшебная ночь. Как я счастлив! НАЛОЖНИЦА. Как мы счастливы!

Наложница и Двойник уходят.

ПОЛКОВОДЕЦ. Наше время потрачено впустую. Мы ничего не смогли уточнить. Идем. Холодно.

СЛУГА. Ты иди. Я пока побуду здесь.

Полководец уходит. Входит Сын.

СЫН. Где мой отец?..

СЛУГА. Сейчас он должен прийти. Подожди немного.

Входит Государь.

ГОСУДАРЬ. Да, кто там? Государь сюда...

СЫН. Здравствуй, отец... (Целуются.)

ГОСУДАРЬ. Да, присаживайся, дитя мое.

СЫН. Мне не хочется.

ГОСУДАРЬ. Почему?

СЫН. Я хочу сказать свои слова стоя.

ГОСУДАРЬ. Ну, тогда изволь, слушаю.

СЫН. Ведь мать каждую ночь ждет тебя. Сколько можно ждать, отец?

ГОСУДАРЬ (Слуге). Хотя бы ты ему объясни: где я бываю по ночам?

СЛУГА. Великий Государь, переодевшись, по ночам выходит в города и деревни страны, интересуется житьем народа.

СЫН. Отец, но ты же вчера обещал, что ночью придешь домой.

ГОСУДАРЬ. Вчера? (Слуге.) Скажи-ка, чем я занимался вчера ночью?

СЛУГА. Вчера ночью?.. Вчера?.. Ночью?.. Да, вспомнил: вчера ночью великий Государь занимался подготовкой новых законов.

ГОСУДАРЬ. Точно. Ох-х-х... Эти женщины... э-э-э эти законы. Я не знаю, куда бежать от этих законов?..

СЫН. Отец, ты же сам пишешь законы, куда ты можешь идти?

СЛУГА. Великий Государь пока еще очень нужен этой стране. Какой народ без Государя?.. Написанные им законы ведут нас в светлое будущее.

СЫН. А мое будущее?

ГОСУДАРЬ. А что с твоим будущим, дитя мое?

СЫН. Какую часть этого государства ты оставишь на мою долю?

ГОСУДАРЬ. Я хочу оставить тебе море, дитя мое. Море! С кораблями, лодками...

СЫН. Мне не нужно море.

ГОСУДАРЬ. Почему?..

СЫН. В этом государстве есть только одно море, да и то мертвое.

СЛУГА. Если Государь захочет, то оживит мертвое море.

ГОСУДАРЬ. Да, это так.

СЫН. Меня больше устраивает живой лес, чем мертвое море.

ГОСУДАРЬ. Лес? Зачем тебе понадобился лес?

СЫН. Я люблю лес – с птицами, со зверями...

ГОСУДАРЬ (*Слуге*). Напомнишь, чтоб я включил в закон, леса государства с птицами и зверями – дарую сыну.

СЛУГА. Слушаюсь, великий Государь!

СЫН. Хорошо, отец, а когда ты придешь домой?

ГОСУДАРЬ. Этой ночью обязательно приду, дитя мое. Скажи матери, чтоб не волновалась. Ох, уж эти женщины, эти женщины... Ох, уже эти законы, эти законы... Я – опять работать. Видишь?

Государь и Сын уходят. Входит Двойник, он волнуется.

ДВОЙНИК. Кажется, наш план должен удасться. Скоро ты станешь свидетелем удивительных дел.

СЛУГА. Уверен, что эти «удивительные дела» принесут нам только радость.

ДВОЙНИК. Конечно. Теперь мне надо идти, скоро буду. Точнее, меня приведут сюда. А ты будь внимателен. Не спутай меня с другим. Понял?!

СЛУГА. Будь спокоен! Я больше никогда не ошибусь!

Музыка. Двойник, что-то прошептав на ухо Слуге, уходит. Немного спустя входит встревоженный Визирь, нервно прохаживается и подходит к Слуге.

ВИЗИРЬ. Ты вот уже столько лет служишь Государю. Может быть, в этом дворце ты самый близкий, самый родной мне человек. Не может быть, чтоб ты не знал какойнибудь его, отличной от двойника, черты. Разумеется, кроме зеленого кушака...

СЛУГА. Конечно, есть такое отличие. Но я не имею права сказать, в чем состоит такое отличие.

ВИЗИРЬ. Как не имеешь?! Кругом сплошной бардак.

СЛУГА. Почему?.. Что случилось?..

ВИЗИРЬ. Теперь они оба выдают себя за Государя: и Государь, и его Двойник.

СЛУГА. Как это – оба выдают себя за Государя?.. Обычно Государь повязывает на пояс зеленый кушак, а Двойник белый...

ВИЗИРЬ. Дело в том, что они оба были не то, чтобы без кушака, но даже без халата.

СЛУГА. Где? Как же это могло произойти?...

ВИЗИРЬ. Один выходил от Наложницы, а другой только хотел войти. Оба встретились там, в гареме. Затеяли драку. Сплошной бардак. Узнав о произошедшем, я направился в гарем. Велел связать обоих. Теперь ты должен сказать нам, в чем основное отличие Государя от Двойника.

СЛУГА. Нет, уважаемый Визирь, в данном случае я не могу сказать, в чем заключается это отличие.

ВИЗИРЬ. Ты должен сказать!

СЛУГА. Не скажу!..

ВИЗИРЬ. Не забывай, что я второе лицо в государстве. Я... я могу отдать безжалостное распоряжение, которое решит твою участь...

СЛУГА. Разве Государь умер, чтоб ты отдавал приказы и распоряжался?

ВИЗИРЬ. Но ведь, пойми, мы спутали Государя с его двойником. Мы должны прийти к какому-то решению или нет?..

СЛУГА. Хорошо, уважаемый Визирь, не нервничай... Мы все проясним...

ВИЗИРЬ. А пораньше не мог этого сказать?.. А то я совсем перепугался... Хорошо, скажи-ка, что теперь будем делать?..

СЛУГА. Пусть приведут обоих.

ВИЗИРЬ. Что, прямо сюда?..

СЛУГА. Разве есть более надежное место?

ВИЗИРЬ. И то правда... (*Выкрикивает в дверь.*) Уважаемый Полководец... Прошу пожаловать сюда. Сначала приведите того буяна.

Входят Государь, Наложница и Полководец. У Государя связаны руки.

ГОСУДАРЬ. Что это за безобразие? Что за оскорбление?..

ВИЗИРЬ. Прошу не кричать...

ПОЛКОВОДЕЦ. Сейчас все станет ясно...

НАЛОЖНИЦА. А что делать мне?.. Уйти или остаться?

СЛУГА. Никуда не уходи, ты можешь понадобиться.

ГОСУДАРЬ. Какой же нахал этот Двойник! Стоит на своем, как упертый, говорит, что Государь не я, а он! (*Слуге.*) Ведь я тебе еще тогда говорил, что он мне не нравится.

СЛУГА. Мы еще не уточнили, кто Двойник, а кто Государь.

ГОСУДАРЬ. Как это не уточнили? Разве ты меня не узнаешь? Или эта... старая Наложница тоже не узнает меня?

НАЛОЖНИЦА. Впервые вижу, чтоб раздвоился один и тот же человек.

ГОСУДАРЬ. Раздвоился?.. Я един, я Государь, а тот подлец – мой Двойник.

ВИЗИРЬ. Сейчас определят, кто есть Двойник.

ГОСУДАРЬ. Каким образом?..

ВСЕ. И вправду... Как?..

СЛУГА. Так как это возложено на меня, то пусть разденут обоих претендентов на место Государя.

ВИЗИРЬ. Раздеть их полностью, или...?

ПОЛКОВОДЕЦ. Догола?

НАЛОЖНИЦА. Ой!.. Я стесняюсь...

СЛУГА. Разденьте! Надо раздеть их догола.

ГОСУДАРЬ. Развяжите меня! Отстаньте!

СЛУГА. Свалите его на землю и задерите ему подол рубашки.

Государя валят на пол и задирают подол его рубашки.

ВИЗИРЬ. Ну-ка, посмотрим... Ведь кто-то из них – тот или этот – Государь. ГОСУДАРЬ. За это оскорбление вы все должны будете отвечать пред законом!

Слуга внимательно смотрит на лежащего на полу Государя.

СЛУГА. Унесите его! ВИЗИРЬ. Да, в чем дело?.. Это Государь или Двойник?.. ГОСУДАРЬ. Какой Двойник? Что за Двойник? Я Государь! СЛУГА. Унесите его, принесите другого!

Визирь, Полководец, Слуга и Наложница берут Государя за руки и выталкивают его.

ВИЗИРЬ. Как нам теперь узнать, который из них Государь? ПОЛКОВОДЕЦ. Правда... По какому признаку?.. СЛУГА. На спине у Государя есть большое родимое пятно... НАЛОЖНИЦА. Да, это так... ПОЛКОВОДЕЦ. Наверное, родимое пятно на спине у другого. СЛУГА. Приведите его!

Входит Двойник.

ДВОЙНИК. Что я должен сделать?.. СЛУГА. Ложись на пол! Задери подол рубашки. ДВОЙНИК. Слушаюсь!

Двойник ложится на пол.

СЛУГА. Да, вот это наш великий Государь. Видите, под кушаком у него большое родимое пятно цвета кушака. Вся разница в этом! ВСЕ. Правда!..

Снаружи доносится голос Государя:

«О Боже! Что за беда? Ну и дела. В то время, когда истинным Государем являюсь я, вы хотите отдать мое имя, корону и трон другому. Подлецы!»

Двойник встает и приводит себя в порядок. Визирь накидывает халат на плечи Двойнику, Полководец завязывает кушак, Наложница расчесывает ему волосы.

НАЛОЖНИЦА. Да, он – истинный Государь!

Голос Государя: «О Боже, что за дела?!..»

ДВОЙНИК. Конечно, я могу наказать его за подобную измену. Но не буду этого делать. Может, чиновничья страсть затмила ему взор... И еще – я очень добросердечен. Я прощаю своего двойника.

СЛУГА. Великий Государь, он нуждается в лечении... ВСЕ. Да! Это так!..

Голос Государя: «О Боже! Кажется, я сойду с ума!»

Торжественная музыка. Двойника берут за руку и помогают ему воссесть на Государевом троне.

3AHABEC

Действие второе

Перед дворцом Двойник (в зеленом кушаке) принимает парад; отныне он Государь. Играет оркестр. Солдаты стоят по стойке «смирно». Двойник уходит, затем быстро возвращается. Слуга, Полководец и Визирь подходят к Двойнику. Солдаты уходят.

ВИЗИРЬ. Ваше Высочество, что нам прикажете?

ДВОЙНИК. Надо подготовиться к встрече с народом. Соберите всех на площади. ВИЗИРЬ. Народ всегда готов к встрече со своим Государем и испытывает от этих встреч огромную радость.

ПОЛКОВОДЕЦ. А что прикажет Великий Государь своим солдатам?

ДВОЙНИК. Надо привести войска в боевое состояние!

ПОЛКОВОДЕЦ. Войска всегда готовы к сражению, Великий Государь!

СЛУГА. А что делать мне, Великий Государь?

ДВОЙНИК. Идем со мной, у меня к тебе слово.

СЛУГА. Слушаюсь и повинуюсь!

Двойник и Слуга уходят. Визирь и Полководец кланяются и провожают их.

ВИЗИРЬ. Послушай-ка, как ты оцениваешь поведение Государя в последнее время?

ПОЛКОВОДЕЦ. Уважаемый Визирь, честно говоря, этот же вопрос я хотел задать тебе.

ВИЗИРЬ. Он ведет себя очень странно.

ПОЛКОВОДЕЦ. Особенно после того, как его Двойника бросили в темницу... Не так ли?

ВИЗИРЬ. Верно... С того самого дня его характер резко изменился.

ПОЛКОВОДЕЦ. Может быть, он скорбит по своему Двойнику?

ВИЗИРЬ. Нет... Не верю...

ПОЛКОВОДЕЦ. Тогда выходит так, что он не испытывает потребности в Двойнике. ВИЗИРЬ. По-моему, дело не в этом...

ПОЛКОВОДЕЦ. «Дело не в этом»... значит, ты что-то знаешь и скрываешь это от меня.

ВИЗИРЬ. Я ничего не знаю и ничего не скрываю.

ПОЛКОВОДЕЦ. Разве ты не сказал, что он ведет себя более, чем странно?

ВИЗИРЬ (дрожащим от страха голосом). Нет, я ничего не говорил.

ПОЛКОВОДЕЦ. Ого! Наверное мои уши меня обманывают.

ВИЗИРЬ. Все может быть. Но если не ошибаюсь, ты сам сказал нечто подобное...

ПОЛКОВОДЕЦ. Что же я мог сказать?

ВИЗИРЬ. Ты сказал, что он скорбит по Двойнику.

ПОЛКОВОДЕЦ. Кто скорбит по Двойнику?

ВИЗИРЬ (оглядывается). Кажется, он очень сильно соскучился по народу. Но раньше он избегал подобных торжественных демонстраций...

ПОЛКОВОДЕЦ (оглядывается). Странно. Он потребовал привести войска в боевую готовность. К чему бы это?

ВИЗИРЬ. Он хочет встретиться с народом? Почему?

ПОЛКОВОДЕЦ. С кем он хочет сразиться? И почему?

ВИЗИРЬ. Обыкновенно Государь советуется со своим Визирем.

ПОЛКОВОДЕЦ. Но теперь его советник, кажется, Слуга.

ВИЗИРЬ. Они всегда ходят вместе.

ПОЛКОВОДЕЦ. Вместе проводят дни.

ВИЗИРЬ. А Двойник? А... чем он занят?..

ПОЛКОВОДЕЦ. Двойник? Пока что он сидит в темнице.

ВИЗИРЬ. Ты смог бы с ним встретиться?

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет. Странно, но мои солдаты не пускают меня в темницу...

ВИЗИРЬ. Кто тебе мешает?

ПОЛКОВОДЕЦ. Слуга...

ВИЗИРЬ. Откуда такие полномочия у простого Слуги?

ПОЛКОВОДЕЦ. Наверное, есть кто-то, кто дает ему такие полномочия.

ВИЗИРЬ. По сведениям, которые донеслись до меня из достоверных источников (оглядывается), Двойник, несмотря на то, что находится в темнице, все еще продолжает считать себя Государем (оглядывается), говорит, что законная власть была отнята насильно.

ПОЛКОВОДЕЦ. Я слышал, что и прежний Двойник до того, как положить голову на плаху Палача, кричал во весь голос, что он – Государь!

ВИЗИРЬ. Верно. Я лично присутствовал на казни. Это была превосходное зрелище.

ПОЛКОВОДЕЦ. Почему превосходное?

ВИЗИРЬ. Все было организовано на высоком уровне: плаха, топор, толпа, развевающиеся стяги, фейерверки, улыбающиеся лица... Я уже не говорю про стихи, изобличающие предателя... Усердствующие поэты, ученые...

ПОЛКОВОДЕЦ. Разве народ знал, что человек, которого казнят, является двойником Государя?

ВИЗИРЬ. Нет... Что ты говоришь? Разве можно говорить такое народу? Народ даже не видел лица казненного. Рот его был заткнут кляпом, а лицо было закрыто покрывалом. Народ не должен был знать, что казненный человек – предатель. Все считали, что участь того, кто объявляет себя Государем, пытается насильно присвоить власть, должна быть именно такой...

ПОЛКОВОДЕЦ. Нынешний Двойник, который сидит в темнице, тоже объявляет себя Государем. А что будет с ним?

ВИЗИРЬ. Наверное, его тоже казнят... (*Пауза.*) Но я ничего не понимаю в рвении Слуги.

ПОЛКОВОДЕЦ. Войска должны быть приведены в боевую готовность. Я пошел. ВИЗИРЬ. Народ должен собраться на площади. Это не так-то уж и просто организовать. Я тоже пошел...

ПОЛКОВОДЕЦ. Я совсем запутался.

ВИЗИРЬ. Идем. Нельзя терять времени...

ПОЛКОВОДЕЦ. Хорошо, идем, уважаемый Визирь.

Визирь и Полководец уходят. Музыка.

Государь (без кушака на талии) шатаясь, от чьего-то тяжелого удара падает в центре сцены. Лица не видно, так как он стоит спиной к залу. Входят Двойник и Слуга. Чувствуется, они в хорошем настроении.

ДВОЙНИК (*Государю*). Хм-м-м. Смотри-ка... Ты всё еще настаиваешь на своем? СЛУГА (*Государю*). Почему молчишь, подлец?

ДВОЙНИК. Думаешь, что никто не знает о том, каким путем ты пришел к власти? СЛУГА. Я живой свидетель: он насильно присвоил власть!

ДВОЙНИК. Кажется, его рот заткнули кляпом. Может, дадим ему возможность высказаться?

СЛУГА. Пусть лучше послушает.

Государь машет руками, бьется, чувствуется, что он хочет что-то сказать.

ДВОЙНИК. Он не хочет осознать, кем он является. (*Государю*.) Вполне вероятно, что ты теряешь разум. Я слышал, что ты и в темнице кричишь, что ты Государь. Какой же из тебя Государь! Ты теперь не Государь, а Двойник. Ты простая тень! Понимаешь? Забудь о прошлом — это сон. Ты мой двойник. Двойник государя! Знаешь, какое наказание ожидает тебя за попытку присвоения власти?.. Просто казнить тебя мало, подлец!.. (*Слуге*.) Надо бросить его на съедение черному барсу!

СЛУГА (*Двойнику*). Сжалься, великий Государь. Наверное, он ошибся, потерял рассудок. Прости его. (*Подмигивает*.) Он поймет свою вину. (*Государю*.) Ты понимаешь, что за ошибку ты совершил? Нет? Идем, будешь соседом черному барсу; наверное, услышав его рычание, ты немного поумнеешь.

Слуга, взяв Государя за руку, выталкивает его наружу.

ДВОЙНИК. Ты единственный человек в этом дворце, которому я доверяю. Вскоре ты получишь свое достойное вознаграждение.

СЛУГА. Мне кажется, что мы опаздываем.

ДВОЙНИК, Опаздываем? В каком деле?...

СЛУГА. Да, опаздываем. До каких пор Визирь будет занимать свой пост? Я уже не говорю о Полководце...

ДВОЙНИК. Мы же не можем сразу всех изгнать с дворца...

СЛУГА. Почему изгнать?.. Или же должны их арестовать, или же раз и навсегда – на тот свет.

ДВОЙНИК. Нет, если мы поступим так, то это будет расцениваться как переворот. Тогда восстанут их сторонники, поднимут бунт.

СЛУГА. Но что же делать? Выходит так, что еще долгое время каждый будет занимать свой пост.

ДВОЙНИК. Я долго думал и нашел отличный выход.

СЛУГА. Что это за выход?

ДВОЙНИК. Послушай-ка (*оглядывается*), мы должны поискать и найти их двойников. Понял, кого я имею в виду?

СЛУГА. Кого?

ДВОЙНИК. В первую очередь я имею в виду Визиря и Полководца. После того, как будут найдены Двойники, все будет в порядке.

СЛУГА. Мы знаем, что только у Государя бывает Двойник. Зачем нужны другие двойники?

ДВОЙНИК. Слушай, ведь я же тебе сказал. Если мы сразу уберем всех влиятельных людей во дворце, то народ может подумать о власти — то есть, о нас — не очень хорошо. Это вызовет подозрения. Даже может подняться бунт. Те, кто внизу,

могут подумать: почему представители власти, долгое время работающие вместе, ни с того, ни с сего разделились на два противоположных лагеря? Глупые вопросы всегда порождают глупые дела. Но если мы сможем разыскать двойников, то сможем отправить неугодных нам людей в ад и посадить на их места двойников. А народ увидит, что в правительстве каждый на своем месте, во дворце царят мир и благополучие. Знаешь что? Те, кто внизу, хотят видеть одних и тех же людей наверху. Народ прекрасно знает, что смена власти доставляет ему массу проблем. Перевороты ни к чему хорошему не приводят.

СЛУГА. Но ведь и твой вариант на самом деле – переворот.

ДВОЙНИК. Никто не узнает о том, что это переворот. Ведь лица в правительстве будут те же самые. Кто, кроме тебя и меня, знает об истинном владельце трона – Двойник он или Государь?

СЛУГА. Ладно, до каких пор надо продержать твоего Двойника в темнице?

ДВОЙНИК. В скором времени мы его освободим. Пусть пока немного поумнеет. А потом некоторое время побудет Двойником...

СЛУГА. А потом?

ДВОЙНИК. А потом мы найдем другого Двойника и должным образом решим этот вопрос.

СЛУГА. Ты сам видел, что он пока не образумился...

ДВОЙНИК. Надо ему все объяснить. (*Пауза.*) Глупец со злости худеет и выбивается из сил.

СЛУГА. Это так, после того, как потерял власть, он заметно похудел...

ДВОЙНИК. Дорогой, так нельзя!.. Насильно заставьте его принимать пищу. Он – мой работник. Он должен быть похожим на меня. Какое он имеет право идти против меня?.. Разве я худею, чтоб он тоже худел?.. Или я должен худеть, беря пример с него?.. Нет, этого не будет! Я – Государь! Заставьте его пополнеть! Если не будет есть – поколотите!

СЛУГА. Хорошо! Слушаюсь, великий Государь!

ДВОЙНИК. Я иногда отдыхаю, бываю на охоте. Ты — свой человек во дворце. Сам знаешь, что в такое время кто-то должен оставаться во дворце. Иногда поступают всякие жалобы и тому подобное. Кто же должен их принимать? Конечно, Двойник! Да и подлиз — дворцовых поэтов и певцов — зачастую принимает Двойник. Где Государю найти время, чтоб слушать пустые речи? Двойник также необходим с точки зрения безопасности. Не так ли?

СЛУГА. Да, это так. Мы же не станем отправлять на сражения Государя...

ДВОЙНИК. Что делать Государю на поле битвы, родной? Конечно, войско должен возглавлять Двойник. Кстати, по моему приказу войска приведены в боевую готовность. В скором времени мы перейдем в наступление.

СЛУГА. С каким государством мы будем воевать?

ДВОЙНИК. Да ни с каким... В деревне, где я родился, проживает нехороший род, надо их уничтожить.

СЛУГА. Устроим... Это – не проблема.

Спокойная музыка.

ДВОЙНИК. Ох-х-х... Сейчас я понимаю, что быть Государем очень сложно, но я не их тех Государей, кто боится трудностей. Сегодня у нас есть еще какие-нибудь мероприятия?

СЛУГА. Мероприятий много. Может, сначала пригласить танцовщиц, чтобы немного прошла ваша усталость.

ДВОЙНИК. Я не возражаю.

Слуга выходит. Музыка. Входят танцовщицы. Танец. Государь покачивается в такт музыке, затем присоединяется к танцовщицам. Входит Слуга. Танцовщицы уходят.

СЛУГА. Мы нашли одного двойника, великий Государь.

ДВОЙНИК. Что нашли?.. Хм-м-м... Какого двойника?

СЛУГА. Двойника Визиря.

ДВОЙНИК. Визиря? Где он сейчас?

СЛУГА. Здесь, во дворце.

ДВОЙНИК. Хорошо, пусть войдет.

Слуга открывает дверь.

Входит Двойник Визиря, кланяется; он в гражданской одежде. Все двойники, участвующие во всех остальных эпизодах, в отличных от «оригиналов» одеждах.

СЛУГА. Это тот самый человек, великий Государь.

ДВОЙНИК (*разглядывает Двойника Визиря*). Хм-м-м... Неплохо. Похож. Как будто близнецы. А они, случайно, не родственники? Этот знает того?

СЛУГА. Нет, великий Государь.

ДВОЙНИК. А тот этого?

СЛУГА. По-моему, они не знакомы. (Двойнику Визиря.) Ты знаешь его?

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ (поводит плечами). Я здесь никого не знаю.

ДВОЙНИК. Как это, ты не знаешь Визиря государства?

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Ваше Высочество, какое мне дело до Визиря, я с ним не торговал!

ДВОЙНИК. Ты занимаешься торговлей?

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Да, ваше высочество. Я торгую словами.

СЛУГА. Не мели чепухи. Разве торгуют словами?

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Почему бы и нет? Разве есть что-нибудь ценнее слова, ваше высочество?..

ДВОЙНИК. Кажется, из него что-нибудь ценное получится. Ладно, пусть идет. СЛУГА. Подожди меня снаружи.

Двойник Визиря выходит.

ДВОЙНИК. Да, теперь остались другие двойники...

СЛУГА. Я дал указание соответствующим людям: в скором времени они найдут двойника Полководца.

ДВОЙНИК. Ты точно это знаешь?

СЛУГА. Да. Они уже присмотрели нескольких людей.

ДВОЙНИК. Остался только мой новый Двойник.

СЛУГА. Дай Бог, его тоже найдем. И в этом направлении ведутся поиски.

ДВОЙНИК. Ладно. Кто-нибудь еще хочет меня видеть, попасть ко мне на прием?

СЛУГА. Пришел сын Государя... он хочет видеть своего отца... Он не знает о том, что его отец в темнице.

ДВОЙНИК. Теперь Государь не он, а я... значит, он – мое дитя. Пусть войдет.

Слуга открывает дверь. Входит Сын; он в необычной, странной одежде.

СЫН. Здравствуй, отец. ДВОЙНИК. Входи, дитя мое.

Двойник и Сын целуются.

СЫН. Отец, ты уже давно не приходишь домой. Обещал в прошлый раз, но... ДВОЙНИК. Я занят важными государственными делами, дитя мое.

СЫН. Моя мать не спит до утра, ждет тебя. Она растаяла, как свеча.

ДВОЙНИК. Дитя мое, скажи матери, чтобы не волновалась. Я улажу здесь дела и в скором времени приду домой.

СЫН. Хорошо, отец, обязательно передам.

ДВОЙНИК. Дитя мое, может, у тебя есть какая-нибудь просьба ко мне?

СЫН. Знаешь, отец... У меня будет одна просьба к тебе...

ДВОЙНИК. Изволь, дитя мое.

СЫН. Я хочу небо, отец.

ДВОЙНИК (внимательно на него смотрит). Небо?

СЛУГА. Да, он хочет небо, великий Государь. Небо, звезды...

ДВОЙНИК. ...Луну, Солнце, не так?

СЫН. Да, да, отец.

ДВОЙНИК (*задумывается*). Хм-м-м... Самое большое сокровище государства – это небо. Но самый близкий, самый родной мне человек на этом свете – это мой родной сын. (*Слуге.*) Не так ли?

СЛУГА. Да, это так, ваше высочество. Не каждому отцу достается такой сын: умный, смышленый, дальновидный.

ДВОЙНИК. И поэтому предлагаю включить в новый закон следующую статью: небо государства вместе с Луной, Солнцем и звездами дарую сыну...

СЛУГА. Мы обязательно учтем это ценное указание, великий Государь.

СЫН. Спасибо, отец. Вечером ждем тебя дома.

ДВОЙНИК. Будь спокоен, дитя мое. Скажи матери, что я обязательно приду.

СЫН. Счастливо, отец! До свидания!

ДВОЙНИК. До свидания, дитя мое. (*Слуге.*) Проводи моего сына. Покажи ему подарок отца.

Музыка. Слуга и Сын уходят. Двойник бьет в ладоши, хохочет. Смеясь, уходит. Входит Слуга, затем, немного спустя, новый Двойник Двойника (а также Государя); Двойник Двойника в обычной гражданской одежде. Чувствуется, что он боится, трусит. Слуга внимательно смотри на фотографию в своей руке и на человека перед собой — Двойника Двойника. Слуга смеется. У Двойника Двойника от страха трясутся руки, заплетается язык.

СЛУГА. Знаешь, почему я тебя сюда пригласил? ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Нет. Н-н-е знаю...

СЛУГА. Ты знаешь нашего Государя?..

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Нет... Н-н-е знаю...

СЛУГА. Ты не видел его на площади на встрече с народом?

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Нет... Я живу в дальнем селе.

СЛУГА. Значит, ты не видел Государя?..

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Нет... Но моя мать когда-то работала здесь, в этом дворце, уборщицей. Она знала Государя.

СЛУГА. Во время правления какого Государя?

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. А сколько их было?

СЛУГА. Хм-м-м...Ты прав. Здесь всегда правил этот Государь... Откуда тебе, бедному, знать, что Государи, если даже умирают, то остаются в живых.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Я не сведущ в таких вещах. Знаю только то, что когда в нашем доме заходит речь о Государе, то мать всегда плачет.

СЛУГА. Почему?

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Видимо, она вспоминает свои счастливые дни во дворце. СЛУГА. Ладно, если мы приведем тебя во дворец, перестанет ли плакать твоя мать?

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Не знаю. Но мама недавно говорила, что хотя и прошло столько лет, но Государь по-прежнему молод.

СЛУГА. А больше ничего она тебе не говорила?

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Даже не знаю. Говорят, что дворец – страшное место... Но... Раз ты спрашиваешь, скажу правду: по словам матери, я очень похож на Государя.

СЛУГА. Молодец! Твоя мать говорит правду. Мать никогда не обманет свое дитя. Ты очень похож на Государя. Вы похожи друг на друга как две капли воды. Теперь я задам тебе один вопрос: скажи-ка, ты когда-нибудь мечтал стать большим человеком?

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Большим человеком?

СЛУГА. Ну, да... Например, сборщиком налогов, палачом, представителем дворцовой знати, визирем или даже самим Государем?..

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Ты шутишь?.. Или издеваешься надо мной?

СЛУГА. Нет... Какие шутки, парень? Это мои правдивые слова. Но слушай меня внимательно. Нет... Сначала скажи-ка, умеешь ли ты держать рот на замке? (*Прикрывает рот рукой*.)

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Можешь быть спокоен.

СЛУГА. Ну, тогда идем, проясню тебе кое-что...

Уходят.

Входят Визирь и Полководец. Музыка.

ПОЛКОВОДЕЦ. Знаешь, что случилось?

ВИЗИРЬ. Нет. А что?

ПОЛКОВОДЕЦ. Уважаемый Визирь, ты второе лицо в этом дворце. Но...

ВИЗИРЬ. Что но?.. Скажи, в чем дело?..

ПОЛКОВОДЕЦ. По дошедшим до меня сведениям, во дворец привели нового Двойника Государя.

ВИЗИРЬ. Двойник Государя?.. (*Смеется.*) Нет, этот новый и есть тот старый. Просто теперь он немного поумнел. И больше не считает себя Государем.

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет... Речь идет не о прежнем, а о новом Двойнике. Даже говорят, что... (*Оглядывается*.) Сказать или нет?

ВИЗИРЬ. Говори, не бойся. (Оглядывается.) Я тоже тебе кое-что скажу.

ПОЛКОВОДЕЦ. Говорят, что нашли и твоего двойника.

ВИЗИРЬ. Моего?

ПОЛКОВОДЕЦ. Да, твоего двойника, уважаемый Визирь.

ВИЗИРЬ. Хм-м-м... По информации, просочившейся из достоверных источников (*оглядывается*), теперь по всему государству ищут, к тому же, двойника Полководца. ПОЛКОВОДЕЦ. Что-о-о? Кого?! Моего двойника?..

Тревожная музыка.

ВИЗИРЬ. Не кричи! Успокойся! Да, твоего двойника... Значит, моего двойника нашли. Почему? (*Ходит из угла в угол. Пауза.*) Твоего двойника тоже найдут? Кому это нужно? (*Ходит из угла в угол. Пауза.*) Обычно у Государя был один двойник, но теперь нашелся и второй. Кому это нужно? Знаешь, в чем дело, уважаемый Полководец? Они хотят найти наших двойников и... убрать нас.

ПОЛКОВОДЕЦ. Почему?

ВИЗИРЬ. Потому что Слуга возмечтал о большом звании; он хочет стать или Полководцем, или Визирем.

ПОЛКОВОДЕЦ. Не может быть! Государь не допустит этого.

ВИЗИРЬ. Государь?.. Какой Государь?..

ПОЛКОВОДЕЦ. Наш вождь...

ВИЗИРЬ. Слушай... (*Оглядывается*.) Он – не Государь. Государь сидит в темнице. ПОЛКОВОДЕЦ. Что ты говоришь?

ВИЗИРЬ. Да. Это так. Можешь быть уверен.

ПОЛКОВОДЕЦ. Я же говорил... Тот бедняга стенал и говорил, что Государь – это он... В таком случае, мы должны освободить его и привести к власти.

ВИЗИРЬ. Богом клянусь, ты — глупец, милый Полководец... Во-первых, Государь сегодня будет освобожден. Но после этого он будет продолжать свою деятельность не как Государь, а как Двойник. А во-вторых, мы после этого никогда не должны думать о том, чтобы вернуть ему власть!

ПОЛКОВОДЕЦ. Почему?

ВИЗИРЬ. Ведь его арестовали по нашему свидетельству. Понял? На самом деле даже тот, кто сидит в темнице, не является истинным Государем. Он тоже был двойником прежнего Государя. Мы ему помогли и привели его к власти. А теперь этот поганый Двойник хочет уничтожить нас вместе со старым Государем. Наверное, именно поэтому он нашел себе двойника. (*Пауза.*) В таком случае участь Государя определена. Я имею в виду того, который в темнице...

ПОЛКОВОДЕЦ. Скажу тебе еще кое-что: по полученной мною информации, новый Государь пока еще не знает о своем новом Двойнике, то есть, они не встречались.

ВИЗИРЬ. Да, да... Ты правильно все понял.

ВИЗИРЬ. Виновник всех этих происшествий – Слуга. Наверное, у него какой-то новый план. Он ведет двойную игру.

ПОЛКОВОДЕЦ. А что теперь нам делать? У Государя очень сильная охрана. Большинство солдат и офицеров в армии верят ему от всего сердца. Покушение невозможно. (*Пауза*.) Может, уберем Слугу? Если поступим так, то план хотя бы на время расстроится. Но... И это вызывает подозрения.

Музыка. Женский смех.

ВИЗИРЬ. Мы должны что-то сделать. Кажется, кто-то идет. Ага... Это наложница. А рядом с ней Государь.

ПОЛКОВОДЕЦ. Может, прикончим?...

ВИЗИРЬ. Кого?.. Государя?.. Наложницу? Нет... Надо быть осторожными. Смотри-ка... Слуга-паршивец следит за ними. Волочится за ними. Отойди в сторону... Иди сюда.

Они втягиваются в темноту. Входят Государь и Наложница. Государь в обычной одежде – в красной рубашке. Слуга со стороны следит за ними.

НАЛОЖНИЦА. Где ты был столько дней? Чаша моего терпения переполнилась. Если бы ты и сегодня не пришел, я сама отправилась бы во дворец...

ГОСУДАРЬ. Откуда ты знаешь, что я во дворце?

На лица Визиря и Полководца падает свет.

ВИЗИРЬ. Наверное, это новый Двойник...

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет, он похож на прежнего Двойника – то есть, на Государя. Наверное, его сегодня освободили из темницы... Он даже не повязал кушак, негодяй...

НАЛОЖНИЦА. Разве ты не бываешь во дворце?..

ГОСУДАРЬ. Я бываю там, где хочу, дорогая. Я же повсюду, как во дворце.

ВИЗИРЬ. Сто процентов, это – Двойник.

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет, это Двойник Двойника.

ГОСУДАРЬ. Скоро я опять поправлюсь...

ВИЗИРЬ. Нет, кажется, это – прежний Государь. Ведь он похудел в темнице...

ПОЛКОВОДЕЦ. Какое нам дело до прежнего?..

ВИЗИРЬ. Посмотрим, чем все это закончится?...

НАЛОЖНИЦА. А теперь что будем делать, дорогой?...

ГОСУДАРЬ. А что мы должны делать? Надо расстаться. Я провел несколько дней в невероятных мучениях. О причине этого я скажу тебе потом. Сегодня в первый раз я чувствую себя хорошо. Ну, давай, пока, дорогая. Дай-ка я тебя поцелую.

Государь и Наложница уходят. Оглядываясь, входит Слуга и пропадает во тьме из виду.

ПОЛКОВОДЕЦ. Давай прикончим этого подлеца – Слугу.

ВИЗИРЬ. Будь терпелив... Ага... Смотри туда... Наложница снова вернулась... И она не одна...

ПОЛКОВОДЕЦ. Рядом с ней Государь...

ВИЗИРЬ. Откуда ты знаешь? И притом, которого Государя ты имеешь в виду – нового или прежнего?

ПОЛКОВОДЕЦ. Этот похож на нового.

ВИЗИРЬ. Тс-с-с... Тихо. Отойди в сторону.

Они отходят в сторону. Входят Двойник и Наложница. Двойник одет несколько иначе – в полосатую рубашку. ДВОЙНИК. Кажется, ты соскучилась по мне?

НАЛОЖНИЦА. Соскучилась?.. Мало сказано... Мне без тебя нет ни ночи, ни дня...

ПОЛКОВОДЕЦ. Слушай-ка, знает ли Наложница о том, что она встречается не с одним, а с двумя?

ВИЗИРЬ. Странный ты человек, милый Полководец! Конечно, знает. Почему бы ей не знать? Просто делает вид, что не знает. Это самая красивая и хитрая женщина в гареме!

ПОЛКОВОДЕЦ. А кто сейчас рядом с ней? Государь, или?..

ВИЗИРЬ. Не знаю. Разве удастся их, подлецов, отличить друг от друга?.. Я имею в виду Двойников...

ПОЛКОВОДЕЦ. Вдобавок, еще с каждым днем увеличивается их количество...

НАЛОЖНИЦА. Я никогда не забуду радость от вчерашней встречи.

ДВОЙНИК, Я тоже...

ВИЗИРЬ. Наверное, это Двойник.

ПОЛКОВОДЕЦ. Нет... Может, Двойник Двойника. Уберем его?..

ВИЗИРЬ. Сейчас Слуга следит за ними... Может, и за нами... он хитрый человек...

НАЛОЖНИЦА. Наверное, ты завтра тоже придешь, дорогой...

ДВОЙНИК. Конечно, приду... Давай провожу тебя.

НАЛОЖНИЦА. Не беспокойся, милый...

Наложница и Двойник выходят, взявшись за руки. Слуга, показавшись на миг, уходит. В скором времени, взявшись за руки, входят Наложница и Двойник Двойника. Двойник двойника одет иначе, он в белой рубашке.

ВИЗИРЬ. А вот тебе и третий...

ПОЛКОВОДЕЦ. Какой третий, уважаемый Визирь?..

ВИЗИРЬ. Не видишь, этот тоже похож на Государя?..

ПОЛКОВОДЕЦ. А может, это и есть Государь?..

ВИЗИРЬ. Тс-с-с... Тихо.

НАЛОЖНИЦА. Какой же ты сильный и нежный, грубый и ласковый, страстный и сдержанный человек...

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. В нашем селе все меня любили и нежили.

ВИЗИРЬ. Какое село? Что несет этот балбес?...

ПОЛКОВОДЕЦ. Это, наверное, новичок. Двойник двойника...

НАЛОЖНИЦА. Дорогой, ты ездил в село?..

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Хм... Хм... Да... Добрался... Да... Я ездил в село – в лес. На охоту...

НАЛОЖНИЦА. Твоя самая ценная добыча – это я...

ВИЗИРЬ. Нет, кажется это двойник Государя: я имею в виду прежнего Двойника.

ПОЛКОВОДЕЦ. А может, это сам Государь?

ВИЗИРЬ. Государь был освобожден из темницы сегодня. Какая еще охота?..

НАЛОЖНИЦА (смеется). Не знаю. Кроме себя, я там никого не вижу.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Но ведь слуга говорит, что там много женщин...

НАЛОЖНИЦА. А во дворце много Государей? (Смеется.)

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Что?.. Не знаю. Знаю только то, что скоро останусь лишь я... НАЛОЖНИЦА. Ты всегда один

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Прямо как ты... НАЛОЖНИЦА. Давай-ка я провожу тебя... ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Да, идем.

Двойник Двойника и Наложница уходят, взявшись за руки.

ВИЗИРЬ. Это новый Двойник. В каком лесу нашли этого медведя? ПОЛКОВОДЕЦ. Боюсь, этот медведь нас растерзает...

ВИЗИРЬ. Отойди. Идет слуга.

ПОЛКОВОДЕЦ. Кажется, рядом с ним Государь...

ВИЗИРЬ. Какой еще Государь, родной мой? Это медведь... Идем. Нас могут увидеть.

Визирь и Полководец уходят. Входят Слуга и Двойник Двойника.

СЛУГА. Глупец, тебе доверена такая должность. Но ты не можешь контролировать себя.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Богом клянусь, я порой забываю, что являюсь двойником Государя.

СЛУГА. Ни на секунду не забывай, что ты являешься Государем! Понял?.. ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Слушаюсь!

СЛУГА. Я же все тебе разъяснил. В скором времени уберут Визиря. Мы уже достаточно поработали с его двойником. Недавно мы также нашли двойника Полководца. Значит, и Полководца надо отправить на тот свет. Затем чья очередь? (Пауза.) Почему молчишь? Кажется, боишься? Не бойся. Уже не до страха. Если мы станем медлить, то продвинутся другие. Ну, почему молчишь? Слушай и знай. Затем очередь дойдет и до Государя, то есть, до твоего двойника. То есть, до обманщика и плута, захватившего власть и объявившего себя Государем. Мы уберем его и объявим Государем тебя. А тебе найдем нового двойника! Держись!.. Почему ты хлопаешь глазами, глупец?!. Скоро ты станешь Государем!..

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Понял! Все ясно!

СЛУГА. Ну... Очень хорошо. Сейчас придут поэты. Их примешь ты... Знаешь, что такое поэт?..

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Конечно, знаю. По соседству с нами жил один человек, который разговаривал сам с собой, его называли поэтом.

СЛУГА. Молодец... Но они разговаривают как с собой, так и с другими. Несколько лет назад одного из тех поэтов мы бросили в темницу. За непокорность. Кажется, сейчас он образумился, смягчился. Он поседел, постарел. Поэтому мы его простили. А другой, старый поэт, — подлиза. Каждый день он посвящает Государю оды и получает за это «спасибо». Вот теперь ты их примешь. Но много не говори. Слушай и подтверждай. (В сторону двери.) Пусть войдут поэты!

Входят поэты и кланяются.

Молодой Поэт заметно постарел, поседел, а Старый Поэт выглядит моложе.

молодой поэт.

Государь, я пришел к тебе,

Твою руку поцеловать разреши мне.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА (*протягивает руку*). Руку? Немного грубы мои руки... СЛУГА (*нервно подает знаки, подмигивает*). Нельзя обойтись без шутки...

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Прост наш Государь, я знаю это, Имя его звучит по всему свету.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА.

Я очень уважаю поэтов... Но пока для вас подарка нету.

Слуга, расстроенно покачав головой, приближается и что-то шепчет на ухо Двойнику Двойника. Двойник Двойника, покачивая головой, уходит.

СЛУГА.

Государь по ночам мало спит. Иногда ему приходится лекарства пить.

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Да перейдут его боли на нас.

молодой поэт.

Может, нам уйти, настал отдыха час.

СЛУГА. Нет, нет, сейчас он вернется.

МОЛОДОЙ ПОЭТ. Быть Государем сейчас так непросто.

Входит Государь. Все снова кланяются.

ГОСУДАРЬ.

Я рад видеть вас всегда. (Молодому Поэту.) Кажется, поседела твоя борода.

СТАРЫЙ ПОЭТ.

Да, с тех пор как в темницу попал Он из стихов своих скорбь и горе изгнал.

молодой поэт.

Во дворце слышен мой свободный птичий свист, Теперь я поэт-оптимист.

СЛУГА. Наверное, очень мало времени у Государя. ГОСУДАРЬ.

Ни за что не оставлю трон и корону я. Поэты, донесите до народа срочно – Государь сидит на троне прочно.

Поэты в удивлении и тревоге смотрят на Государя. Слуга приближается и что-то шепчет на ухо Государю. Государь, недовольно покачивая головой, уходит.

СТАРЫЙ ПОЭТ. Кто же возжелал этот трон и царство?.. СЛУГА. Нет, нет... Настало время приема лекарства. СТАРЫЙ ПОЭТ. Видимо, у него много дел и забот... МОЛОДОЙ ПОЭТ. Наш Государь, тебя любит весь народ.

Входит Двойник. Все кланяются.

ДВОЙНИК. О, Старый Поэт, как твои дела? Есть ли у тебя просьба к нам? СТАРЫЙ ПОЭТ.

О, Государь, весь народ – дети, жены и мужья Приветствую тебя от всей души.

ДВОЙНИК. Прекрасно! Как твои дела, Молодой Поэт?

МОЛОДОЙ ПОЭТ. Из темницы тебе передают привет.

ДВОЙНИК. Ну как, понравилось тебе в темнице?

МОЛОДОЙ ПОЭТ. Там как во дворце, я чувствовал себя птицей. ДВОЙНИК (Cnyre).

Быстро, в кандалы его заковать, Обратно в темницу послать...

Молодой Поэт падает на колени.

МОЛОДОЙ ПОЭТ. О, великий Государь, пожалей певца... ГОСУДАРЬ. Ты сказал, что там не хуже дворца... СЛУГА.

Помалкивай... не надоедай... Тюремный поэт! Для многих лучше, чем там, места нет Не каждому удастся попасть туда.

СТАРЫЙ ПОЭТ. Наверное, это твоя судьба.

Слуга берет Молодого Поэта за руку и выталкивает его наружу. Молодой Поэт кричит.

СТАРЫЙ ПОЭТ. О, великий Государь, что прикажешь мне?.. ДВОЙНИК. Счастливо... До следующих встреч.

Старый Поэт уходит.

СЛУГА. Ты вынес хорошее решение. Место того Молодого Поэта в темнице. ДВОЙНИК. Ладно, а как вели себя двойники на этой встрече? СЛУГА. Очень плохо.

ДВОЙНИК. Значит, поступаем так: новый Двойник пока остается во дворце, а прежнего отправляем на сражение.

СЛУГА. На сражение?..

ДВОЙНИК. Да, на сражение!.. В нашем селе проживает глупый род. Если прежний двойник и полководец во главе войска вернутся с победой... решим вопрос здесь. А если они умрут на поле сражения, похороним их как героев. Хорошо?..

СЛУГА. Хорошо! Слушаюсь!

ДВОЙНИК. А теперь я должен выйти к народу.

СЛУГА. Толпа ждет вас.

Слуга уходит. Голос толпы. Звуки торжественной музыки. Лозунги в честь Государя: «Да здравствует Государь, да здравствует Государь!». Двойник поднимается на трибуну и машет толпе рукой. Затем Двойник спускается с трибуны и уходит. Входят Визирь и двойник Полководца (в гражданской одежде).

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Ты кто?.. ВИЗИРЬ. Шутишь?.. ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Что до шуток, то... Я... Я...

ВИЗИРЬ. Странно. Ты же отправился на сражение.

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Какое еще сражение? Пока что я здесь новичок. Но скоро я стану полководцем. (*Машет рукой как мечом.*) Впереди меня ждут великие сражения.

ВИЗИРЬ. Ага, я понял. Значит, ты... Ты двойник Полководца... Значит, слухи оправдались...

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Что оправдалось? Я не понял...

Визирь достает из абы меч и наступает на Двойника Полководца. Слуга выходит из тьмы и вонзает кинжал в спину Визиря. Визирь падает.

СЛУГА. Ах, подлец... Не забывай, что и тебя ждет подобная участь.

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Кто это был?..

СЛУГА. Наш Визирь. Ведь я же тебе говорил, будь осторожен. Если бы я немного опоздал, тебя уже не было бы в живых.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. А как теперь быть? Дворец останется без Визиря?

СЛУГА. Нет... Уже готов его Двойник.

ВИЗИРЬ. Ах-х... Предатели... Подлецы... (Умирает.)

СЛУГА. Выбросим его труп в реку.

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Слушаюсь.

Двойник Полководца выходит, волоча за собой труп Визиря. Торжественная музыка. Входит Государь. Один его глаз перевязан.

ГОСУДАРЬ. Да, это ты?.. Не забывай, что я снова Государь.

СЛУГА. Я не сомневаюсь в том, что ты Государь.

ГОСУДАРЬ. Ты изменил мне в сложную минуту.

СЛУГА. А как же ты сам? Разве ты сдержал свое обещание?.. Нет!.. Ты должен был назначить меня Визирем. Но... не назначил.

ГОСУДАРЬ. Ты должен был подождать. Но не дождался. Поторопился. А что в итоге? Вы объединились и бросили меня в темницу. Вы заставили меня отправиться на сражение, как двойника ненастоящего Государя. Наверное, ожидали, что я не вернусь живым из боя. Но я вернулся с победой.

СЛУГА. А что с твоим глазом?

ГОСУДАРЬ. Я потерял один глаз. В него попала вражеская пуля.

СЛУГА. Ты потерял глаз, но выжил.

ГОСУДАРЬ. Да, это так. И на том спасибо.

СЛУГА. Как ты можешь быть двойником с одним глазом?

ГОСУДАРЬ. Что?.. Двойником?.. (*Кричит*.) Нет! Я Государь! Я свергну с трона того подлеца, присвоившего власть. В крайнем случае, придержу его при дворце обычным Двойником.

СЛУГА. Тогда и он должен потерять один глаз.

ГОСУДАРЬ. Я выколю ему один глаз! Мы оба станем одноглазыми...

СЛУГА. Это трудное дело. Ты опоздал!

ГОСУДАРЬ. Это ты во всем виноват! Ты! Ты! Я разрублю тебя на куски.

Государь хочет наброситься на Слугу. Слуга пятится. Входит Двойник Полководца.

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Что? В чем дело.. (*Смотрит на Государя.*) Ты кто такой?..

ГОСУДАРЬ. Ну что, не узнал меня?.. (*Отступает.*) Стой... Или же ты... ты двойник Полководца?.. (*Убегает.*)

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. А-а-а... Он убежал...

СЛУГА. Почему ты не ударил его, подлец?..

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Откуда мне знать, что его надо было убить?

СЛУГА. Ладно... Немного подождем... Скажу тебе, когда настанет время.

Музыка. Входит Двойник.

ДВОЙНИК. Кажется, войска вернулись?

СЛУГА. Да, великий Государь. Войска вернулись.

ДВОЙНИК. Но говорят, что мой Двойник потерял один глаз в сражении.

СЛУГА. Да, это так. Недавно он был здесь. И один его глаз был перевязан.

ДВОЙНИК. Мне не нужен слепой Двойник! Или же он думает, что и мне стоит выколоть один глаз, чтоб походить на него?.. Нет! Надо его убрать. Все равно у меня есть новый Двойник. (Двойнику Полководца.) Слушай сюда: ты случайно не брат Полководца?..

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Нет, нет... Ваше высочество. У меня никогда не было брата.

ДВОЙНИК. Недавно Полководец был у меня.

СЛУГА. В скором времени мы примем меры насчет него.

ДВОЙНИК. А где же Визирь?

СЛУГА. По-моему, он готовит план переворота.

ДВОЙНИК. В таком случае насчет него тоже надо предпринять меры.

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Насчет него уже приняты меры!

ДВОЙНИК. Ну... Это другое дело... Я иду отдыхать. Скажите новому двойнику, чтобы вышел в город. Пусть все видят, что я среди народа. Ведь Государь должен быт простым. Должен дышать вместе с народом.

СЛУГА (Двойнику Полководца). Сопровождай великого Государя!..

ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА: Хорошо! Слушаюсь и повинуюсь!

Двойник и Двойник Полководца уходят. Входит Двойник Двойника.

СЛУГА. Ну... Как дела?..

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Все отлично... Потихоньку я узнаю все секреты дворца.

СЛУГА. Время работает на нас.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Так и должно быть...

СЛУГА. Тихо! Кто-то идет.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Спрячемся?..

СЛУГА. Да, ты отойди в сторону. Кажется, идет Полководец.

Двойник Двойника отходит в сторону. Музыка. Входит Полководец.

ПОЛКОВОДЕЦ. Мы вернулись с победой с поля сражения. Наверное, в этот вечер Государь устроит в нашу честь торжественный пир.

СЛУГА. Наверное...

ПОЛКОВОДЕЦ. Но рано или поздно ты ответишь перед законом.

СЛУГА. Я?.. Почему?..

ПОЛКОВОДЕЦ. Потому что ты работаешь на два фронта. Или ты думаешь, что мы не знаем о твоих проделках?!

СЛУГА. Ты несешь вздор, милый Полководец.

ПОЛКОВОДЕЦ. Кто?.. Я или ты?.. Я голову тебе снесу, дьявол!

Полководец с мечом в руках наступает на Слугу. Из темноты выходит Двойник Двойника.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Подожди! Остановись!...

ПОЛКОВОДЕЦ. Кто это?.. О Боже! Великий вождь, это ты!.. (*Бросает меч на пол.*) Прости! (*Слуге.*) Да будешь ты жертвой великого Государя.

СЛУГА. (Двойнику Двойника). Почему хлопаешь глазами?!. Кого ты ждешь? Возьми меч и прикончи его!

Двойник Двойника берет с пола меч и ударяет Полководца.

ПОЛКОВОДЕЦ. А-а-а... Значит, этот подлец был Двойником Двойника... Вы ответите за это предательство... А-а... Я умираю. (Умирает.)

СЛУГА. Я вытащу его труп, а ты побудь здесь ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Хорошо! Слушаюсь.

Слуга волочит труп Полководца. Звуки тревожной музыки. Входит Двойник Визиря.

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Эй, ты кто?.. О-о-о... Простите, ваше высочество.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Думаю, что ты воскрес...

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Ни в коем случае, ваше высочество. Я пока еще не умер.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Значит, ты не Визирь, а его двойник?..

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Совершенно верно, ваше высочество.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Ты уверен, что Государь – это я?..

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Сегодня ты Государь, но завтра... у завтрашнего дня на все есть свой приговор.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Ты будешь дальновидным Визирем.

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Конечно... Если дадут возможность...

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Дадут возможность?.. Кого ты имеешь в виду?

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Того же, кого и вы имеете в виду, ваше высочество.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Кто этот человек?..

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Сказать?.. Хорошо, скажу, кто этот человек: Слуга.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Совершенно верно, новый Визирь! Мне в голову пришла странная мысль... (*Пауза.*) Наверное, ты знаешь, что многие из тех, кто занимают высокие должности во дворце, являются двойниками. И ты, и я, и полководец...

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Знаю.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. А можем ли найти двойника Слуги?.. (*Оглядывается*.) Ведь сейчас он для нас непроходимое препятствие...

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ (*смеется*). Ха-ха-ха... Ты читаешь мои мысли! У меня есть двойник Слуги. Сейчас, сию минуту...

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Правда? Где?.. ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Он со мной. (*В сторону.*) Эй-й-й... Где ты?... Иди-ка сюда!

Входит Двойник Слуги в гражданской одежде.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Это же вылитый Слуга!.. (*Двойнику Слуги*.) Ты знаешь своего Двойника?..

ДВОЙНИК СЛУГИ. Да. Мне его показывали издалека.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА (*Двойнику Визиря*). Введи его в курс дела. Я должен встретиться с Государем.

Двойник Двойника уходит.

ДВОЙНИК СЛУГИ. Теперь объясните мне, что я должен сделать?

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Тебе поручается очень простое задание: ты должен убрать своего двойника.

ДВОЙНИК СЛУГИ. Мне надо его спрятать?..

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Нет... Зачем его надо прятать?...

ДВОЙНИК СЛУГИ. Посадить в темницу?

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Тупица, ты должен его убить, вот и все!

ДВОЙНИК СЛУГИ. Вот и всё?

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Да! Вот и всё!

ДВОЙНИК СЛУГИ. Это для меня проще простого.

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. В таком случае не теряй времени. Иди и вооружись! Возьми оружие!

ДВОЙНИК СЛУГИ. Слушаюсь!

Двойник Слуги уходит. Звуки тревожной музыки. Слышен лязг оружия и крики Государя и Двойника: «Помогите!», «Спасите, меня убивают!». Двойник Визиря дрожит от страха и волнения, расхаживает. Вбегает Слуга.

СЛУГА. В чем дело?.. Кто это кричит? ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Да, кто-то звал на помощь. СЛУГА. По-моему это были Государь и Двойник...

Входит Двойник Двойника с мечом и двумя кушаками на плечах, белом и зеленом.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Когда я шел на прием к Государю, то увидел, что рядом с ним стоит другой человек. Точнее, те двое были одним и тем же человеком. То есть, там было два Государя. Они оба были похожи на меня. Значит, вместе со мной стало три Государя. Честно говоря, я не смог уточнить, который из них является истинным Государем. Они спорили: один говорил, что истинный Государь — это он, другой говорил, что истинный Государь — это он. Внезапно они выхватили мечи. Тот, у которого на поясе был зеленый кушак, убил того, на котором был белый кушак. А я выхватил меч и вонзил ему в сердце. А вот их кушаки!

СЛУГА. Кто тебе позволил чинить здесь самосуд, подлец? ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Теперь я правлю во дворце. СЛУГА. Что?.. Я тебе сейчас покажу... ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Кто? Ты? Ха-ха-ха!..

Двойник Двойника и Слуга, выхватив мечи, набрасываются друг на друга. Двойник Двойника, откинув кушаки в сторону, прогоняет Слугу. Скрещивая клинки, они сходят со сцены.

Двойник Визиря поднимает с пола кушаки и внимательно их рассматривает. Вбегают Двойник Слуги и Двойник Полководца в простой одежде с мечами в руке.

ДВОЙНИК СЛУГИ. Куда они ушли? Где же новый Государь? Где Слуга? ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Сражаясь, они отошли в ту сторону. ДВОЙНИК ПОЛКОВОДЦА. Нельзя терять времени! Идем!

Двойник Слуги и Двойник Полководца поспешно уходят. Из-за кулис слышатся крики Слуги: «Ах-х-х... Господи! Подлецы! Изменники!». Входят Двойник Слуги, Двойник Двойника и Двойник Полководца с мечами в руке. Двойник Визиря приближается к Двойнику Двойника.

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Кажется, все закончилось хорошо. ДВОЙНИК СЛУГИ. Да, и Слуга отправился в ад! ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Теперь мы у власти!

Музыка. Двойник Визиря повязывает зеленый кушак на пояс Двойнику Двойника. Затем Двойник Полководца повязывает белый кушак на пояс Двойника Визиря. А Двойник Слуги стремительно выходит, где-то находит военный мундир, возвращается и накидывает его на плечи двойнику Полководца.

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. Думаю, что отныне мы можем управлять государством и без двойников.

ДВОЙНИК ВИЗИРЯ. Совершенно верно.

ВСЕ: Да! Это так! Верно!

ДВОЙНИК ДВОЙНИКА. А теперь соберите дворцовых!.. Сегодня в государстве праздник!

Торжественная музыка. Двойник Двойника садится на трон. Входят все дворцовые – Наложница, Сын, поэты, солдаты, танцовщицы. Все смеются, радуются, веселятся. Затем звучит известная турецкая песня – «Падишах» Все держатся за руки. Танец.

3AHABEC

ОКТАЙ МИР-КАСЫМ

АНТИБРАХИЙ

Квазипоэма

В саванне был я Царь — Всесильный повелитель...
Что было прежде?
До Памяти и первых Откровений?...
До дня, как плоть свою познать
Мне дан был Шанс?
Не ведаю: лишь Свет сквозь Мрак...
И Влага... И Прохлада — вот начало.
Что было прежде? Нет ответа:
Я был всего лишь — Царь...

* * *

...Утихла дрожь,
И со слепого рыльца
Слизь липкую очистив, Львица-мать
Теплом своим
Дала мне знак. Я коготки расправил.
К соску прильнул, вкусивши радость!
Но радость – жадность:
таинственная связь...

* * *

Есть память Плоти всех существ, В мир приходящих, чтоб его покинуть, Запомнив, как и я, Лишь Гордость, и Могущество, И Ласки сладостный дурман, И Насыщенья страсть, И Боль, и Страх, Ничтожность, Зависть, Убийства вожделенье, Гнев... Но память Сути вечная – есть Тайна. И даровать ее подвластно лишь Тому, Кто ремеслом загадочным владеет Давать Приют и отпускать на Волю Неосязаемый Кристалл...

* * *

Не досмотрела Львица-мать: Гиены пасть была зловонна. Я задрожал, к траве прильнувши... Издать бы рык могучий, львиный! Но нет! Лишь слабый писк угас в траве. Глаза застлал туман. Запомнил я лишь сладострастье Во взгляде чуждого созданья И предвкушенье, и самодовольство. Вонзились зубы в спину: Жить! Раздался рев! Слились в чудесном хоре Младенца визг и клич спасенья! То Львица-мать, пронзенная догадкой, Предначертанию верна, ко мне спешила: В который раз вселялось в Суть зерно Бессмертья!

* * *

Как выглядит Неотвратимость, Когда, поднявши тучи пепла, Она летит, равнину устилая, Громадным стылым покрывалом?.. Я рос без Знания, без Страха. В Безмолвии я слышал храп И топот тысячи копыт. Во мгле искринку различал в зрачке гиены... Львам неизвестен запах Смерти. Цари свободны от сомнений: К царям они приходят в Миг...

* * *

...Когда громадный черный буйвол Меня, встряхнув, с обрыва кинул в бездну, Я был готов, забыв об униженьи, Подняться вновь, стремительно, упруго, И час удачи терпеливо ждать. Но, хруст костей моих услышав, Несметный рой летучих тварей, Назначенных для жизни в тишине, Вспорхнул и в миг покинул мрак ущелья. ...Остался я один средь черных глыб. Я знал про боль, я был уже боец И Звание свое носил недаром. Но то - иное: здесь, в кромешной тишине, Я стал желанным, боль была нежна. В ней был дурман, мы с ней сливались. Я кровь слизнул... Гранит не впитывал мой сок, Стекавший на него из многих ран... Тепло... Покой готов проникнуть Во все мои поползновенья... Но нет! Ведь Племя ждет! Таков удел: нестись, ползти, тащиться... Туда, где много лет назад, не веря тишины коварству,

Искала в страхе Львица-мать Неосторожного младенца, Лишь шевеление травы и голос сердца слушая, Да клёкот птицы... Я вспомнил вкус ее сосков, Язык шершавый, веселящий, И лишь на миг сомкнул глаза... Когда, стирая когти о гранит, Я судорожно рвался прочь из каменного плена И долго брел в оцепененьи шагом, Чтоб, наконец, дойти до родичей своих, Я видел пред собою славный путь... Внутри меня гудело... Рой пчелиный? Вулкан раскидывает лаву?... Но пред глазами лишь розовая пелена... Закат... Я вижу... Да... Кругом покой. Все нежатся в объятьях ласковой травы... Я ждал... Закат в глазах, и пчёлы, и безмолвье. Никто не встал навстречу мне, щекою не коснулся... Преемник мой взошел на трон без боя. Мне уготован был прощальный лакомый триумф: Лишь шею приподняв лениво, Он посмотрел, как смотрит Лев На медленно ползущую рептилью. Моргнул лениво и отвернулся вновь... Я поднял слипшуюся гриву... Умолк пчелиный рой. И я услышал стон. О чем он, этот жалкий звук?... Его не ждал я... Боль утихла... Ушла на дно и стала частью Плоти... Вздохнул, почуяв горный дух манящий. Черно... Луны холодный свет не утешает... Но вопреки всему Волшебная привиделась мне Белизна. Я захотел ступать по ней бесшумно, Втирать в себя, глаза в нее зарыв... ...Пора?.. Сейчас воспряну... Да... Узнать, как оставляет племя Царь, Отец поверженный? Иль рухнуть?.. Покинуть стан, чтоб на рассвете, не успев заснуть, Стать кормом для стервятников-кликуш, Шакалов и червей, и всех, кто Поле Жизни От праха призван избавлять От нечистот, заразы, тлена?.. ... Мой слух не угасал - я был боец, Мне слышалось иное: урчанье львенка И птицы дивный свист... А звуки стана удалились... Я был над ним, и родичи мои Смотрели ввысь в молчании Недвижно. Лишь отгоняя мух хвостами...

Я был доволен: меня питала Память!.. Полет мой сладок был И длился долго... То был полет Царя. Не мыши, не мокрицы...

* * *

...Минуло время. Неведомы мне силы, Переселяющие души Из шкур одних в другие оболочки. Века ль прошли, Эпохи или эры -Мне неизвестно: Прожив так много жизней И столько их еще прожить готовясь, Не утруждал свою я память И не считал, Сколь зим прошло, и лет, и весен, И сколь неисчислимых тыщ круговоротов Свершили Солнца, Луны и Сатурны, И сколько раз осколки низвергали Юпитеры в тунгусскую тайгу...

* * *

...Водил я, помню, караваны
В степных просторах беспредельных.
Берег избранницу, детей,
Делился дымом терпким я,
И утренней росой, и хлебом
По чести с братством кочевым.
В бою за спинами не укрывался.
Лишь юный скиф, стрелок, со мной ходил,
Хранителем назвавшийся моим
коленопреклоненным...

* * *

...Невиданный пронесся в Поле смерч, Умчавший табуны за край земли, Шатры вознесший в Поднебесье, Покрывший черным пеплом Младенцев в люльках. И был Душе назначен новый Путь... Ничтожных духом Степь карает строго, Их разума лишая в одночасье: Блуждал, как тень, стрелок двенадцать Лун И голосам внимал, звеневшим хором Из-под курганов... Утихала буря... Повинным в горестях людских и боли Меня избрал он, бедолага — Богине в дар за Избавленье.

А моего шатра хозяйку
Наградой сам себе назначил
За мудрость, правый суд и честь.
...Стрелок отменный был,
И тетива тугая.
И острие точил он терпеливо
Немало дней, усталости не зная...
Я боль не испытал,
Лишь холодок стальной запомнив,
В том месте, где лопатка,
И где родимое пятно, что Мама
Полынью тлеющею осенив,
Особым Знаком нарекла,
Где след клыков гиеньих
Остаться должен был на теле львенка...

* * *

...Был Дубом, но недолго: Огонь пронесся по дубраве, И стать столбом, Иль чуркой, иль дровами В печи у жителей оседлых Мне не довелось -Сгорел я дочерна в родном лесу... ...Был баснописцем при дворе. Но, амфибрахий так и не освоив, Разгневал этим барчука И палкой получил по гриве... Играл слегка на лютне, Когда балы закатывал Патрон мой князь Тадеуш Послам германским. Там, кажется, скучал я. Старел. Чело мое изрезали морщины, И стал я немощен, И пальцы струн уж не держали -Томилась лютня в сумрачной каморке. Князь снарядил меня в конюшню, Но жеребец гнедой не дал мне Испытать позора. Силен был конь удар пришелся впору.

* * *

И полетел на волю Мой смятенный дух...

...В Тибете есть ручей.
В него вселиться я хотел,
Чтоб течь и течь, и испаряться,
И замерзать, и падать вновь
С небес на землю,
И обрести покой навек,

И Русло, и Полезность Для Сущего – всего, что есть. Но в Неживой Природе свой порядок, И не был я допущен до неё. Она прекрасна и покойна, Прозрачны воды, ветры, испаренья, И пламя, хоть имеет цвет...

* * *

Минуло время... Причудлив ход его, И странствия мои покоя не приносят. ...В саванне был я Царь. Теперь пишу слова. Ручьем пустить бы их прозрачным По склону лет, минут, мгновений! Забавы ради!.. Без амфибрахиев слова простые, Зачатые во благостном блаженстве, В восторге Сути И в Памяти, свободной от обид. А амфибрахий - да обернется прахом, Сотрется в пыль и будет унесен Могучим ветром всех степей, всех гор. Пишу Слова, что не меняются В рядах торговых На хлеб, вино, табак, Кривую саблю. Мне не поднять её. А подниму -Придет мне память, сон, виденье: Стрела дурная в сердце степняка...

* * *

Что ждет меня, Когда, перо оставив, Мне заточение мое и волю На новые сменить придется? Не ведаю. Не жду. Но помню многие дороги И все пристанища свои земные – Других мне не видать...

* * *

В саванне был я Царь, Всесильный повелитель. То прежде было, встарь. Ну, а теперь я – АНТИбрахия любитель...

ЛЮДМИЛА БЕЖЕНАРУ

доцент кафедры Славистики Ясского университета Ал.И.Куза, Румыния ludbejenaru@gmail.com

МНОГОГРАННОСТЬ ТВОРЧЕСТВА КАМАЛА АБДУЛЛЫ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Книга первопредков-огузов Дастан Китаби-Деде Горгуд стала не только настольной книгой ученого-исследователя Камала Абдуллы, но повлияла и на его писательскую судьбу. Камал Абдулла вводит в литературное мировое пространство национальную специфику древнейшего эпоса Дастана «Китаби Деде Горгуд» через литературоведческие исследования, предельно самоуглубленную поэзию и прозу, тем самым обогатив ее новым пониманием и новой интерпретацией Мифа. Трилогия азербайджанского писателя, основанная на древних тюркских сказаниях и легендах о Деде Горгуде, изображает в романах «Неполная рукопись», «Долина Кудесников», «И некого забыть» далекое прошлое азербайджанского народа. Творчество Камала Абдуллы, посвященное Дастану Китаби-Деде Горгуд, являет собой яркий образец органической связи эстетики Полноты и вводит азербайджанскую литературу, историю и культуру в ряд зрелых литературу и культур мира.

Современный диалог национальных литератур и культур предполагает интеграцию в мировое культурное пространство. Подобный диалог строится под воздействием двух мировых процессов: глобализации и децентрализации, обособления от традиционных моделей и возросшего в настоящее время регионального сознания. В азербайджанском культурологическом пространстве он строится с учетом новой перспективы европейской интеграции, расширяющейся на восток.

Духовно-психологический облик азербайджанцев, как и любого другого народа, формировался под влиянием прошлого опыта и новых веяний. В современных условиях глобализации тенденции этнической самоидентификации дополняют этнопсихический портрет азербайджанца такими нравственными качествами, как «доброта, правдивость, терпимость, верность, преданность родной земле, храбрость, трудолюбие, чувство долга, вежливость, сдержанность, сопереживание, дружелюбие. Истоки этих качеств, глубоко укоренившихся в натуре азербайджанцев, заложены в культуре зороастризма и ислама...»¹

Вместе с тем, азербайджанский менталитет впитывает в себя все то полезное, что только может дать современная глобализация и органичная взаимосвязь со всемирным цивилизационным процессом. Наиболее заметным и ярким признаком вхождения Азербайджана в современный исторический этап является расцвет культурных ценностей азербайджанского народа, и литературы в том числе, многогранность культурной жизни, открывающие все новые парадигмы и перспективы взаимопроникновения азербайджанских и общемировых духовных ценностей.

После провозглашения Азербайджаном независимости в современной литературе основное место занимают отражение общечеловеческих идей, поучительные страницы истории народа, лирическо-психологические переживания, темы возврата родных земель, любовь к Родине, справедливость и др.

Эмиль Керимов. Этнопсихический портрет азербайджанца, http://arxeoloq.az/?p=843

В настоящее время главные стремления в азербайджанской литературе основываются на отражении и торжестве идей *азербайджанства*, который, по нашему мнению, включает три основные направления.

Это мультикультурализм, солидарность исламского мира и толерантность. Идею азербайджанской модели солидарности исламского мира можно понимать как солидарность внутри Азербайджана, солидарность между странами исламского мира и солидарность в мировом религиозном пространстве.

Богатое и все еще малоизученное мифопоэтическое прошлое азербайджанской литературы и культуры легло в основу романов Народного писателя Азербайджана Камала Абдуллы, а вызванный к его творчеству интерес говорит о принадлежности писателя к большой литературе.

Азербайджанец по национальной принадлежности, европеец и славист по образованию, ученый с мировым именем в области горгудоведения, Камал Абдулла вводит в мировое культурологическое пространство древнейший эпос Дастан «Китаби-Деде Горгуд» через литературоведческие исследования, предельно самоуглубленную поэзию и прозу.

Камал Абдулла создал в своей прозе *уникальный сплав национальной картины мира* в ее первооснове, находя тем самым и посредством национальной азербайджанской неомифологической картины, «величайшую гармонию» вселенной. Более того, он причастен к созданию единой, хотя и состоящей из множества народов, крупной «мусульманской общности» — *умма исламийя*, которая, несмотря на разнородность своих последователей, характеризуется определенной начертанной монолитностью именно благодаря Дастану и его «тайнам» художественного восприятия.

Писатель Камал Абдулла является основоположником нового азербайджанского романа, который берет свое начало в новейшей азербайджанской литературе от его «Неполной рукописи». Изобразив главным героем своих романов «тайну надписи», текст — неполную рукопись и древнюю надпись, написанную на скалах — он разрушил традицию идеологии, существующую до него, и этим новшеством последовал в своей художественной прозе основному направлению мировой литературы — поглощение художественным текстом науки, видными представителями которого являются Л.Борхес, У.Эко, О. Памук.

«Поглощающий» текст романа «Неполная рукопись» и текст «поглощенный» — неполная рукопись и древняя надпись, написанная на скалах — преимущественно эксплуатируют конструктивную и реконструктивную интертекстуальность, регистрируя общность «своего» и «чужого» текстов, цель которой — организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры нового текста.

Придерживаясь классификации межтекстовых взаимодействий, принадлежащей известному французскому литературоведу Жерару Женетту ^{1} , можно обозначить «Неполную рукопись» как роман-палимпсест ^{2} , употребляя в формулировке популярную метафору для обозначения интертекстуальных отношений.

Камал Абдулла рассматривает *Дастан* как **систему**, в которой все элементы тесно взаимосвязаны. Это отражает в себе историю огузских тюрков и вместе с тем «хранит в изображаемых в нем персонажах и событиях самые главные, самые значимые моменты этого перехода — перехода от общего к частному, от совокупного к единичному, от общества к человеку. От Мифа к Письму!» Подтекстом произведений Камала Абдуллы является утверждение, что мусульманский древний мир, его историософия дали миру многое, что еще не получило должной оценки в мировой культуре.

¹ В его книге «Палимпсесты: литература во второй степени», 1982; рус. перевод 1989.

 $^{^2}$ Палимпсестом называется рукопись, написанная поверх другого текста, счищенного для повторного использования писчего материала, обычно пергамента, элементы старого текста иногда проступают в новом.

Дастан у К.Абдуллы — **интегральная система** тюркского мироздания художественного слова, в этой концептосфере возможно сочетание несочетаемого: времени, пространства, прошлого и будущего, начала и конца. Вся суфийская историософия воплотилась в ней в единую художественную систему, но не в замкнутый мир, а в мир, открытый к вечному обновлению и переосмыслению, а также и интерпретации со всеми ее модификациями и возможностями, которые некоторыми воспринимаются как кощунство, так как дело касается сакрального текста. Подобная цикличность и смена ощущений при восприятии каравана поэтических картин, ритмичность, клочки кочующих строф, устойчивые синтаксические конструкции вписываются в художественную ткань романов Камала Абдуллы, получая в них второе рождение. Дастан в интерпретации Камала Абдуллы доступен и в то же время недосягаем, близок и далек, он здесь и там, как мираж, к которому прикоснулся художник и оживил его силой своей художественной мысли.

Письменный текст «Китаби-Деде Горгуд» не рассматривается К.Абдуллой как сакральный текст древнего мира, берущего начало в античности, олицетворение космогонной гармонии Вселенной, в которой прочитываются мифологические начала единства земли/неба, воды/огня, бесконечности мгновенья времени/вечности. Камал Абдулла прочитал этот памятник как текст, как знаковую многоуровневую систему, используя приемы нелинейного письма. Автор очень удачно воспользовался этим приемом, создав не стилизацию, а модернистический роман, в повествование которого вплетается живая авторская речь: рассуждения, комментарии, заметки, эмоционально выдержанные, сам стиль которых не выдержан в едином ключе, что создает жанровую разновидность: текст о тексте. К.Абдулла обыгрывает произведение, на восприятие которого накладывает отпечаток бытование текста в истории азербайджанской литературы советской эпохи. Легендарный Деде Горгуд проповедовал основы Корана, что в советское время было неприемлемо. Только в 60-е годы памятник получил право на реабилитацию. К.Абдулла не вступает в политическую полемику, его автор-нарратор читает незаконченную рукопись, удивляясь глубине народной мудрости, вневременной правде. Заметки на полях, написанные другим шрифтом, как бы создают параллельный текст о тексте, в котором также соединяются в единое целое разные пласты. В «Деде Горгуде» прозаические вставки – суть устных историй непосредственных свидетелей, у Камала Абдуллы в его «Неполной рукописи» – комментарии и заметки на полях выполняют ту же функцию непосредственной рецепции читателя на описываемые события. Дастан как синтезированный жанр архаики позволял совмещать в единое целое музыку языка, ритм стиля, устную живую речь древнего мира. Текст о тексте, в котором нарратор приближает архаическое время, можно охарактеризовать как гетеродиегетическое повествование, особую форму нарратологии.

Сегодня, когда культура все еще переживает кризис исчерпанных идей, пытаясь погрузиться все глубже в повседневность, Камал Абдулла, на основе философского осмысления и анализа первого письменного памятника азербайджанского народа, пересматривает старый мир, переосмысливает его идеи и создает свою собственную философскую тайну-сверхсмысл «Китаби-Деде Горгуд» в «нетрадиционной», по определению Рахмана Бадалова, исследовательской книге «Тайный Деде Горгуд».

Эта философия художественно обратилась в им же созданной постмодернистской эстетике канонического текста «Китаби-Деде Горгуд» в романах «Неполная рукопись», «Долина кудесников», «И некого забыть».

В науку «о гармонии человека с Универсумом, в некое специфическое духовное поле, в котором человек обретает одну из высших форм бытия, ощущение и переживание полной и всецелой причастности к бытию» Камал Абдулла вводит свое понимание проблем бытия, внутреннего мира и ценностей человека.

Тычков В.В. Эстетика, М., 2002.

Философия Камала Абдуллы в «Долине кудесников» представлена не в прямых сентенциях, а растворена в художественной ткани произведения. Это рассказ о поиске глубинного смысла познания человеческой жизни и человеческой природы, которая может почувствовать Полноту только посредством очищения и всепрощения, в которых автор видит достижение полной гармонии человека с Универсумом. Его поучения — Не сотвори себе кумира, Не живи местью, Не живи одним миром — поэтому необходимо во главу своих убеждений поставить вопросы собственных грехов и исповедовать принципы всепрощения и любви ко всем людям, как этому учит Коран.

Милосердие, доброта, всепрощение, созвучны и христианской теологии и обрядности; эти основные характеристики человеческой личности и человеческих взаимоотношений способствовали взаимопроникновению культур.

В своих последующих, уже ставших беллетристикой, художественных текстах автор трилогии «Неполная рукопись», «Долина кудесников», «И некого забыть», переходит от Мифа к Письму и, изменяя канонический текст «Китаби-Деде Горгуд», создает свою постмодернистскую эстетику Полноты. Изменив сюжетные линии, развив образы вглубь и внутрь, внося изменения на уровне языка и стиля, Камал Абдулла посредством объективации демонстрирует не только традиционные повествовательные связи внутри канонического текста, но и привычные принципы его организации.

Восприятие камаловского текста историко-мифической притчи «Долины кудесников» включает эффект присутствия (наблюдение событий, соучастие и повествование), эффект достоверности и эффект впечатления в подлинно настоящем времени и создает (помогает) переписыванию/переосознанию текста. Будущее в тексте существует наравне с настоящим (пусть в малом количестве страниц) по наполненности и глубине переписываний, а, главное, по эстетике пророчества. В «Долине кудесников» такое переплетение и созерцание Будущего и Прошлого, которое происходит в мифологических событиях Настоящего, можно назвать эстетикой Полноты.

Автор, пересматривая старый мир, переосмысливает его идеи и проблемы бытия и вводит в литературный оборот свое новое чтение и свое понимание Китаби-Деде Горгуд, создает свою собственную философскую тайну-сверхсмысл «Китаби-Деде Горгуд», свою **Философию Полноты**.

В романе «Неполная рукопись», который лишь условно можно назвать историческим, автор вводит в повествование метатекстуальный комментарий, тем самым навязывая читателю-реципиенту свою интерпретацию – и об этом ставит его в известность в начале романа. Само заглавие романа как бы создает психологическую предпосылку подобного авторского решения: неполнота требует пояснения. Это авторский прием игры с читателем, создающий герменевтический круг. Акцентным семиотическим смыслом является слово *рукопись*, которая уже до прочтения текста вызывает у читателя представление о ее каноничности, замкнутости, то есть сакральной полноты, поэтому авторские комментарии по ходу чтения, разрывающие размеренный тон повествования, как бы подогревают интерес читателя, приглашая его в соавторы происходящего. Техника дастана позволяет приблизить далекое время, одновременно овеществляя и сакрализируя основной эпический текст. «Неполная рукопись» обрывается или же оставляет «что-то недосказанным и, по мере необходимости», автор имеет возможность «тут же давать свои, разумеется, сугубо личные субъективные толкования. Мы сочли, что гораздо продуктивнее расположить свои комментарии по ходу текста и приняли решение поместить их набранными особым шрифтом». Прием хорошо известный уже в русской классической литературе (А.С.Пушкин, Ф.М.Достоевский). Однако здесь можно говорить о полифонии иного рода, или же о полифонии национальной модели постмодернистического романа. Кроме того, на протяжении всего повествования читатель увидит текстовые фрагменты, заключенные в обычные скобки. Содержащиеся в них заметки и примечания принадлежат самому автору «Неполной рукописи». Прием визуализации текста, с применением технических графических средств (скобки, шрифт) как бы сокращают временную дистанцию между происходящим в далекой древности и настоящим временем. «Неполная» — как модально-иконический знак незавершенности — приглашает к интерпретации, к желанию Полноты, когда далекое прошлое перестает быть достоянием вечности; приглашает читателя-реципиента прикоснуться к вечным понятиям нравственности, добра и красоты.

Роман сопровождается тремя *предисловиями*, предваряющими интерес автора к объекту изображения: *Предисловие, или полнота неполного; Еще одно предисловие, или значимы ли для Бога мирские различия; И, наконец, последнее предисловие, или права тех, кто способен сказать «не знаю».* Автор мог бы объединить все три предисловия в одно, но создает три самостоятельных текста, выделенные тематически и графически, предпосылая каждому предисловию самостоятельную лейтмотивную функцию.

Предисловие, или полнота неполного – выражает авторское намерение познать полноту, однако намерение это формируется постепенно, подогревая горизонт ожидания читателя. «Неполная рукопись» расположена в секторе отдела средних веков, с указанием доступа к единице хранения под номером А#21/733. Стилистика обыденного снова возвращает читателя к нейтрально-сниженному и даже обыденному событию: объявлению в газете за номером 525. Числовой словесный ряд в предисловии указывает на авторское намерение нагнетания напряжения, внутренней экспрессии. Прием использования цифровой символики широко использовали Достоевский, Толстой. Ф.М.Достоевский указывал, что числовая символика числа раскрывает магию слова (В.Топоров). Пользуется этим приемом и Камал Абдулла. Девушка за три дня перевела рукопись на латинский. Автор за три дня прочел, перечитал еще три раза. Несколько раз повторяемая цифра три, несомненно, придает намерению автора магический смысл. В нумерологии его воспринимают как знак полноты, совершенства, законченности. Считают, что три представляет собой совершенное число два плюс один. Оно также символизирует начало - середину - конец. Уже в первом предисловии неполная рукопись проходит через руки **трех** человек. Это текст Дастана, сопровождаемый Деде Горгудом – первым ее интерпретатором (число один), перевод на латинский – девушка-востоковед (число два) и наконец автор, в руки которого попадает рукопись и странным образом раскрывается новыми смыслами (число три). Автор отмечает: «Третье чтение понадобилось больше всего и скорее всего для утоления жажды духовного наслаждения». Первый автор-интерпретатор дастана Деде Горгуд переносит на бумагу не только историю, но и оживляет ее своими комментариями, «переносит все это на бумагу, творя собственный текст». Именно в этом видит автор Полноту, и возникает желание творить свой собственный текст.

Еще одно предисловие, или значимы ли для Бога мирские различия — познание полноты становится лейтмотивной темой и второго предисловия. Если в первом показана авторская подготовительная работа по отношению к рукописи, то второе предисловие уже определяет объект художественного освоения: изнутри рукописи обнаруживается другая. Вариации и корректуры изменяют пространство художественного текста, изменение и воспроизводство — границы жанровой структуры. Мусульманские письмена второго, основного для автора текста, проектируются через христианские литеры, которые также едва различимы, но и они также обращены к Богу, а оба мира, христианский и мусульманский, выражают одни и те же желания. Ассоциативный план расширяет художественную структуру предисловия, противопоставляя два мира: христианский и мусульманский. Сам же автор, прибегая к постмодернистической метанаррации, убежден, что нельзя монополизировать владение Истиной.

Лейтмотивная составляющая третьего предисловия (**не знаю**) говорит не об авторских намерениях, а о вечном стимулирующем аспекте творчества — стремлении к по-

знанию. Полнота, законченность романа Камала Абдуллы возвращает нас к сакральной цифре три, объединяющей все три предисловия в одно целое.

В послесловии обыгрывается еще раз сакральное значение цифры три: это старый мир престарелого Байандур-хана, мир молодого Деде Горгуда и мир современный, сегодняшний, созданный автором Камалом Абдуллой. Камал Абдулла развивает мысль об особом предписании человеческого конца, когда он соединяет письмо и тайну под общим понятием, что Деррида называет «иконографией».

Философский роман-притча «Долина кудесников» – это гимн всепрощению, которое способно сохранить Память ради Жизни, ради Будущего, о котором в Дастане сказано: «Простить ради Мухаммада Мустафы – прощать грехи ради памяти пророков». В этом не только смысл, но и таинственность «тайного» Деде Коркуда, чьи идеи перенесены автором через «Неоконченную рукопись» на страницах «Долины кудесников».

Еще в XX веке русский философ Н.А.Бердяев указывал на такое свойство памяти как ее загадочность. Она связана с тем, что Память в человеке есть величайшая метафизическая тайна.1

Камал Абдулла картографирует ^{2} Память о Прошлом и пространство Памяти как особое место реального/ментального пребывания героев и их бытия, выстраивая различные мемориальные диаграммы, «карту памяти», ее пространственную модель в определенном замкнутом топосе. Не случайно именно в связи с этими «скитаниями» (реальными или ментальными) всегда возникает интенсивная мемориальная интенция. Если исследовать этот феномен под углом зрения топоса, Прошлое становится важнейшим мемориальным топосом, виртуальной картой памяти, а передвижения, «блуждания» героя траекториями воспоминания, «силовыми линиями» памяти и принципами ars memorativa.

Таким образом, в творчестве Камала Абдуллы концепт «корневище» передается посредством Памяти, материнства, семьи и рода, а мифический образ «малой родины» воспринимается в контексте художественно-философских концептов Восток-Запад, евразийских мотивов в их современной интерпретации, в азербайджанский контекст национальной картины мира, чьи корни связаны с Дастаном. Новый локус, который создает в своем произведении Камал Абдулла - это страна, населенная таинственным чародейным народом - кудесниками, волшебниками и магами, т.е. героическое прошлое, «корневище» проецируется в будущее: это своего рода проект идеального локуса, который содержит немало символически насыщенных деталей. В них или из них формируется некое общее структурно-семантическое ядро. Это своего рода *покодицея*³, посредством чего автор отражает проживание своих героев на конкретной территории через ее мифологическую, культурную и литературную идентификацию. Оно понимается автором как выражение фундаментальных категорий – границы, начала и центра – способствующих воспринимать данность места, связанной с символикой архетипа центра мира.

Автор умело вводит в повествовательную ткань произведения длинную цепь культурно-этнических опосредований, которые служат наиболее полному раскрытию авторского замысла. Таким образом, художественный этнографизм выступает в романе «Долина Кудесников» как важная категория поэтики. Камал Абдулла, обращаясь к традициям прошлого, используя и художественно трансформируя лучшие из них, по-новому подходит к решению художественных задач, углубляя и совершенствуя искусство романного анализа.

Одной из универсалий, занимающих существенное место в трилогии Камала Абдуллы, является комплекс образов ландшафтно-растительного мира. С его помощью автор превращает реальность в весенне-розовую мечту.

¹ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.Книга, 1991, стр.292.

² Метафоры «картографирование памяти» и «искусство блуждания» были предложены в 1932 году немецким писателем и философом В.Беньямином.

Термин пермского культуролога Владимира Абашева.

Флористическая семантика у Камала Абдуллы полигенетична, так как сращивает воедино европейскую символику растений (от античной до сентименталистской) с экзотической обрядовой, почерпнутой писателем из собственных наблюдений над традициями и верованиями народов Востока.

«Камаловский» колорит строится на сочетании розового и зеленого цветов, с помощью которых автор создает яркие описательные образы с отсылками к древним культам и тюрко-огузской мифологии. Розовый цвет, которым окутана Долина кудесников, избран Камалом Абдуллой неспроста. В основе мироздания он символизирует нежность, дружелюбие, любовь, невинность, чистоту, женственность, органичность, доброту, романтичность. Розовый куст на зеленом лугу символизирует процветание и новые начинания, это мир в его полной гармонии. Цветовая гамма «Долины кудесников» подобрана автором с большой ответственностью и несет очень глубокий смысл миролюбия, помогая, тем самым, раскрытию и восприятию основной идеи романа.

В образе древесного карагача в романе перед нами не просто древо (куст), но карагач – удивительное и необычное дерево, могучее и величественное, символ рода. Карагач в Долине кудесников – это ось, тот стержень, который неподвластен людскому вмешательству. Образ карагача в творчестве Камала Абдуллы приобретает символическое значение и знаменует собой родовое дерево Долины кудесников и страж духовности нынешних и будущих поколений; его корни – как первооснова бытия, как некая надежда на возможную вечность, дающая благодатную влагу. Для Камала Абдуллы самый ценный образ карагача – это народ-дерево, чьи корни мощно ветвятся в отчей земле, а взлетевшая и раскинувшаяся крона касается, переливаясь в листве соседних деревьев, кустов и всего ущелья магов. В поэтическом тексте все они становятся яркими выразителями фоновой информации в целом и национальной картины мира, которая дополняется великолепием черхи-фелек – колесо судьбы. Колесо в романе – и образ, и символ, и персонаж; это и колесо Судьбы, но и колесница души человеческой под голубым небесным куполом. Это и чувство красоты движения, и универсальная метафора круговорота, и золотое сечение двух миров, и сохранение традиций, и память об умерших; это странствие и полеты души и ее грехопадение, но и строгие правила жизни. Это наш с вами мир. Мир – утративший душу: «*Утратив душу, наша земля обессилела*» (Камал Абдулла), потому *карагач* призван придать силы и сохранить плодородие земли и дух народа.

Творчество Камала Абдуллы несет в себе глубокий инициатический смысл, философично в размышлениях и безгранично в авторской фантазии. Его философия религиозна, но духовный порыв камало-абдуллаевской философии обращен не к небу; его философия не утверждает бессмертие. Она видит смысл бытия и жизненных устремлений человечества в создании земного рая, т.е. такого земного обустройства жизни, в условиях которого человек наиболее полно раскроет свои духовные и нравственные качества и утвердит в своей жизни в качестве основополагающих принципы человечности, добра, справедливости, правды. Беря все ценное в мировой литературе, Камал Абдулла развивает и дополняет теорию романа, которая все меньше делится по языкам и континентам, и создает в азербайджанской литературе национальный *роман-катарсис*. Если Аристотель считает, что трагедия есть катарсис страстей, а Мольер — что комедия есть катарсис наших слабостей, то автор трилогии «Под сенью карагача» полагает, что в споре добра и зла победы быть не может, но у индивида есть шанс возвыситься над добром и злом. Вслед за Достоевским, автор уверен, что, кроме счастья, человеку точно также необходимо несчастье. Человек, по Достоевскому, не делает выбора между добром и злом.

Романы Камала Абдуллы представляют нелинейную цепь событий, смыслы которых переплелись, как ветви древнего карагача, чтобы выявить процесс духовной транс-

¹ Под таким названием трилогия Камала Абдуллы вышла в московском издательстве «Художественная литература» в 2016 году.

формации героев, когда человек сталкивается с глубоко личной трагедией, и построены в форме множества эпизодов, переданных в виде ретроспекций-воспоминаний, наполненных восточной мудростью. Обращаясь к этическим принципам исламских суфиев, автор знает, что по суфийской традиции «зла нет, как чего-то существующего объективно, онтологически. Поэтому все, что творит Бог, есть добро. Зло же существует по видимости. Это некая форма, за которой скрывается универсальное благо. Страдания, несчастия, переполняющие человеческий мир, являются всего лишь средствами для наставления на путь истинный»¹. По мнению азербайджанского мыслителя, именно таким образом будет достигнуто на земле состояние всеобщего счастья и любви. Это плоды мечтаний и попытка автора спустить небо на землю, построить земную жизнь по небесным принципам, и в этой своей попытке он не ставит на место Бога человека, на место Духа Божия человеческий разум, на место страха Божьего человеческую любовь. Во главе всего Камал Абдулла ставит Слово. А последним из чудес, считает автор-повествователь и герой Хаджи Ибрагим Ага, слушая Сеида Сары, – это **явление Корана** – «...*последним* чудом стало явление Корана, который наш Пророк принял от Аллаха и подарил всему человечеству. После этого нет больше места для чудес на земле <...> Все, круг замкнулся...», но одно из имен мгновения остается. Имя этому мгновению – Слово – в начале и в конце времен. И Оно, Слово, как последняя песчинка, наполняет Полноту.

В поисках формулы исторического пути человечества, в общем, и азербайджанского этноса, в частности, Камал Абдулла опирается на Дастан как на модель идеального бытия и вводит его в описание современной жизни как сравнительную величину.

По размаху историзма повествование Камала Абдуллы об истории азербайджанского народа «конгениально» Льву Толстому и Шекспиру. Именно благодаря магическому сказочному колориту, пластам суфийской символики, доведенной до предела реальности фантазии и иллюзорного мира под давлением своеобразного «мифического терроризма» Дастана Деде Горгуд автор стоит в одном ряду с мировыми именами современников и предшественников. Его творчество являет собой яркий образец органической связи эстетики Полноты и вводит азербайджанскую литературу, историю и культуру в ряд зрелых литератур и культур мира.

Его трилогия — это одновременно и память, и временная перспектива, и Старое, и Новое начало! Автор «реанимирует» миф научно и художественно, потому что миф помогает глубже осмыслить сегодняшний день, природу, колыбель и самих себя. Деконструкцией огузского мифа Камал Абдулла вводит в мировую литературу тему всепрощения путем очищения и отказа от мести, от кровопролития. А Всепрощение означает прекращение кровопролития, воин, мести, и этот запрет идет от Мифа.

Мысль о Всепрощении, которую мы считаем сюжетной и идейной кульминацией творчества Камала Абдуллы, выдвинута прямым текстом, без путаницы шифров и кодов; это для того, чтобы она стала ясна, без всякого миража, всему миру: только путь очищения и всепрощения может создать на истрадающей и измученной Земле не параллельный мир, а мир настоящий. Очищение и всепрощение должны произойти «до часа Страшного Суда». Эту древнюю мысль в XXI век по-своему переносит, основываясь на историю своего народа, азербайджанский писатель Камал Абдулла. На достоевско-камаловской идее Всепрощения встречаются два мира — мир православный (западно-восточный) и мир мусульманский — как знак того, что Земля у нас одна, и все мы ходим под одним Богом, потому и диалог культур, литератур, наций, этносов, регионов возможен и необходим. Необходим для создания атмосферы солидарности, толерантности, полной Гармонии и Полноты Бытия.

Т Кирабаев Н.С. Идея совершенства человека в этике Аль-Газали. М.1986, стр.89.

МИХАИЛ СМИРНОВ

Россия, Башкортостан. Михаил Иванович Смирнов родился в городе Салавате 27 сентября 1958 г., печатался: «Литературная газета», «Новая литература», «Работница», «Литературная Россия», «Литературный Крым», «Север», «Венский литератор», «Бельские просторы», «Литературный Азербайджан», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Луч», «Приокские зори», «Новый Континент», «Нёман», «Слово\Word», «Зарубежные задворки» и др. Лауреат Международной премии «Филантроп»; Лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого; Лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и др.

PACCKA3H

Жизнь беспросветная

Бабка Липа, прозванная в деревне Камбалой из-за единственного глаза, ждала сына. Много лет ждала, поглядывая на дорогу, когда вернётся, скучала по нему, но в то же время, как огня, боялась его. А сегодня утром почтальонша, Анька Дружкина, подъезжая к старому дому, затренькала звонком, спрыгнула с велосипеда и прислонила его к забору. Распахнув калитку, зашла во двор, заметила бабку Липу на крылечке и торопливо направилась к ней.

– Баба Липка, утречко добренькое! – закричала она и выхватила замусоленное письмо из большущей сумки, что висела через плечо. – Наконец-то ты дождалась. Твой сынок письмо прислал. Сколько лет ни слуху, ни духу, а тут на тебе – объявился. Валька Ерёмина подоткнула конверт под журналы, а мне забыла сказать, и целую неделю письмо провалялось на почте. Сейчас сунулась, увидела его, спохватилась и быстрее к тебе помчалась. Ну-ка, баб, пляши, а то обратно отнесу...

И засмеялась, держа письмо над головой.

У бабки Липы ноги подкосились, когда услышала про сына. Сердце захолонуло. Как стояла на крыльце, кормила цыпляток, так и уселась на ступеньку, с грохотом уронив старенькую кастрюльку, в которой лежал корм.

– Нюрка, сволота эдакая, да чтоб у тебя глаза повылазили, – запричитала старуха, – чтобы у тебя язык одеревенел! Что ты машешь конвертом, аки флагом на параде? Эть, ну, непутёвая девка! Носится, как угорелая, людей пугает.

И не удержалась, выхватила конверт и тут же сникла, усевшись на крыльце. Почтальонша постояла возле неё, несколько раз окликнула, но старуха сидела, словно не слышала, и Анька Дружкина, поправляя тяжёлую сумку, махнула рукой и заторопилась к калитке. Бабка Липа продолжала сидеть на крылечке, опасаясь открыть конверт. Много лет ждала, когда сын домой вернётся или хотя бы небольшую весточку пришлёт. Ночами не спала, дожидаясь, что вот-вот сынок стукнет в окошко и зайдёт, но в то же время боялась. Опасалась, что опять беда придёт в дом. Сердце подсказывало, что добром не кончится его возвращение. Так было раньше, так будет и сейчас...

Бабка Липа, в ту пору ещё молодая, на отшибе жила. Неприглядная изба, доставшаяся ей от родителей, сараюшка во дворе и банька на берегу речки — это всё, что успели нажить родители. В ту зиму по деревне словно мор прошёл. Многие слегли с хворью. Огнём горели, ничего не помогало. Фельдшерица с ног сбилась, мотаясь по деревне. День-ночь, прибегали за ней, она подхватывала сумку и торопилась к больным. Можно сказать, Липке повезло, всё же молодой организм, покрепче оказался, чем у родителей. Вроде чуточку полегчало, но ещё плашмя лежала, силушки не было подняться — руки-ноги дрожали, а вот отца и мамку сожгла хвороба. Отец ночью помер, а мамка всего на полдня пережила его. И они лежали, пока соседка, бабка Сима, которая за ними ухаживала, к вечеру не зашла. Кликнула мужиков. Липку к себе забрала, а родителей схоронили. Сколотили домовины. На розвальнях отвезли на кладбище, и всё — лишь холмики остались, да колышки, на которых имена и даты были написаны.

Немного оклемавшись после болезни, Липка, не слушая бабу Симу, собралась и отправилась на мазарки, родителей проведать. А снегу в тот год намело по самые крыши. Некоторым приходилось двери откапывать, чтобы на улицу выйти. Метельная зима была, снежная. Липка выскользнула из избы и подалась на кладбище. Не захотела по дороге идти, далековато показалось, свернула и напрямки побрела через лес, чтобы быстрее добраться. Не дошла. Устала. Ладно, недалеко в лес забрела. Умаялась пробираться по глубокому снегу, а тут ещё метель началась. Липка привалилась к дереву и притихла, собралась чуточку отдохнуть и не заметила, как стала засыпать. Лишь к вечеру разыскали её. Домой привезли. Опять Липка в жару заметалась. Долго проболела. Словно свечечка стала. Огарышек небольшой, а не девка на выданье. До весны прожила у старухи. Помогала по хозяйству. Да и какое хозяйство у старухи – пяток кур и старая коза, и всё на этом. А весной, когда сугробы осели и капель зазвенела под солнцем, засобиралась домой, в свою избу. Негоже оставлять дом без присмотра.

Вернулась в родной дом, глянула, и руки опустились. Одна крыша виднеется. Весь двор позамело, даже забора не видно, а от баньки лишь труба чернеет, и всё на этом, а вокруг белым-бело. Соседи помогали. Снег убрали, избу протопили — выстыла за зиму-то, и продуктами поделились. Так Липка стала жить одна в родительском доме. Вечером возвращалась домой, нужно заниматься хозяйством. Скотинку не держала. Мужских рук не хватало в доме. Так, несколько кур, гусак с гусыней и кошка-мурлыка, вот и вся живность. А ещё огород был, будь он неладен, но если не держать его, тогда с голоду подохнешь. Вот и приходилось на нём пластаться вечерами. Смеркалось, когда Липка возвращалась в избу, не успевала прислониться к подушке, уже засыпала.

Ближе к осени к Липке стал свататься шофер из райцентра. Ушлый парень, как про него в деревне говорили. Прошёл огни и воды. Вроде, ещё молодой, а тропку в тюрьму успел проторить. Глянулась ему Липка. Принялся дурить девке голову. А она и так была пугливой, замкнутой, а когда узнала, что он в тюрьме побывал, руки-ноги ослабели, слово лишнее боялась сказать. Он приезжал вечерами, а Липка страшилась его, супостата, но в то же время ждала, когда он появится. Весёлый был, зараза! Улыбнётся, сверкнёт золотой фиксой, а потом возьмёт гитару или гармошку и давай играть, ноги сами в пляс пускались, а песни пел, можно было заслушаться. Липка даже не знала, чем взял её этот Алёшка: бесшабашностью, весельем или песнями задушевными. Но однажды, когда на улице вовсю припустил нудный осенний дождик,

не отпустила Алёшку, у себя оставила. А он обрадовался, скинул пиджак, набросил старую куртку, натаскал дровишек, огонь развёл в печке и загремел чугунками, словно всю жизнь тут прожил. Вскоре к ней переехал. И стали они жить. Сын родился. Радоваться бы, но бабье счастье недолгое. Не успела вволю налюбиться, как забрали Алёшку. Ночью, во время уборочной, с дружками загрузили бочки с соляркой на машину и в соседнем районе продали. Посадили за хищение. Алёшке больше всех дали, судимый был. Пять лет припаяли. Это ещё по-божески, как ей объяснили, а то бы мог на полную катушку получить, потому что у государства своровал.

Вроде бы пять лет — это небольшой срок. Не успеешь оглянуться, а уже годы пролетели, но Липке они показались вечностью. Каждый день годом казался. Сынок, Юрка, пока был грудным, ночами не спал. Капризничал. Липка сунет ему титьку, он чвалдыкает, чвалдыкает, а потом начинает реветь — титька-то пустая. А откуда у Липки молоко, если сама как тростинка стала, да ещё на работе выматывалась, без сил возвращалась, а тут с Алёшкой беда произошла — посадили, и осталась одна с мальцом на руках. Одна тень осталась от неё. Ладно, немного полегчало, когда Юрка, сынок, стал подрастать. Днём, пока была на работе, бабка Сима с мальчишкой сидела. А вечером возвращалась и его брала с собой повсюду. Шустрым был, ни секундочки на месте не сидел. И не усидел...

Липка натаскала воды в баню, благо, речка рядышком, только с обрыва спустись и вот она – течет-журчит, затопила баню, бельишко скопилось, хотела сама с сыночком помыться, да постирушками заняться, а Юрка рядышком крутился, всё возле порога со щепками играл, а потом притих. Липка позвала его, он не отзывается. Вышла на улицу, опять покликала, он не отвечает. Кинулась искать. Все кусты обшарила, нигде его не было. А на четвёртый день нашли сына. Под коряги затянуло, когда с обрыва упал в речку. Почернела Липка. В голос выла, всё могилку обнимала. Не знала, как мужу сообщить. Боялась, что вернётся и пришибёт. Но верно говорят, что беда одна не ходит. Сообщили, мужа придавило на лесоповале. Там и похоронили. Другая бы баба заголосила, а Липка наоборот, замолчала. То по лесу бродила, то возле речки сидела. Все уж думали, умом рехнулась баба. Взгляд был безумный, всё смотрела на других, а сама словно что-то хотела спросить, но постоит-постоит, развернётся и молчком уходит. И опять бабка Сима спасла её. Как чуяла, что беда близко. Стемнело, у старухи на душе неспокойно стало. Своего старика подняла и к Липке во двор подались. Распахнули сараюшку, а в этот момент Липка лавочку изпод ног вытолкнула и задёргалась, закачалась в петле. Охнула бабка Сима. Кинулась к ней. Подхватила. Вовремя успели. Вытащили из петли. В чувство привели, а вернуть к жизни не получилось. К той жизни, какой все люди живут. Внутри всё сгорело, пеплом покрылось...

И потянулись дни, недели и месяцы, похожие друг на друга: серые, нет, даже тёмно-серые, однообразные и тоскливые, как сама жизнь. Первое время к ней бабка Сима приходила ночевать. Караулила, как бы чего с собой не сотворила. Ночами вполглаза спала. Чуть шорох, она открывает глаза и прислушивается. Ага, лежит Липка, дышит, значит, живая. А бывало, обе поднимались и до утра просиживали за столом. Липка молчала. Сложит руки на коленях, опустит голову и молчит, а бабка Сима рассказывает. Обо всём говорила. Жизнь пересказывала: долгую, чаще несправедливую, но единственную и потому — ценную. Жизнь, которая дана свыше. Так до утра глаз и не смыкали. Одна говорит, а другая слушает, а может, и не слушала, просто о своём думала. Кто знает, что у Липки на уме было. Но бабка Сима настыр-

ничала. Не уходила. Всё сидела, всё ночевала в её избе. И так незаметно, словно невзначай, старалась вытянуть Липку в эту жизнь. Вроде бы, получилось перетащить, но страшно было на Липку взглянуть. Из молодой бабы превратилась в седую морщинистую старуху. Старуха, которая жила одним прошлым...

Часто Липка ходила на кладбище. В любую погоду. Бывало, придёт, возле матери с отцом посидит, но чаще рядом с могилкой сыночка была. Обо всём разговаривала с ним, что невысказано было за эти годы. Там она расцветала. Становилась прежней, любящей мамкой и разговаривала с сыном, как с живым, и смеялась, и гостинчики приносила. Сунет конфетку-другую или пряник, а в следующий раз придёт, увидит, что ничего нет, и она радуется, значит, угодила, значит, сынок забрал гостинчик. И опять выудит из кармана карамельку или печеньку и положит возле крестика. И так было всегда... А домой возвращалась, встанет возле единственной фотографии мужа, где он сидит возле стола и улыбается, и такое чувство было, словно сейчас заговорит. И подолгу стояла возле фотки. Уж деревня давно уснула, а она насмотреться не может, в мыслях с ним разговаривает. И тоже рассказывала: про сыночка, работу, про жизнь серую и неприглядную, про... Да обо всём говорила с ним, словно с живым общалась. И так изо дня в день, всегда...

Прошло несколько лет, как Липка почти в одночасье потеряла сына и мужа. Бабу Симу со стариком позапрошлый год снесли на мазарки. Все близкие нашли там приют. Липка ещё сильнее замкнулась. Единственная отрада, когда ходила к сынульке и разговаривала с ним. Замуж не вышла. Да и какой нормальный мужик женится на такой, что ни рожи, ни кожи — доска доской, да ещё молчаливая, словно онемела. Ей говорят, она седой головой мотнёт и молчком уходит. Странная какаято...

По весне, когда зацвела сирень, в деревне прошёл слух, будто из тюрьмы сбежал престрашенный убивец. Душегуб на свободу вырвался. Много лагерей было в округе, редко, но случались побеги, а если такое происходило, в деревнях начинали шептаться, оглядываясь по сторонам, всякие истории придумывали, одна страшнее другой. Так и в этот раз понапридумывали, будто беглый убивец всей охране глотки порвал, колючую проволоку руками разодрал и смотался, даже ни одного следа не оставил. Не иначе, в оборотня превратился. Милиция с ног сбилась, но его не нашли. Даже участковый приезжал. По дворам ходил и фотографию показывал, а на ней престрашенная рожа. Глянешь, аж мурашки по телу бегают. Участковый всех предупреждал: ежли встретится чужак, чтобы сразу сообщали. И тут же зашептались в деревне, что за такого душегуба, не иначе, преогромную премию выпишут. Участковый сказал, будто беглец в местных лесах прячется. Старухи перестали ребятишек выпускать со двора, мужики в дорогу ружья брали, а бабы, если нужно было в лес пойти, толпой ходили, ни на шаг в сторону и всегда с сопровождающими. Лишь Липка везде бывала одна. В лес ли сходить, в район ли съездить или на летнем пастбище остаться с ночевьём – она не отказывалась. На свою жизнь рукой махнула...

В субботний день, истопив баньку, Липка решила помыться да заняться постирушками. Разнагишалась в предбаннике, скользнула в парилку, уселась на полок – хорошо! Сидела, изредка поддавала парку, а потом сползла на пол и, пододвинув большой таз, принялась мыться. Не услышала, как приоткрылась дверь, и в парилку проскользнул высокий худой человек с тёмным лицом и в драной одежде. Не успела вскрикнуть Липка, как он закрыл ей рот огромной ладонью, другой начал тискать за маленькую грудь, а потом повалил на пол. Сначала Липка стала вырываться из цеп-

ких лап, а потом сникла, и наоборот, навстречу подалась. Забыла за долгие годы, что такое любиться. И – невольно согрешила... Очнулась Липка глухой ночью. Незнакомца не было, лишь на лавке лежал самодельный портсигар. Может, забыл, а может, специально оставил на память. Липка набросила на себя платьишко, добралась до избы, упала на кровать и тоненько заплакала. Вскочила, кинулась было к выходу, чтобы сообщить, что убивец объявился, а потом остановилась, уселась на табуретку и опять заплакала. Как же она скажет, что убийца снасильничал её. Позорище-то какое! Пальцами начнут тыкать в деревне, вслед плевать, что с душегубом связалась – на чужой роток не накинешь платок, всякое придумают. А вдруг ещё скажут, почему не вырвалась и не закричала, тогда бы помощь пришла, а она промолчала, значит, покрывала его, да ещё, стыдно сказать, сама потянулась к нему. Такого понапридумывают, что до последних дней своих не разгребёшь, не отмоешься. Потом доказывай, что невиновна... А через два дня, так же ночью, Макар Селянин вилами заколол беглого душегуба, когда тот пытался своровать курицу в сарае. Одним ударом пригвоздил его к стене и так оставил, пока милиция не приехала.

Липка видела, как милиция приехала, краем уха услышала, что душегуба порешили. Обрадовалась, что насильника закололи, теперь никто не узнает о её позоре. Радовалась, пока не почуяла, что понесла от беглого убийцы. Сначала не поверила, а потом во весь голос взвыла. Нужно же было на старости лет такому случиться. Она уж себя из баб-то давно вычеркнула, никому не нужная была, все мужики мимо проходили, словно не замечая, что она – баба, что она ещё не такая старая, как казалось, но все не замечали этого, а вот беглый позарился, набросился на неё. Дорвался до Липкиного тела, за все проведённые годы в тюрьме измахратил так, что она забрюхатела. Весь срок проходила, перетягивая живот, лишь бы в деревне ничего не заподозрили. И тяжести наравне со всеми таскала, и копала, и внаклонку работала, думала, выйдет дитё, но, видать, ребёночек крепко держался за жизнь. А потом, когда Липка почуяла, что вот-вот родит, сказала, что в город поедет, к дальним родственникам, а сама уложила в сумку собранные чистые вещички, оставшиеся от первенца, от Юрочки, чистого тряпья набрала и ушла в лесную чащу, подальше от людского жилья, где уже заранее приготовила шалаш. Вовремя от людей скрылась. Ночью завыла, словно волчица, когда схватки начались. До утра лесные птицы всполошенно метались от этого воя, а утром, едва солнце тронуло верхушки деревьев, Липка родила мальчишку... Два дня отлёживалась в шалаше, а потом в деревню подалась. Всем говорила, что подкидыш, будто на станции подложили, а она не смогла его сдать в приёмник – рука не поднялась, и захотела себе оставить его. В правлении пошли навстречу. Все помнили, сколько она переживала в жизни, светлых дней не было, всё чёрные и чёрные... Подождали для проформы, может, мать-гулёна опомнится и будет искать мальца, но не дождались, собрали документы и записали ребенка на неё, на её фамилию. Володенькой назвали, в честь Липкиного отца. Наконец-то в её жизни появился лучик. Лучик света, ради которого и нужно жить...

Но, подрастая, Володенька — этот лучик света — стал превращаться в неукротимый огонь, который с каждым днём всё сильнее разгорался. Видать, в нём бродила и искала выход дурная кровь того самого насильника и убийцы. Словно наизнанку выворачивали мальца. И чем старше делался сынок, тем больше становился неуправляемым. Школу не дотянул. С треском выгнали за поведение. Хотели в какую-то специальную школу отправить, но Липку пожалели, так-то, бедняжка, ничего хорошего в жизни не видела, а теперь ещё с приёмышем мучается. Помогли, пристроили

паренька в училище. Недолго проучился, сбежал. Месяц шлялся незнамо где, не появляясь домой, а потом пришёл, небрежно бросил на стол пригоршню мятых рублей да трёшек и пьяно заухмылялся, видите ли, кормилец в доме появился. Уселся за стол, поставил бутылку и потребовал стакан... А ночью приехали за ним. На тычках подняли с кровати, скрутили и с собой увезли. Оказалось, что в соседнем селе магазин взломали. Ограбили-то Володькины дружки, а ему сунули немного мелочишки да напоили, но почему-то арестовали одного Вовку, а остальные остались на свободе, потому что всё на него свалили, во всех грехах обвинили. Выездной суд был. Не стали жалеть Володьку, как ни просила за него Липка. Посадили паренька, чтобы другим неповадно было...

- Слышь, Камбала, я уж голос надорвала, пока докричалась, возле калитки, облокотившись на штакетины, стояла соседка, бабка Маруся. Почтальоншу видала, говорит, ты письмо получила от своего непутёвого, да?
- А тебе-то какое дело? поправляя платок, буркнула бабка Липа. Пришла, чтобы приезд отметить или молиться на него будешь?
- Не приведи Господи, торопливо перекрестилась старуха. Тьфу-тьфу! Врагу не пожелаю такого сына. Вот уж пригрела найдёныша. Настоящий вражина, изверг!
- Это моя кровинушка, стукнула сухоньким кулачком по впалой груди бабка
   Липа. Мой сынок...
- Да какая кровинушка, отмахнулась бабка Маруся. Подобрала незнамо кого и где, и уже сыночек, сказала она ехидно и ткнула пальцем. Злыдень, как есть злыдень! Попомни, Липка, заплачешь, когда он вернётся. Слезами умоешься...
- Марш отселева! загрозила кулачком бабка Липа. За своими детями гляди, а моего в покое оставь. Ишь, какие правильные выискались!
- Я-то сейчас уйду, Камбала, а ты потом не зареви, если злыдень вернётся и второй глаз вышибет, поджимая тонкие губы, сказала старуха, развернулась и пошла по тропке. Они такие эти тюремщики! Глядишь, новое прозвище получишь. У нас в деревне не заржавеет, сама знаешь...

Бабка Липа завздыхала. Многие в деревне норовят носом ткнуть, вспоминая сына, Володеньку. Она невольно дотронулась до пустой глазницы и тут же прикрыла её прядью волос. Видать, правда, Вовка по стопам отца-душегуба пошёл. Дурная кровь пересилила. Вот и получилось, что яблоко от яблони... А ведь она вкладывала в душу сына только хорошее, как казалось, а Володенька всё мимо ушей пропускал. И докатился... Первый раз вернулся из тюрьмы весь в рисунках, аж синий, и злющий – страсть! Ходил по деревне, свысока на всех смотрел, бывало, руки распускал, да всякими словами бросался. Слушаешь, вроде по-русски разговаривает, а не поймёшь. Всё порывался бывших дружков отлупить, а Липка не отпускала. Боялась, что Вовку опять в тюрьму упрячут. Вон какие кулачищи! Натворит делов, потом не расхлебаешь. Вроде бы, уговорила, чтобы позабыл про старых друзей и начал новую жизнь. Володька стал в клубе пропадать. Ночью пьянющий возвращался, матюги направо и налево разбрасывал. С месяц-полтора дома побыл, а потом с командировочными разодрался из-за местной шалавы, ножик выхватил. Пырнул двух парней, да грузовик поджёг, на котором они приехали. Милицию вызвали. Они примчались, сыночка скрутили. Новый срок заработал. Несколько лет Липка ездила к сыну, передачи возила. Ладно, недалеко моталась, всего километров за триста. Каждую копеечку откладывала, потом набивала продуктами сумку, побольше солёного сала, чуточку колбасы,

карамельки и печеньки, да ещё побольше лука и чеснока, дешёвых сигарет и спички, а потом на автобусе, на поезде и снова на автобусе добиралась до лагеря, где сынок сидел. Зимой или летом, в жару или холод, она тащилась туда, чтобы поговорить с ним, посовестить его, может, бросит хулиганить, да за ум возьмётся. Но бесполезно...

Володенька отсидел срок, вернулся, немного отоспался, а потом за старое взялся. Видать, воровал, деньги всегда водились у него. Липка начнёт совестить его, он зыркнет глазищами, завалится на кровать и молчит. Днём отъедался и отсыпался, а вечером куда-то уходил. Вернётся ночь-полночь, усядется на кухне, поставит бутылку, стакан опрокинет и свои тюремные песни поёт. Ладно, дом на отшибе стоял, никому не мешал своим криком. А бывало, Липку поднимал и рассказывал про лагерную жизнь, сколько ему пришлось перевидать народу за эти годы, пока сидел. Удивлялся, говорил, будто вся страна через тюрьмы проходит, столько народищу в них сидит. Рассказывал, как там живут и выживают, лишь бы в скотину, в тварь бессловесную не превратиться. А она сидела и слушала, частенько плакала и старалась не перечить ему, зная его тяжёлый характер. Сама не заметила, как стала его бояться.

Смеркалось, в дверь стукнули, и в избе появился сутулый высокий парень. Посмотрел исподлобья на Вовку, кивнул. Потом взглянул на Липку. А взгляд тяжёлый, какой-то нехороший, дурной, того и гляди, кинется. Липка отвела глаза, не выдержала, и тут же на душе как-то неспокойно стало.

– Дружок приехал, – сказал сын, вскочив с табуретки, и кивнул головой. – Проходи, Лёха. Мать, посиди на кухне и не мешай нам.

Не здороваясь и не снимая обувь, парень прошёл в горницу. Следом за ним Володька сунулся и плотно прикрыл дверь. Липка осталась за столом, прислушиваясь, как они разговаривали, шептались, а иногда на крик переходили, кулаками по столу стучали. Всё про какие-то долги вспоминали. Затем притихли. Липка подошла к двери, прислушалась. Тишина. Вот бутылка звякнула. Ага, выпивают. Лишь бы не разодрались. Вовка-то дурной, махнёт кулачищем и поминай, как звали. До ночи сынок с другом просидели в горнице, а потом ушли. Оба. Утром, когда в избу ввалилась милиция, Липка узнала, что в соседнем районе ограбили кассира, который вёз деньги в колхоз, отняли всю зарплату, а кассира и сопровождающих покалечили. Один из сопровождающих рассказал, как выглядели грабители. В милиции Вовку заподозрили, недавно освободился и по приметам подходил, и тут же помчались к нему. Думали, застанут, по горячим следам поймают, но Володьки не оказалось дома. Обыск сделали. Всё перевернули. Видать, деньги искали. А какие деньги, если Вовка не приходил? Видать, для отчета всё перевернули. Работа такая, никуда не денешься. После обеда укатили, а Липка до вечера наводила порядок в доме, раскладывая по местам разбросанные вещи. Ночью пришёл сын. В окошко стукнул. Липка дверь открыла. Володька крадучись зашёл, с оглядкой, прислушиваясь к каждому шороху. Сразу сунулся на кухоньку, отрезал ломоть хлеба. Видать, кушать хотел. Липка кинулась к нему, хотела про обыск рассказать и не успела. Распахнулась дверь, и ввалились милиционеры.

– Сдала меня, – закричал Вовка и, как держал в руке нож, так и полоснул по лицу матери. – Сдохни, паскуда!

Володька попытался выскочить, размахивая и пугая ножом, одного ударил кулачищем, другого огрел по голове, третьего так пнул, что тот пополам сложился, а тут на Вовку со всех сторон навалились, кто-то вскрикнул, видать, ножиком зацепил,

прижали к полу, связали и быстро выволокли на улицу, где уже ждала машина. Володьку затолкали внутрь, рядом уселось несколько человек и машина, громко просигналив, помчалась по ночной деревенской улице.

Липка охнула, схватившись за выбитый глаз, когда Вовка ударил, и сползла на грязный затоптанный пол. Не видела, как скрутили сыночка. Сознание потеряла. Очнулась в больничной палате. Щеку заштопали, а глаз не спасли. Вытек. Долго пролежала в больнице, а потом выпросилась и вернулась в пустую избу. Вскоре, как Липка вернулась, был суд и Володьку опять отправили в тюрьму. Слишком много статей на себя повесил, большой срок намотал, как шепнул охранник, и Вовку отправили в другую область, а туда не наездишься — далеко и начётисто по её деньгам.

И опять потянулись бесконечные дни, недели и месяцы, складываясь в годы, похожие друг на друга, однообразные, тяжёлые и тоскливые, как сама жизнь. Вся её жизнь превратилась в одну чёрную нескончаемую полосу. Липка каждый день ждала весточку от сына, но писем не было. Видать, Володька решил, мать виновата, что не предупредила про милицию, которая дожидалась его. Она виновата, что его посадили. И от его молчания становилось страшно на душе. Липка знала, как сын бывает скор на расправу. Понимала, Вовка не станет разбираться и не простит, хотя она не виновата, а вот зло, какое в его душе скопилось за годы, проведённые в лагере – это зло во много раз возрастёт, и что произойдёт, когда Вовка вернётся, она даже боялась подумать. Ждала сына, скучала по нему, всё же родная кровинушка, но в то же время страшилась, что вернётся и... И вдруг, как гром с ясного неба, сообщили, что сын, едва освободившись, на вокзале напился и разодрался. Кого-то пнул, аж внутри полопалось – едва спасли, и другого в тяжёлом состоянии в больницу увезли. Что-то с головой сделалось. Видать, кулачищем врезал по голове. До дома не добрался, снова за решётку угодил. Угнали Володьку, где Макар телят не пас. И Липка заплакала: тоненько, протяжно и обидно. Себя жалела, что осталась одна, что ей не повезло в жизни, но ещё больше жалела сына, Володеньку, потому что вся жизнь у него с малых лет пошла наперекосяк, и чем закончится – никто не знает, даже он сам. И снова потянулись дни и месяцы: монотонные, невесёлые и бесцветные...

Бабка Липа сидела на крылечке и всё пыталась подсчитать, сколько же лет Володька не был дома, и не получалось у неё. Запуталась в годах. Как подростком угодил в колонию, с той поры почти не бывал дома. Освободится, месяц-другой погуляет и снова в лагеря. Последний раз, когда вернулся, они сидели за столом и по душам говорили. Она хотела, чтобы сынок за ум взялся, и жить начал, как люди живут. А Вовка сказал, что ему нечего делать на свободе. Здесь ни родных, ни знакомых, а вот в лагерях другое дело, там его знают, там друзья и знакомые, там ему лучше, чем на свободе, которую он даже не знает, толком не успел рассмотреть за свою жизнь, потому что за колючей проволокой провёл намного больше времени, чем на этой чужой свободе. А вот на зоне ему легче жить. Там накормят, напоят, кино покажут, даже бабы приезжают по переписке, как он похвастался, а ещё охраняют, чтобы ничего с тобой не случилось. И засмеялся, мол, ещё неизвестно, где лучше жить: на вашей воле или в нашей тюрьме...

А потом, когда Вовка выбил матери глаз, думая, что она его продала, он взбеленился и пообещал расквитаться. С той поры ещё больше стала бояться Липка своего непутёвого сына, что он вернётся и... Письма писала, в которых оправдывалась, что ни единого словечка не говорила милиционерам и даже не знала, что стерегут его, а сын отмалчивался, ни одной весточки не прислал. Видать, злобу затаил,

а ведь злость с каждым годом нарастает, словно в снежный ком превращается – это очень страшно. А когда почтальонша принесла письмо, враз руки-ноги ослабели. Сынок возвращается. Не иначе, чтобы с ней рассчитаться, не простил родную мать. Расквитается за то, чего не было...

Бабка Липа завздыхала: жалобно, тоненько, тягуче. Опять покрутила в руках потрёпанный конверт. О, сколько марок наклеили! Сразу видать, издалека добиралось. Такое же письмо, сплошь в марках, получила соседка из проулка, Алка Раминская. Ей аж из самой Америки прислали. Она бегала по деревне и хвалилась, что огромное наследство досталось. Подхватилась, всё распродала, кудри навела в райцентре, начепурилась, вырядилась в нарядное платье и умызнула за море-океан, и с той поры ни слуху, ни духу. Может, сидит во дворце, и наследство пересчитывает, а может, прибили за длинный язык. Растрезвонила всем встречным и поперечным и помчалась за наследством, а башкой не подумала, что мы здесь-то никому не нужны, а там — тем более. Ну, если удалось добраться до этой Америки... Дура-баба, ничего не скажешь... Бабка Липа потрогала пустую глазницу и опять посмотрела на конверт. Да вот, ей тоже наследство прислали. Как заявится сыночек, так наследством поделится, что потом придётся остаток жизни впотьмах ходить. Володька — он такой! Здоровенный бугай, высоченный и кулачищи с чугунок, не менее, звезданёт разочек по маклашке и поминай, как звали...

- Ой, беда-беда, забормотала бабка Липа, оглядываясь по сторонам. Взаправду голову оторвёт и слушать не станет, что я невиноватая, что его заарестовали. Уж сколько лет камень на душе, и не скинешь его, заразу эдакую.
- Слышь, Камбала, что сидишь? постучав клюкой по забору, заглянула во двор старуха Абрашкина. Солнце в зените, а ты сидишь и не шелохнёшься. Уснула, аль помёрла?
- Какая холера принесла тебя, Файка? недовольно буркнула бабка Липа. Что ходишь по чужим дворам, всё высматриваешь? Не видишь, я делами занимаюсь...
- Это... Да, вот что хочу сказать... она запнулась, задумавшись о чём-то, потом утёрла ладошкой впавший рот и принялась поправлять тёмный платок. Это... Может, самогоночки налить, а? Чистая, аки слеза младенца, и крепкая страсть! Сама б пила, да людям надо. Я быстро притащу. Всё же сынок приезжает. Отметили бы приезд...
- Пошла отсюда, опять буркнула бабка Липа. Всё зло через самогонку да вино. Не успели письмо принести, уж вся деревня знает.
- Сама знаешь, как у нас: ещё не успела чихнуть, а на другом конце деревни «будь здрав» говорят. Это, слышь, Камбала... не отставала старуха Абрашкина. А что пишет сынок? Чать, уж взрослый мужик, да? Сколько ему годочков-то?
- Не читала, что написал, прикрыла глазницу бабка Липа. Сижу, задумалась. Сколько лет ему... и удивлённо так: А знаешь, Файка, не помню, напрочь забыла. Наверное, совсем взрослый стал. Я ведь старухой стала. В последний раз, когда его забрали, уж лет пятнадцать-шестнадцать минуло с того дня, а может, и поболее не помню, а ещё до этого сколько раз отсидел. Вот и считай...

Подняв голову вверх, старуха Абрашкина наморщила и без того морщинистый лоб. Шевелила тонкими губами, загибала и без того скрюченные пальцы, взглядывала на Липку и опять задирала голову, словно что-то пыталась в небе рассмотреть, а потом вздохнула и развела руками.

– Считала, пересчитывала, – сказала она. – Совсем запуталась. Правда твоя,

долго не был. Наверное, полжизни в тюрьмах провёл, – и тут же махнула рукой. – Куда там – полжизни! Поболее, чем полжизни. Пацаном в тюрьму попал, как сейчас помню. Дружки подсобили, безвинного обвинили. Сами-то, сволочи, живут припеваючи, на машинах разъезжают, а его в тюрьме гноят. Вот и дружи с такими... Слышь, Камбала, что хотела сказать... Все говорят, что в лагерях плохо кормят, а твой Вовка возвращался, будто на курортах побывал. С каждым разом всё здоровше и здоровше становился. Правильно, как тут рожу не нажрёшь, ежели ты полнёхоньки сумки ему возила. Сама недоедала, как тростиночка стала, насквозь просвечиваешь, а он в три горла жрал да пил...

- У тебя ни крошки не брала, своё возила, покосилась на неё бабка Липа. Ишь, куском хлеба попрекаешь. Не зарекайся от сумы и тюрьмы. Доторгуешься самогонкой-то, на старости лет отправят лес валить. Много лагерей вокруг, места всем хватит, а тебе тем более.
- Тьфу на тебя! Накаркаешь, Камбала... Да разве я упрекаю? Ведь жалко тебя, дурёху, старуха Абрашкина махнула рукой, поджимая губы. Одни живут, как сыр в масле катаются, ни забот, ни хлопот, а у тебя вся жизнюшка через пень-колоду, как с мальства не задалась, так до сей поры маешься. Вот говорят, наша жизня делится на белые и чёрные полосы это мне дочка рассказывала, а она умная страсть, так вот, у тебя, Камбала, одна сплошная чернота и ни одного просвета в жизни. Ни единого! Родители померли, жизнь не задалась: сын потонул, мужика придавило, сама в петлю полезла, а потом ещё этот найдёныш появился и тоже стал кровушку пить. Вон и глаз выбил, и всю жизнь на него прогорбатилась, а вернётся и начнёт тебя на кулаках носить. Он рожу наедал, как на курортах, а ты, Камбала, под ветром качалась. Жалко ведь...
- А ты не жалей, взъерепенилась бабка Липа. Много вас таких, жалельщиков. Одной рукой по головке гладите, а второй норовите в болото столкнуть. Вот как насмотрелась на вас! и она провела ребром ладошки по горлу. Иди, Файка, иди отсюда, не до тебя сейчас...

И опять затеребила потрёпанный конверт.

Старуха Абрашкина постояла возле забора, посмотрела на неё и, махнув рукой, что-то пробормотала, укоризненно покачивая головой, отогнала клюкой собаку и тихонечко побрела в сторону магазина.

Душа не лежала открывать конверт. Бабка Липка поднялась, сходила в избу, положила письмо на стол, на самое видное место, чтобы не забыть и прочитать, когда духу наберётся, а сейчас боязливо было, что-то неспокойно. Потопталась возле стола, поглядела на письмо, повздыхала и вышла во двор. Посмотрела на закатное солнце, на густое облако пыли, что поднималось над дорогой — это стадо возвращается. Взяла лопату, прислоненную к забору, и пошла на огород, подкопать куреня два-три картошки. Что-то молоденькой захотелось. Вчера огурчики помалосолила с листочками всякими, да с укропчиком. Вкусные — страсть! И бабка Липа, почмокав от удовольствия, заторопилась, подкапывая клубни...

Вернувшись, она сварила картошку и поставила чугунок на стол. Крупно нарезала пару огурцов, положила несколько стрелок лука, отхватила ломоть хлеба и поставила кружку с чаем, а рядом развернула и положила карамельку. Раздвинула занавески, выглянула на улицу. Сумерки за окном. Пора ужинать...

Обжигаясь, выхватила картошку, подула на неё, остужая, придвинула блюдце с постным маслом и солью, ткнула в него, чуточку откусила и зачмокала, закачала го-

ловой – y-y-y, как вкусно! Почвалдыкала кругляш огурца, опять ткнула картошку в маслице и едва с табуретки не повалилась, когда позади неё скрипнула дверь, и в полусумраке раздался тягучий хриплый голос.

– Пустишь, мать? – что-то громыхнуло, и заскрипела табуретка, стоявшая возле входа. – Я вернулся...

У бабки Липы картошка шлёпнулась в блюдце с маслом — золотинки рассыпались по столу. Она вздрогнула и протяжно икнула. Торопливо повернулась и увидела не сына перед собой, не здоровенного и плечистого мужика, каким прежде был, а всего лишь его тень. Перед ней сидел сгорбленный старик: ёжик коротких седых волос, ввалившиеся щёки, жёлтая морщинистая кожа словно просвечивала, лишь взгляд остался прежний — тяжёлый, колючий и недоверчивый, а рядом с табуреткой лежал тощий вытертый рюкзачок.

- Володенька, наконец-то, ты вернулся, а я все глазоньки проглядела, все жданки съела, каждую минуточку ждала, и на тебе просмотрела, не сказала, а выдохнула бабка Липа, рванулась к нему и остановилась, опасаясь прикоснуться. Что случилось с тобой, сынок?
- Подыхаю, мать, помолчав, сказал он и прислонился к стенке. Немного осталось. Скоро помру.

Бабка Липа, как стояла, так и опустилась возле печки.

– Да не болтай всякую ерунду – подыхаешь, – она мотнула головой, взглянула на него, запнулась и опять сказала. – Что с тобой, сынок? – бабка Липа неуверенно подошла, потопталась, а потом решилась и обняла его, прижалась, чувствуя худое тело, провела по седому ёжику волос, всхлипнула, опять прижалась, а потом встрепенулась. – Ничего, Вовка, ничего, главное, что вернулся, а здесь я вылечу тебя, поставлю на ноги. Ой, что же я, старая, держу тебя возле порога? Скидывай одёжку, умывайся, да за стол садись. Я молоденькую картошечку сварила. Вкусная – страсть!

Сын невольно сглотнул. Острый кадык ходуном заходил. Видать, голодный. Володька медленно поднялся, скинул куртку, подошёл к столу, грязными руками схватил картошку, жадно откусил и зашёлся в долгом кашле. Потом присел на табуретку, положил раздавленную картошку на стол, отряхнул ладони и сгорбился, вытирая влажный лоб. Долго сидел, молчал. И бабка Липка тоже молчала. Жизнь приучила не говорить лишнего. Посматривала на сына и покачивала головой. Были ручищи, а сейчас плети висят, вся силушка ушла, был здоровенный мужик — одна тень осталась. Неслышно поднялась. Налила чаю, чуточку забелила молоком и незаметно придвинула к нему.

– Попей, Володь, полегчает, – сказала она и опять села напротив него. – Тёпленький, на целебных травках настаивала. Сама собирала...

Володька сделал несколько мелких глоточков, застыл, словно прислушивался к себе, и опять зашёлся в долгом кашле.

- Мать, мне бы помыться, прикрывая рот грязной тряпкой, сказал он. Есть тёплая вода?
- Есть, сынок, конечно, есть, бабка Липа вскочила и заторопилась к выходу. Днём баньку протопила, сама сполоснулась и бельишко простирнула. Вода осталась. Ты чуточку подожди, я сейчас новую мочалку положу, печатку мыла да чистую утирку. Пока моешься, гляну, что из твоих вещичек сохранилось. Потом принесу, в предбаннике оставлю.

Сказала, хлопнула дверью и пустилась по тропке к небольшой баньке, сто-

явшей на берегу речки.

Володька поднялся. Постоял, осматривая кухоньку. Прошёл в горницу и прислонился к косяку. Родной дом, а чувство, словно в гости пришёл. Здесь родился и сюда вернулся, чтобы умереть. А сколько ему осталось – никто не знает. Врач неопределённо покрутил рукой в воздухе и буркнул, что недолго осталось, и всё на этом. А сколько это недолго – кто его знает. Может, день-два, а может, неделю или месяца два-три. На большее он не рассчитывает. И для чего он поехал сюда – тоже не мог объяснить. Взял и поехал, хотя какая разница, в какой земле лежать. Закопают и забудут. Казалось бы, ничто его не связывает с родным домом. Родственников нет, одна лишь мать. Мать... Володька пожал плечами. Он не знал, как относиться к родной матери, потому что всю жизнь провёл за решёткой. На воле-то был – раз, два и обчёлся. Не успевал выйти, не успевал свободу почуять, как снова забирали, и опять в лагеря. Там было привычнее, чем здесь, на воле, где всё чужое и незнакомое. Вышел и не знал, куда податься. Потом до дома решил добираться. Почти весь день просидел на вокзале. Даже не на самом вокзале, а нашёл скамейку, стоявшую в кустах, там и сидел. Силы не было. Полежать бы, да разве можно. Сразу заберут, а когда справку увидят, не отвяжешься от милиции. Закроют до выяснения, а здесь каждый день на вес золота. Так и сидел, пока какой-то мужик не появился. Видать, заскочил нужду справить. Долго смотрел на Володьку. Подошёл. Спросил, чем помочь. Медленно, нехотя, но Володька рассказал, что хочет домой добраться. Мужик помог. В одном вагоне ехали. Если бы не помощь, вряд ли Володька добрался. Подох бы по дороге. На своей станции вышел. Казалось, рукой подать до деревни. Но это «рукой подать» до сумерек растянулось. Вечерело, когда на попутке доехал. По улице не пошёл, огородами подался, чтобы глаза людям не мозолить. Еле ноги передвигал. Вымотался за дорогу. Сделает несколько шагов и стоит, отдышаться не может. Откашляется и снова немного пройдёт, и опять ноги подгибаются. Хотелось упасть в траву и больше не подниматься. Так и сдохнуть на этом месте... Да уж, укатали сивку крутые горки. И Володька вздохнул – мелко, больно, обречённо...

А бабка Липка распахнула дверь в баньку. Потрогала котел — тёплая вода, даже горячеватая. Положила на лавку мочалку, мыло, сполоснула большой таз, быстро протёрла щелястые полы и, не удержалась, присела на лавку. Завздыхала, вспоминая сына. Вся жизнь под откос. Ничего не видел, кроме лагерей, а месяцы, какие был на свободе, можно по пальцам пересчитать. Многие клянут его, а она жалеет. Все же своя кровинушка, родная. Она же выносила его, нянькалась, ночами не спала, когда болел, а потом, когда в школу пошёл, как она радовалась — вырос сыночек, ещё чуток и кормильцем станет. Ага, стал... душегубом, но это не его вина, как Липка считала, а вина тех, кто не захотел разбираться, а взял и повесил на него чужие грехи и посадил. И Володенька озлобился. На людей озлобился, на мать, на саму жизнь разозлился и пустил её, эту жизнь, под откос, а сейчас вернулся, чтобы помереть... Бабка Липка охнула, прикрыла рот ладошкой и едва слышно застонала. Сынок умирает, родная кровинушка, а она ничем не может ему помочь. Вытерла слёзы кончиком платка, поднялась и заторопилась к дому, к сыну...

Володька стоял, прислонившись к дверному косяку и, задыхаясь, заходился в долгом, изнурительном кашле. Рывком вытащил тряпку, сплюнул в неё, вытер рот и, едва вздохнув, опять зашёлся кашлем; не удержавшись, присел возле двери. Бабка Липа, распахнув дверь, увидела, как сын сидел, уткнувшись головой в колени, и задыхался. Бросилась к Володьке, потом налила воды, приподняла ему голову, немного

влила — он опять зашёлся в кашле и стал хлопать по карманам, пытаясь что-то вытащить. Бабка Липа запустила руку в карман, нащупала пузырёк, достала, вытряхнула две-три таблетки, сын торопливо выхватил, сунул под язык и через несколько минут притих. Видать, полегчало...

– Володенька, сынок, – покачивая головой, бабка Липа глядела на сына. – Как же ты в баню-то пойдёшь? Ведь на ногах не стоишь. Свалишься ещё...

Сын завозился на полу, пробуя подняться. Медленно, держась за дверной косяк, выпрямился и сразу же прислонился – голова закружилась.

– Не свалюсь, мать, – сказал он и опять вытер губы. – Сюда доехал, а до бани ползком доберусь.

И, пошатываясь, пошёл к выходу.

Бабка Липа бросилась к старому комоду. Долго перебирала вещи, всякое тряпьё, которое много лет хранилось в ящиках, вытащила рубаху, штаны и трусы, покачала головой. Раньше одёжка была впритык, даже по швам расходилась, а сейчас как на колу повиснет, но аккуратно сложила стопочкой и заторопилась в баньку, отдать сыну. Приостановилась возле двери. Прислушалась. Было тихо. Заскрипела дверью. Заглянула внутрь. Грязные вещи сына висели на гвозде. Под лавкой валялись стоптанные туфли. Шагнув, бабка Липа положила чистые вещи на лавку, опять прислушалась, хотела было заглянуть, но испугалась, что сын заругается, притворила дверь и вернулась в избу.

Бабка Липа подняла выцветший, потрёпанный рюкзачок. Положила на табуретку. Хотела посмотреть, что в нём, но, увидев крепкий узел, раздумала. Если сынок заметит, плохо будет. Не дай Бог попасть под горячую руку. Бабка Липа привычно потрогала пустую глазницу. Нет уж, пусть мешок лежит.

Она закружилась по кухоньке и горнице. Постелила на старый диван чистую простыню, положила ватное одеяло и взбила подушку. Рядом с диваном поставила табуретку. Так, на всякий случай, что-нибудь положить или поставить. Поспешила на кухню. Подогрела чайник, свеженькую заварку приготовила. Знала, сын любит крепкий чай. Принесла кусочек пожелтевшего сала — это Валька Летайкина приносила по осени. Так и лежало с тех пор. Пару огурцов порезала. Хлеб накромсала на ломти, пяток яиц сварила. Пучок лука надрала в огородике, там же в бочке пополоскала и, вернувшись, положила на стол. Постояла, осматривая, подхватила и поставила чугунок с картохой, маслице в блюдце, немного помялась, задумавшись и, решившись, махнула рукой и достала из потайного места бутылку самогонки. Так, на всякий случай, держала. Гляди же ты, пригодилась бутылка-то...

Бабка Липа присела на табуретку, сложила руки на коленях и принялась ждать сына. Поправила седую прядь волос. Взглянула на фартук — не грязный ли, посмотрела в оконце, на улице смерклось. Мимо избы, виляя на велосипеде по разбитой дороге, проехал Афонька Пестряков. Видать, на ток собрался, сторожить. Хорошую работу нашёл, не бей лежачего. Сам себя шире — оглоблей не перешибёшь, а всю жизнюшку жалуется, что хворый, полегче работу подавай, а сам в три горла жрёт и водку пьёт. Болезный, называется...

Дверь тихо скрипнула. Бабка Липа вздрогнула. Оглянулась. Думала, сынок вернулся, но в дверях стояла бабка Маруся, соседка, и медленно осматривала кухоньку.

– Слышь, Камбала, сейчас Гапониха забегала, говорит, будто в твоей баньке мужика видела, – старуха мотнула головой. – Вовка вернулся, да? А я на лавочке весь вечер просидела и прозевала его... Чать, по задам огородов прошёл, да?

- Ну что вам неймётся? бабка Липа всплеснула руками. Да, Володенька приехал. В баньке моется...
- А что рассказывает? с любопытством перебила бабка Маруся. Надолго вернулся или опять в тюрьму собирается? и махнула рукой.
- Отстань, бабка Липа тяжело вздохнула, сгорбилась и, казалось, стала ещё меньше росточком. Помирает Вовка, доходит...
- Как помирает? удивлённо воскликнула старуха и отмахнулась. Не бреши, Камбала! Об его морду можно кирпичи бить, а ты помирает... Ничего, чуток отлежится и опять за старое возьмётся. Не впервой! Всё, теперь двери и окна нужно закрывать. Душегуб вернулся...
- Марш отселева! взъерепенилась бабка Липа и, поднявшись, подтолкнула соседку к двери. Ишь, нашли душегуба! Сами его сделали таким, сами. Иди, пока грех на душу не взяла.

Вытолкнула старуху и захлопнула дверь.

Бабка Липа взглянула на ходики. Опять посмотрела на тёмное окошко. Не удержалась. Надвинула старые галоши, вышла на крыльцо. Постояла, прислушиваясь. Тишина. Лишь вдалеке раздавались голоса. Наверное, молодёжь собралась. Щёлкнула выключателем. Тускло загорелась лампочка над входом, едва освещая двор, чёрные тени протянулись по траве. Бабка Липа осторожно спустилась по скрипучим ступеням. Приложив ладошку, всмотрелась во тьму, а потом, придерживаясь за забор, направилась к баньке.

Где-то загавкала собака. Следом ещё одна отозвалась. Гулко рявкнул соседский кобель. Маруська говорила, что этот кобель стоит огромных денег. Дочка из города привезла. Не собака, а настоящий телёнок вымахал. Маруська хвалится, что хорошего сторожа завели. Любого порвёт, кто во двор сунется. Бабка Липа пожала плечиками. Странно, зачем нужен такой громила, если в избе шаром покати. Кто воровать-то полезет, ежли одна кровать, да старый стол и пара чугунков, вот и всё добро. Видать, дочка взяла для себя, сейчас же модно в городских домах держать всякую тварь, вот она взяла, а потом спохватилась, что такого телёнка не прокормишь, поэтому и сплавила в деревню. Пущай мамку охраняет. Бабка Липа захмыкала, а потом заохала и прикрыла рот ладошкой — негоже веселиться, если в доме больной, и прислушалась к глухому, затяжному кашлю. Бабка Липа кинулась навстречу, когда дверь открылась, и на пороге появился сын с наброшенным на плечи полотенцем.

- Искупался, сынок? сказала она и кивнула. Ты грязные вещички-то оставь в предбаннике. Я потом простирну, и заторопилась. А я на стол собрала. Пошли в избу, повечеряем...
- Зайди в дом, медлительно сказал сын, придерживая сползающее трико. Я немного отдышусь и приду.

Бабка Липа поднялась на крыльцо. Остановилась. Опять всмотрелась во тьму. Забрехали собаки по деревне. Мукнула корова в соседнем дворе. Заполошно загорланил петух, спросонья, видимо. Тонко пахнуло пылью и тут же обдало свежестью. Потянул ветерок. Зашумели кусты. На крыше громыхнул край оторванного листа. Бабка взглянула вверх. «Надо соседа позвать, чтобы починил», – мелькнуло в голове. Поёжилась от прохладного порыва ветра, распахнула дверь и заторопилась к плите, чтобы подогреть чайник.

Чуть погодя в избу зашёл Володька и присел возле стола.

- Сынок, бери картошечку, сало, а вот огурчики замалосолила. Вкусные страсть! бабка Липа причмокнула и стала придвигать к нему тарелки и блюдца. Кушай, чать, соскучился по домашней стряпне, с дороги проголодался, пока до дому добирался, а потом помедлила и достала бутылку. Володь, давай-ка по рюмашке опрокинем за возвращение, а? Ух, крепкая зараза! и она передёрнула плечами.
  - Не хочу, тряхнул головой сын. Ничего не хочу. Чаю попью, и хватит.

Володька придвинул стакан. Хотел было взять карамельку, но снова забил кашель. Сплюнув в тряпку, он отодвинул конфеты и сделал небольшой глоточек. Проглотил, кадык ходуном заходил. Опять глоточек. Ещё один и снова долгий, удушающий кашель. Володька наклонился, потом прислонился в углу к стене и опять стал шарить по карманам. Бабка Липа подскочила, нащупала пузырёк, вытряхнула таблетку и, придерживая сына за голову, ткнула под язык лекарство. Чуть погодя кашель ослабел. Володька вытер тряпкой влажный лоб, молчком поднялся, держась за стену, ушёл в горницу и заскрипел продавленным диваном. Бабка Липа растерянно потопталась на кухне, оглядывая нетронутый стол, потом схватила стакан с тёпленьким чаем, зашла следом и поставила стакан на табуретку, а сама пристроилась за столом, посматривая на сына.

– Володь, я чай принесла, – она кивнула. – Попьёшь, если захочешь.

Сын лежал на диване, укутавшись в ватное одеяло.

- Ладно, сказал он и покосился на табуретку. Пусть стоит.
- Ничего, оклемаешься, сынок, сказала бабка Липа. Дома стены лечат. Отлежишься, отоспишься, а я к Варьке-знахарке заскочу, травку всякую возьму, и к Аньке Додонихе загляну, мясца попрошу. Вчера свинку закололи. Она не отказывает, ежли прошу. Котлеток наделаю, как в городе, пельмешки с мясом и картохой, как в детстве любил. Глядишь, полегчает, сынок...

Сын лежал. Изредка глядел на мать и молчал. Подолгу заходился кашлем. Вытаскивал из-под подушки тряпку, утирался и снова затихал. Потом снова смотрел на мать, казалось, что-то хочет сказать, вон и губы шевельнулись, ещё чуточку и,... но Володька закрывал глаза или опять начинался кашель, и тогда бабка Липа присаживалась, поднимала ему голову и поила чаем, а если он принимался искать возле себя, хватала пузырёк и поила лекарством. Он успокаивался, вроде бы, дремал, а бабка Липа тихонечко, вполголоса рассказывала, как она жила эти годы, как каждый день, каждую минутку ждала его, как посматривала на дорогу и поджидала почтальоншу, чтобы узнать про письмецо...

- Мать, неожиданно сказал Володька. Ты прости меня.
- За что, сынок? она вздрогнула от его голоса. Фу, напугал, чертяка...
- За всё, помедлив, сказал он. Устал я, мать. Видать, пришла пора покаяться за всё, что в жизни натворил, а не умею. Просто прости...
- Понимаешь, Володь, всякое в жизни случается: и хорошее, и плохое, задумавшись, сказала бабка Липа. Нет такого человека, который жил бы только хорошо. У каждого есть грехи. У кого-то больше накопилось, у других поменьше. Одни скрывают грехи, а у других на виду они, вот и получается, что одни как бы правы, а другие виноваты, но всем придётся отвечать за свои поступки, когда там спросят, и она ткнула скрюченным пальцем вверх. Никто не уйдёт безнаказанным. Это наша жизнь, сынок... А простить... Я давно всем и всё простила, и на тебя не обижаюсь. Ты же моя кровинушка. Я родила тебя, и до последнего своего часа буду отвечать за тебя. И перед Богом отвечу, а он обязательно спросит...

И бабка Липа замолчала, ссутулившись. Она сидела возле стола и о чём-то думала...

Сын тоже молчал. Лежал, укутавшись в одеяло. Изредка приоткрывал глаза. Осматривал всё вокруг, задерживал взгляд на матери, сразу глубокие морщины появлялись возле переносицы, а потом разглаживались и опять закрывал глаза и молчал...

На следующий день, ближе к вечеру, когда прошло стадо по дороге, калитка распахнулась, и на крыльцо взбежал участковый. Громко стукнув в дверь, наклонился, чтобы не удариться лбом, прошёл в избу и остановился возле порога, взглянув на бабку Липу, а потом удивлённо посмотрел на Вовку и не удержался, мотнул головой и сбил фуражку на затылок.

- Здравствуй, баб Лип, сказал он, а сам продолжал глядеть на Вовку. Что зашёл-то... Володька вернулся, а почему ко мне не зашёл? Хотя, как посмотрю... он махнул рукой.
- А, Славка, здравствуй, бабка Липа вытерла руки полотенчиком и громыхнула кастрюлей на плите. Сынок не успел вернуться, а ты уже примчался. Сам видишь, в кого Вовка превратился.
- У меня служба такая, чтобы за порядком следить, буркнул участковый. Да уж, болезнь никого не красит. Здорово, Вовка!

Володька кивнул головой, продолжая кутаться в одеяло.

– Славк, он придёт, но попозже, – бабка Липа потянулась за стаканом, чтобы напоить сына. – Чуточку оклемается и придёт. Вот его документы.

И положила на стол помятые бумажки.

- Ладно, ещё раз взглянув на Вовку, сказал участковый и просмотрел документы. Всё в порядке. Пусть отлёживается. Время будет, сам заскочу. Если что-нибудь нужно, говорите. Помогу...
  - Лекарства нужны, неожиданно сказал Володька. А без них подохну.
- Напиши, что тебе нужно, а ты, баб Лип, завтра занеси, сказал участковый. В райцентр съезжу, покажу. Если будут, сразу привезу. Заскочу в больницу, врача вызову. Пусть посмотрит тебя и рецепты выпишет, а я уж получу лекарства и занесу, чтобы вам не мотаться в такую даль. Ну ладно, я пошёл. Мне ещё в Семендяевку нужно съездить. Опять Женька Силин свою бабу отлупил. Вроде, мужик нормальный, а выпьет дурак дураком... Ладно, пойду. Выздоравливай, Вовка, и он вышел, аккуратно прикрыв дверь.
- Хороший мужик, отзывчивый, сказала бабка Липа и испуганно взглянула на сына, но тот сидел, словно не слышал. Никогда не отказывает, всегда помогает людям, хоть и милиционер, осмелев, сказала она и поставила чашку на стол. Сейчас покормлю тебя, сынок...

Володька с тех пор, как вернулся домой, никуда не ходил, ни с кем не общался, а всё своё время просиживал на крылечке. Выйдет утром, укутается в одеялку и сидит. Смотрел по сторонам, кивком здоровался с соседями, редко разговаривал – уставал быстро. Солнце пригреет, он закроет глаза, привалится к перилам и дремлет. Видать, в лагерях намёрзся. А в избу вернётся, встанет перед фотографиями и рассматривает, а раньше такого не бывало, или перед иконой стоит, глядит на неё, у самого губы шевелятся — может, молился, а может, просто с Богом разговаривал — но после этого отойдёт, сядет на диван или стул, а взгляд какой-то другой становился, светлый, что ли...

Бабка Липа дела переделает, выйдет на крыльцо и, если Володька там сидит, рядышком присядет и молчит. Так, словно невзначай, прикоснётся к сыну или погладит по плечу и думает о чём-то, то нахмурится, то улыбнётся, а потом взглянет на него, словно спросить собирается, но не решается и снова плечики опустит и сгорбится. Сплошная чёрная полоса. Ну почему же так не повезло в жизни? Бабка Липа сидела, покачивая головой. Родители померли, вышла замуж, сынок утонул, следом мужа придавило, даже не знает, где его могилка. А потом от беглого понесла. Даже имени его не знает. Убили... Не задумываясь, вилами закололи, а он всё же человек, а не лютый зверь. А потом, когда ребёночек под сердцем зашевелился, она испугалась, но в то же время обрадовалась: неужели на старости лет Бог смилостивился над ней и дал ей ребятёночка? Родила... Ночами не спала, недоедала, недосыпала. Радовалась, когда Володенька сделал первые шаги, заплакала, когда «мама» сказал. Вот он – лучик света в жизни. Но полыхнул огнём – лучик-то, сбился с пути и покатился по наклонной, и всё быстрее и быстрее... Первый раз, когда его забрали, она бегала по начальству, пыталась доказать, что Вовка не виноват, что сынок не грабил магазин – это его дружки, но Липку не стали слушать. Не захотели разбираться, не подумали, что пареньку жизнь сломают, а взяли и посадили. Видать, привыкли сажать. Видать, души зачерствели... И Володенька озлобился на людей. Она не винила его, потому что понимала, что ему пришлось сидеть за чужие грехи. И Вовка покатился, не думая, что зло, какое он приносил людям, многократно к нему вернётся. И вернулось... Лежит сынок и помирает. Бабка Липка погладила его по плечу и вздохнула: тяжко и больно. И опять: думы, думы, бесконечные думы... Вон Вовка говорил, будто в стране столько лагерей понастроили, что со счета собьёшься, и столько в них сидит народу, что можно целый город заселить. И погибают, и помирают в лагерях так много, что вообще не пересчитать, а сколько ещё могилок безымянных разбросано по всей стране – никто не знает, как Володенька рассказывал, и если бы взять и поставить огромные кресты над каждой могилкой, вся страна крестами покроется. Это очень страшно...

Чуть больше месяца прошло, как Володька вернулся. Всё на крыльце сидел, на солнце грелся, а однажды утром хотел было подняться, но едва смог головой шевельнуть. Ушла силушка. Лежал, едва слышно дышал, в груди булькало, клокотало. Закашляется и начинает задыхаться. Бабка Липа бросится к соседнему забору, палкой постучит – сигнал подавала, звала соседку, Леночку Самойлову, она прибегала, делала укол, и бабка опять оставалась с сыном. Сидела рядышком, что-нибудь рассказывала, а сама всё смотрела на него, словно старалась каждую чёрточку, каждую морщинку запомнить. И Володька, в минуты, когда ему бывало полегче, тоже смотрел на мать, а у самого взгляд чистый, и вовсе не злой, как бывало раньше, и морщинки стали исчезать. Вон сколько на лице было, а сейчас исчезли. Бабка Липа и Володька смотрели друг на друга и молчали. Что можно сказать в такой момент они не знали. Бабка Липа на кухоньку зайдёт или на двор выйдёт, в уголочек забьётся и еле слышно плачет, что ничем не может сыну помочь, а потом вытрет слёзы и возвращается, опять присаживается возле Володьки и взгляда от него не отводит. В последние дни Володька ничего не кушал, даже водичку не просил. Бабка Липа пробовала с ложки поить, но вода вытекала, тогда брала ватку, мочила ему губы и всё на этом. А ночью Вовка, видать, бредил. Разговаривал, кого-то отцом называл, а под утро стал мать звать. Бабка Липа рядышком присела, за руку взяла. Окликала его, тормошила, а он не слышал, её продолжал звать...

Светало, Володька вскинулся. Открыл глаза, посмотрел на мать и показал, что хочет покурить. Как вернулся домой, ни разу не курил, а тут попросил. Видать, вспомнил, как раньше дымил. Бабка Липа вытащила давно припасённую пачку, прикурила сигарету, протянула ему. Володька глубоко затянулся и выдохнул. Потом ещё раз затянулся и внезапно вздрогнул, хотел выдохнуть, а не получилось. Опять вдох. Потом ещё один, но уже короткий, словно внутри оборвался, а следующий ещё короче получился, и ещё... Сигарета медленно выпала из руки – искорки рассыпались по полу. Бабка Липка торопливо затоптала окурок, чтобы огонь не полыхнул. Володька долгим взглядом смотрел на мать, словно пытался что-то сказать, вдруг дёрнулся, потянулся, забулькало внутри, заклокотало, опять хотел вздохнуть и не получилось. Рука вздрогнула, схватившись за бабку Липу. Володька сильно потянулся и стал тихо выдыхать, медленно закрывая глаза. Вот и всё, уходит сын...

- Володенька, сыночек, да что же это такое, вскрикнула баба Липа, склонилась над ним, долго старалась услышать дыхание, а потом провела ладошкой по седым волосам и закрытым глазам. Как же так, даже не поговорили по душам, как вернулся... Всё молчком и молчком. И помер, ни слова не сказал, только за руку схватился. Вот и получилось, сынок, что свои первые и последние шаги ты сделал, держась за мою руку, и ушёл, а меня оставил одну на этом свете, сказала бабка Липа, погладила и отпустила руку сына и, раскачиваясь, тихонечко, едва слышно заплакала. Господи, ну почему же так, за какие грехи наказываешь меня? Эх, ты, жизнь беспросветная...
- Баба Липа, с улицы донёсся голос, потом быстрые шаги, распахнулась дверь, и в избу ввалился участковый, протягивая свёрток. Вовка, привет! Я лекарства для тебя достал. Еле уговорил, чтобы дали. Лечись на здоровье! Хозяева, что молчите?

Прошёл в горницу, мотнул башкой и нахмурился. Стащил фуражку с головы, постоял, неуклюже положил свёрток на стол, потоптался, хотел что-то сказать, но промолчал, закряхтел и медленно вышел.

Володьку похоронили ярким и тёплым летним днём. Он любил в такую погоду сидеть на крыльце и греться. Сидеть, смотреть на деревенскую улицу, слушать, как поют птицы на дереве, что росло рядом с домом, да здороваться с соседями, которые изредка проходили мимо двора. Его похоронили рядом с родителями бабки Липы и её первым сыном, Юркой. Холмик земли, небольшой крест и табличка на нём, а рядом положены простенькие цветы. Все здесь нашли приют, все собрались вместе...

Бабка Липа, как положено, отвела все поминки. Потом несколько дней не выходила, всё на крыльце сидела, о чём-то думала, а вслед за тем соседи заметили, что она до вечера просидела на скамеечке на кладбище, разговаривая с родителями и сыновьями, а на следующий день в предрассветных сумерках деревня проснулась от яркого зарева. Старый дом бабки Липы, стоявший на отшибе, словно спичка, полыхал. Пока мужики с лопатами и баграми добежали, уже крыша занялась, а вскоре обвалилась. Кинулись к нему, пытались потушить, но бесполезно. Одни головешки остались. И бабка Липа пропала. Сгорела, как многие думали, а другие говорили, что она не выдержала эту жизнь беспросветную, собрала узелок с вещичками и уехала, а куда — да Бог знает...

С той поры никто не видел бабку Липу и не слышал про неё, но каждый год на могилках родителей и её сыновей появляются простенькие полевые цветочки. Может, какая-нибудь сердобольная старушка мимо проходит и положит, а может, и...

Черёмуховые рассветы

Майскими погожими днями, когда уже вовсю припекало солнце, и черёмуха укрывалась звёздными узорами цветов, Роман собирал рюкзак и в выходной день уезжал на свою полянку, на которую наткнулся, когда бродил со спиннингом по берегу реки в поисках щуки. Наткнулся на это место, посидел на крупном валуне, посматривая на излучину реки, на густые заросли черёмухи, что обступили полянку с трёх сторон, на старицу, впадающую в реку, и слушая далёкий перекат и соловьиные трели со всех сторон. Послушал и остался с ночёвкой.

И каждый год, когда распускалась черёмуха, он собирал рюкзак и торопился на берег реки, чтобы встретить черёмуховый рассвет. А зимой, долгими вечерами, вспоминал, как в предрассветных сумерках заливались соловьи, стараясь перепеть друг друга. И розовело небо, мелькал первый луч солнца и пробегал по водной глади, а он сидел на берегу и наблюдал за черёмуховым буйством, за метелью из лепестков, что кружились над поляной и над ним, а вокруг был такой запах цветов, что, казалось, протяни руку и прикоснёшься к нему — этому черёмуховому рассвету...

На остановке толпился народ. У всех корзины и сумки, а у некоторых лопаты и грабли. Видать, на зиму забирают, а по весне снова привозят. Дачный сезон открыли, едва сошёл снег, и все заторопились вырваться из этого каменного муравейника, который осточертел за долгую зиму. Все отправлялись на дачи, чтобы повозиться в земле, сделать грядки и высадить всякую зелень. Да ещё нужно с кустами повозиться, подрезать сухие ветки, побелить яблоньки и груши, а придёт время — посадить помидоры с огурцами. И так каждый день, каждую неделю, месяц за месяцем, пока не завершится дачный сезон...

Автобус бряцал дверками на остановках, некоторые дачники выходили, другие заходили, и у каждого была поклажа.

В окно ворвался ветерок, и сразу сладковато запахло придорожной пылью. Роман стоял на задней площадке. Вполуха слушал автобусные нескончаемые разговоры ни о чём, смотрел на дорогу, на многочисленные дачи, мимо которых проезжали, на дачников, которые уже копошились на своих участках и провожал взглядом, если попадалась цветущая черёмуха. Вся белая и нарядная, а запах от неё...

Поворот, а за ним мелькнула остановка, и чуть погодя автобус заскрипел рессорами и остановился. Пассажиры заторопились. Подхватывали поклажу, спускались по ступеням и, шумно переговариваясь, словно ручейки-живчики растеклись по многочисленным улочкам и переулкам, на ходу осматривая покосившиеся заборы, замечали сухие ветви на кустах и деревьях, а там мусор откуда-то занесло, и тут калитка просела, и думали, с чего начинать свой дачный сезон...

Роман вскинул рюкзак на плечо и неторопливо направился по выщербленной дороге вдоль дачных участков, за заборами которых горели костерки, где сжигали всякий мусор, оставшийся после долгой зимы, собирали опавшие листья и тоже бросали в костёр, подрезали ветки и туда же — в огонь.

Потянул прохладный ветерок, и тут же пахнуло горьковатым дымком. Донеслись голоса дачников, которые работали и успевали разговаривать с соседями, сами рассказывали и слушали всякие новости. А новостей-то накопилось много, зима долгая. Вот и делились... А бывало, что заходили в гости друг к другу и пили чай из закопчённого чайника. Пили тут же, на крылечке или на скамейке, разложив старую

газету, а на ней – горстка конфет, печеньки и нарезанная колбаса с хлебом. А потом опять брались за нескончаемую работу...

Изредка останавливаясь, Роман смотрел на царство золотистых одуванчиков, что разрослись по обочинам дороги, а там клевер мелькнул, а уж крапива-то разрослась: высокая, жгучая, а щи из неё сварить — у, какие вкусные! Трясогузка быстро засеменила по дороге, отвлекая от своего гнезда. Давно уж позади остались дачи. Мимо него проехал рыбак на велосипеде: в сапогах, в фуфайке, видать, с ночевьём останется, пук удилищ привязан, а на багажнике большой и тяжёлый рюкзак.

Роман свернул с дороги. По едва заметной тропке добрался до густого кустарника.

Остановился и прислушался. Отовсюду доносилось неумолкаемое пение пичуг, которые радовались весне и тёплому, яркому солнцу. Неугомонные воробьишки с громким чириканьем возились в пыли и с шумом разлетались в стороны, а потом снова сбивались в кучки, и ну, давай, кто кого перечирикает. А если внимательно прислушаться, то сквозь птичьи хоры доносилось звонкое журчание воды — это большой перекат разговорился, тоже весне радуется и бормочет, и бормочет неумолчно...

Раздвигая ветви, Роман добрался до небольшой полянки с молодой порослью травы. Запахло водой и речными травами. Полянку с трёх сторон окружали кусты, а за ними буйно разрослись заросли цветущей черёмухи — это было его место, куда он стремился попасть, когда цвела черёмуха...

Роман сбросил рюкзак на землю и осмотрелся.

Небольшая полянка, уютная. Вон весенним половодьем принесло копёшку сена, и она, застряв в кустах, поразвесила на ветвях длинные косы прошлогодней духмяной травы. А здесь – кострище, и рядом заметны следы от шалашика, который унесло быстрым течением. Это не беда. Недолго новый смастерить.

Роман не любил палатки. Ему больше нравилось поставить шалаш, набросать внутрь охапки травы, а потом лежать и слушать ночами, как бормочет перекат на реке, слушать, как спросонья всполошено ворохнётся птица в кустах, а вокруг такой запах черёмухи, что... Роман вздохнул, вспоминая. Хорошо-то как! А потом нахмурился, взглянув на родник, где было полно мусора. Из-под него едва заметно пробивалась струйка воды и, прячась между камнями, исчезала среди галечника. Роман кивнул головой. Ничего, бедняга, потерпи, расчищу, и снова зажурчишь-зазвенишь.

Роман убрал мусор из родника, потом углубил его. Вода помутнела. Прокопал канавку до речки. Камнями выложил порожки — ступени. И остановился, поглядывая, как постепенно набиралась вода в роднике и, достигнув края, зажурчала-запела, сбегая по подготовленному руслу. Роман закивал головой — хорошо. Часика два-три пройдёт, муть исчезнет, и под солнечными лучами заискрится вода, заиграет, и закружатся песчинки, поднимаясь со дна, и запоёт, зазвенит родник, радуясь, что вернулась сила, и будет журчать-бормотать, все новости рассказывать...

Задумавшись, Роман смотрел на полноводную реку.

Пройдёт немного времени, и вода начнёт спадать, войдёт в привычное русло, вдоль берега поднимется камыш, длинные косы распустит по течению роголистник и зашлёпает хищник, гоняясь за мелочёвкой-сеголетками. Казалось бы, привычная картина, но в то же время каждый год что-то в ней прибавляется, что-то исчезает, но образ самой реки, образы этих картин всегда сохранятся в сердце, и Роман зимними вечерами начинает вспоминать свою реку, своё место и цветущие черёмуховые заросли...

Роман взглянул на горы, кое-где покрытые жёлтыми проплешинами, на стайки деревьев, которые словно взбегали к вершине, на призрачный лес, освещённый яркими солнечными лучами. Вдали виднелось устье старицы, где до сих пор ещё сохранилась небольшая запруда. Когда-то, очень давно, там находилась мельница, а вдоль старицы и на берегу реки была деревня. Снесли её, лишь сохранились остатки осиновой рощи и густой черёмушник, куда приезжал Роман каждую весну и всё...

Роман стоял и вспоминал, как в детстве вместе с братьями и друзьями пешком добирались сюда. Не забыл старицу, с обрыва которой наблюдали за голавчиками, что разгуливали по поверхности. Сколько лет прошло с той поры, а Роман помнил и деревню, и запруду с осинником и черёмушником, и друзей, с кем сюда бегали. Да всё, что здесь видел, он не забудет...

Вздохнув, Роман огляделся и принялся за шалаш. Неторопливо делал, добротно, чтобы на весь сезон хватило.

Широкий получился шалаш, просторный, с охапками духмяного сена. Нависшие ветви прикрывали его сверху, кустарник загораживал от сильного ветра. Перед входом горел костёр, постреливая искорками, а рядом лежало бревно, на которое уселся Роман, достал несколько картофелин и закопал в угли. Потом вскипятил воду в котелке, бросил в него листья смородины, щепотку заварки и поставил рядом с огнём, чтобы чай настоялся, а сам уселся на берегу и посматривал на бормочущий перекат, что сверкал под вечерними лучами солнца. Глядел на остров, что был неподалёку, сплошь заросший кустами и деревьями, который отбрасывал чёрную тень на стремительную воду. Слушал пение птиц, что никак не могли угомониться в густом черёмушнике, и опять невольно переводил взгляд на устье старицы – туда, где стояла когда-то деревушка. Стояла, а сейчас... Сейчас ничего не осталось, кроме воспоминаний...

Поднявшись, Роман подошёл к костру, присел на бревно и веткой выкатил из горячих углей картошку. Обжигаясь, схватил одну и начал дуть, чтобы немного остудить. Не выдержал, заойкал, соскрёб пригоревшие места, разломил, вдохнув духмяный запах, посыпал крупной солью, немного откусил и зажмурился от удовольствия. У, как вкусно!

Дотянувшись до луковицы, Роман сильно сдавил её в ладонях, чтобы была сочнее, разрезал на четыре части, содрал кожуру, круто посолил и, откусив кусочек картошки, бросил четвертинку лука в рот и захрустел, – а так ещё вкуснее!

При свете костра он смотрел на сгущавшиеся вечерние сумерки, уплетал вместе с кожурой печёную картошку, похрустывал луком, мелкой молоденькой редиской и запивал душистым чаем со смородиновым листом.

Потом подбросил хворост в костёр, наблюдая, как взметнулись искры, выстреливая в тёмное небо яркими точками, как весело заиграли языки пламени, освещая чёрную гладь воды.

Набросив на плечи старую полинявшую штормовку, Роман долго сидел возле костра, посматривая на огонь, прислушиваясь к ночной тишине, откуда изредка доносились звуки переката, шорохи потревоженной птицы, глядел на огромное чёрное небо, где ярко светили, перемигиваясь, далёкие звёзды, и чувствовал себя маленькой пылинкой, частичкой большого и необъятного мира...

А едва забрезжил рассвет, Роман тихонечко выбрался из шалаша, зябко передёрнув плечами, подошёл к костру, где едва теплились огоньки пламени. Он оглянулся.

Странное и беспокойное чувство охватило Романа, но в то же время был какойто восторг в душе, когда оказался внутри предутренних сумерек. Редко виднелись далёкие звёзды, едва заметный порыв ветра — и холодок проскользнул по телу, он поёжился, вдохнул и задержал в себе ароматы воды, влажной травы и утреннего тумана. Посидел, осматриваясь, а потом принялся подбрасывать в костёр сухие ветви. Затрещали они, охватывая тёплым воздухом, постреливая искорками, и вскоре загудело пламя, разгораясь всё сильнее и сильнее.

Роман сидел на камне, а перед ним медленно таяли остатки клочкастого тумана, он смотрел на открывающуюся водную гладь, на остров, где в предутренних сумерках горбатились неведомые животные, а неподалеку раздался всплеск — это хищник вышел на охоту. Понемногу стали проявляться кусты и деревья, отбрасывая на воду тёмные тени. Казалось, веселее забормотал, закартавил перекат, радуясь новому дню. При свете костра поблёскивала вода в роднике и журчала по сделанным порожкам, словно колокольца звенели в предрассветных сумерках. Заворочались спросонья птицы, зашуршали ветвями. Роман разогрел чай, раздвинул угли и бросил в ямку две-три картошки — завтрак. Посмотрел на небо, где пролегли светлые полосы. Вот-вот, ещё немного, и из-за гор мелькнёт первый луч солнца. Взглянул в сторону старицы, а потом повернулся и посмотрел на горы, на устье старицы и многочисленные заросли черёмушника, что были разбросаны вдоль реки, где стояла раньше деревня.

Небо всё ярче окрашивалось в голубовато-розовый цвет, освещая редкие облака. Где-то в кустах одиноко щёлкнул соловей, словно не решаясь нарушить утреннюю тишину, но вслед за ним уже смелее защёлкал второй, третий, пятый и... И вскоре разнеслись соловьиные трели, перекрывая картавое бормотание переката и радуясь новому дню, ещё мгновение, и мелькнул первый луч солнца, пробежал по сонной воде, оставляя сверкающую дорожку, задел, зацепился за кипень черёмухи, окрашивая её в бело-золотистый цвет, и вспыхнула она, разгораясь всё ярче и наряднее. Всколыхнул утренний ветерок чудо весеннее, и Роман почувствовал резкий и густой аромат, словно облако опустилось на полянку, окутывая округу горьковатым привкусом цветущей черёмухи. Он сидел, а над поляной и над речной отмелью закружился белый буран из черёмуховых лепестков, сорванных утренним ветерком, и они медленно опускались на землю, покрывая её тонким белым покрывалом.

Он смотрел по сторонам. На душе были покой и непонятный восторг, а ненужная суета забывалась и исчезала. Роман сидел на берегу и в то же время над рекой, а вокруг него были цветущие заросли черёмухового рассвета...

Утро нового дня.

75

ТОФИК АГАЕВ

ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ СМЫСЛ ЗВЕЗДЫ

Памяти Земфиры

Миниатюры

Ι

С миру по-перышку, человеку крылья, и, как всегда, не хватило перышка – взлететь

2

Зачем в журавлей стрелять, мертвое упало к ногам небо

3

Одиночество разделил на тысячу одиночеств, кто теперь скажет: одиночество одиноко

4

Сердце, нарисованное от всего сердца, билось в такт сердцу художника

5

У человека тысячи лиц и только тысяча первое – свое

6

Выше голову, еще выше, мыслить небом 7

Дайте слову с ошибками последнее слово

R

И все-таки тепло женских сердец расширяет Вселенную

9

Мысли, намагниченные чувством, притягивали стихи

10

У неба есть хобби – звезды собирать по ночам

11

Спросил у сердца: ты сердечно, у себя спроси, – отвечало сердце

12

О, третье ухо, услыхать флейту ангела

13

Время на часах, пронзенное стрелками, и не думало умирать

14

Человек не верил своим глазам, пока глаза не поверили глазам

15

Свободу! – кричали слова, прикованные к бумаге

16

Из двух знаем одно – куда текут реки, из двух не знаем одно – куда текут слезы 17

Каждый протягивал тонущему свое весло

18

У зеркала нет своего лица, подставляю свое

19

У каждого человека, который еще не родился, есть своя звезда, которая еще не родилась для человека, который еще не родился

20

Посмотрели троянскому коню в зубы, зубов нет, вооружен до зубов

21

Нет, мертвые не врут, язык не повернется, как у живых

22

Летает бескрылый ветер, ему не понять, зачем птицам крылья

23

На остром кончике луча – ослепительный смысл звезды

ГЮЛЬТЕКИН СУЛТАНОВА

МЕДИЦИНСКИЕ ЗАМЕТКИ ЛИТЕРАТОРА

Послесловие к книге «Знаешь ли ты себя, человек?»

Как-то, беседуя с академиком Беюкагой Агаевым после того, как он ознакомился с данными моих анализов (перенесла острый холецистит) и выписал мне соответствующие лекарства, я сказала, какие же врачи счастливые. Всё-то они знают о нашем внутреннем мире, наших органах, их работе и функциях. В ответ он рассмеялся и с горечью сказал: «Ах, если бы это было так».

Тогда меня осенила мысль. Она мне показалась интересной. А что, если в научнопопулярной форме совершить путешествие в эту скрытую от глаз святую святых, в этот невидимый, таинственный внутренний мир. Написать книгу для простых смертных, таких же, как я, в которой совершить экскурс в прошлое и настоящее этой гуманнейшей науки медицины. Причём изложение должно осуществляться не в сугубо научной, а в не утомляющей читателя развлекательной форме. Главное – пробудить в его душе интерес к скрытым от наших глаз многочисленным самоотверженным органам, совершающим свою кропотливую работу по сохранению удивительного явления – нашей жизни. Учитывая всю сложность разрабатываемой мною темы, я старалась придерживаться метода просто о сложном. Факты, изложенные в книге, преследуют задачу дать основные понятия о мудром человеческом организме, строении и функциях его органов. Приступая к этому труду, я вскоре поняла, какую сложную задачу поставила перед собой, но отступать не хотелось. Опираясь на труды видных учёных и соответствующие материалы интернета, я старалась не слишком углубляться в научные описания. Для более яркого, наглядного освещения темы, доступности излагаемого материала использовала соответствующий поэтический материал, юмор, мудрые афоризмы, пословицы и прочее. Не могла пройти и мимо поучительных жизненных фактов, полезных советов и пр.

В центре внимания, естественно, сам человек как хозяин своей судьбы, как совершенное создание природы; становление его, как духовной личности, начиная с детства и кончая старостью. И, естественно, наше с вами самочувствие.

Внутренний мир человека — это волшебная, сложная композиция. На первый взгляд она представляется очень простой, и тем более надо сохранять бдительность, бережно относиться к своему здоровью, которое целиком зависит от состояния нашего организма в целом; беречь этот недоступный невооружённому глазу наш совершеннейший сокровенный мир. Однако громадное большинство людей, будучи в неведенье счастливом, наслаждаясь до поры до времени всеми дозволенными и недозволенными продуктами питания, наносит себе огромный вред, следуя поговорке: «Не вижу и спокоен».

Перед нами предстают как бы два параллельных мира, действующих каждый сам по себе: внешний, управляемый духовно, в котором царит человек со своими не всегда полезными и разумными стремлениями, и внутренний, материальный мир, направляемый разумным организмом, в котором каждый орган добросовестно и самоотверженно выполняет свою функцию. Вкупе они помогают человеку жить и творить. Однако нелегко приходится нашему внутреннему миру, если он во власти невежества. К сожалению, не каждый смертный понимает это. Так хочется, чтобы беспечный, недальновидный человек прозрел и бережно отнёсся к своему внутреннему «Я», к этому священному носителю жизни. Очень терпеливы наши органы, и только тогда, когда уже терпеть не в силах, эти

самоотверженные труженики напоминают о себе всё более и более нарастающей болью.

Важную роль для организма играет боль! Это опасно, когда человек вообще не ощущает боли. Ведь она ни что иное, как болевой импульс, служащий спасению организма. Своего рода сигнал SOS! Некто сказал: «Страшно представить, что в организме разыгрывается жуткая драма, смертельная опасность угрожает какому-то жизненно важному органу, а тот, будто набрав в рот воды, не подаёт сигнала о помощи. В этом случае неизбежен трагический финал». Недаром говорят, что боль — это сторожевой пёс организма.

В мире есть и такие люди, что совершенно не ощущают боли. Это – результат заболевания, имеющего генетический характер. Особенно часто им страдают дети.

Боль предупреждает нас — в организме что-то не так. «Безболезненная жизнь» таит в себе много опасностей. (В. Мезенцев).

Здоровый организм – жизнь без болезней. Это – залог нашего долголетия.

Несомненно, человеческий организм — уникальное создание природы. Как же нужно трепетно относиться к нему, чтобы не навредить этому, подаренному нам создателем, нерукотворному сокровищу.

Известный врач, учёный М. Норбеков отмечал: «Человеческий организм – это совершеннейшая структура, наделённая уникальной способностью саморегуляции и самовоспитания. Организм сам пытается бороться за выживаемость, но мы нередко мешаем ему и всё ждём помощи со стороны».

Как известно, в организме человека около ста более или менее важных органов и каждый выполняет определённую работу. В нашем теле нет ни одного лишнего, несущественного органа, который не выполнял бы строго предназначенной ему определённой функции. Все органы, по принципу взаимодействия и взаимопомощи, участвуют в разумной жизнедеятельности человека. От состояния каждого органа в той или иной степени зависит состояние всего организма.

Особенно поражает своей продуманностью такая важнейшая структура, как головной мозг.

Все реакции нашей сознательной жизни идут через головной мозг. Этот умный главнокомандующий принимает решения по всем вопросам, отдаёт приказы и контролирует их выполнение. Огромная армия энергичных нервных клеток в головном мозге своевременно выполняет свои обязанности, воспринимает и обрабатывает всю многостороннюю информацию, поступающую из внешнего мира, от всех наших органов чувств.

Все клетки мозга расположены в очень чётком порядке. Когда человек очень сильно ударяется головой и получает сотрясение, то у него чаще всего ухудшаются зрение и слух. Это связано с тем, что при травме какая-то часть нервных клеток повреждается, нарушается органическая связь между ними.

Считается, что мозг — наиболее сложный и наименее изученный человеческий орган, хотя и изучают его много столетий. В этом поразительном органе около 100 миллиардов нервных клеток. Причём у каждой из них свои функции. Как признают современные исследователи — медики, биологи, физики, химики, психологи, философы и многие другие — до конца ещё никто не объяснил, как же работает мозг, как он один делает столько дел.

В настоящее время учёные всего мира, открывая его неисчерпаемые возможности, изумляются его неутомимой деятельности. Головной мозг работает как днём, так и ночью, продолжая удивлять исследователей ещё нераскрытыми чудесами, своей обширной трудоёмкой деятельностью.

А как тщательна продумана защита нежной структуры головного и спинного мозга. Для того, чтобы они не пострадали от губительного внешнего воздействия, эти уязвимые органы надёжно защищены. Головной мозг заключён в череп, служащий ему шлемом, а спинной мозг надёжно защищает скелет.

А что можно сказать о лёгких, без которых мы не смогли бы вдохнуть воздух. Замысловатый путь проделывает даже один его глоток, прежде чем попасть в лёгкие. Когда мы дышим, воздух сперва попадает в гортань, затем в дыхательное горло — трахею. Последняя устроена очень хитро: когда мы что-нибудь глотаем, трахея закрывается своеобразной маленькой «заслонкой», чтобы крошки пищи случайно не попали в лёгкие. Сами же лёгкие состоят из бесчисленного множества крохотных пузырьков-альвеол. Когда же мы вдыхаем воздух, лёгкие расширяются и альвеолы наполняются свежим воздухом. Струящаяся по их сосудам кровь жадно вбирает в себя кислород.

О сердце особый разговор. Хочу привести слова Е. Чазова об этом прекрасном органе. «Сердце — поистине удивительный орган, сформированный эволюцией с изяществом, которым восхищаешься тем больше, чем больше о нём узнаёшь».

«Сердце, тебе не хочется покоя», — часто напеваем мы. И действительно, оно без устали работает и день, и ночь, преданно и бескорыстно служит человеку. Как же тщательно надо беречь этот самоотверженный орган. Этот бесстрашный, маленький защитник бьётся до последнего за здоровье человека. Недаром его сравнивают с перпетуум-мобиле (вечным двигателем), которому всё же далеко до нашего маленького, но тем не менее могущественного органа, чутко отзывающегося на мельчайшие перемены в нашем настроении и состоянии. Человеку, переживающему какие-либо неприятности, окружающие советуют не принимать их «близко к сердцу», поберечь его.

Природа охраняет и это своё сокровище. Грудная клетка, как надёжный нагрудник, укрывает наше маленькое, всего лишь с кулак, сердце.

Как рачительная хозяйка зарекомендовала себя печень, запасаясь впрок некоторыми вещами и припрятывая их, так сказать, «на чёрный день». А человек, даже не догадываясь о её нежной фактуре, нередко наносит ей смертельные удары, злоупотребляя алкоголем и острыми специями. Не слушая доводов рассудка, он нещадно вредит ей и жирной пищей. Остроумно замечено, что в процессе постоянной борьбы мозга с желудком всегда проигрывает печень.

Есть что сказать и о благородных почках. Известно, что когда человек теряет кровь, первыми на помощь ему приходят именно они. Жертвуя собой, почки отдают кровь жизненно важным органам. Терпеливые почки не сразу сообщают об испытываемой ими боли. А когда, наконец, «сообщают», нередко бывает поздно.

Автор книги «Главное чудо света» Г.Юдин отмечает, что с трудолюбивыми почками не могут сравниться сложные и громоздкие очистительные предприятия.

Вход во внутреннюю крепость человека охраняет ротовая полость. Она первая вместе со своим небольшим, и в то же время энергичным персоналом, со всем знанием дела встречает пищу, на которой разместилось огромное количество незваных пришельцев — микробов. Первой против них выступает слюна. И вступает с ними в бой. Установлено, что в одном кубометре слюны обнаружено 25 млн. микробов. Она не только смачивает поступающую в рот пищу, чтобы облегчить пищеварение, но и посильно уничтожает паразитов, которыми просто кишат плохо вымытые овощи. Есть они в большом количестве и на немытых руках. Это грязнулям предназначены слова: «Не хочешь мыть руки, придётся промывать кишки». Недаром медики утверждают, что все болезни вползают через рот.

Важная обязанность возложена и на зубы, которые играют решающую роль в раздроблении пищи. Их функция — тщательно измельчить пищу. Как бы ни был голоден человек, он должен тщательно разжевать пищу, чтобы не навредить пищеводу и желудку. Но, движимый голодом, человек спешит, и зубы не успевают разжевать большие куски пищи, и они в таком состоянии отправляются в желудок. Если проглочены большие куски пищи, внутри них микробы остаются живыми и невредимыми. Уже ничто не мешает им продолжить свой победный путь из желудка в кишечник. Больше им ничего не угрожает. Верно утверждают, что в желудке нет зубов. А что было бы, если бы и во рту не было

зубов? Страшно представить! На заре человечества, когда приходилось есть много растительной пищи и люди не справлялись с её изобилием, заботливая природа пришла им на помощь. У первобытных во рту появился третий ряд зубов. А ныне, когда человеку предоставлена разнообразная пища и всего-то надо как следует прожевать её, человек отказывается по глупости следовать этому, трудолюбивый желудок сталкивается с плохо прожёванной пищей, тратя много сил на её обработку и, естественно, не всегда успевает. Далее эта плохо разжёванная пища оказывается в кишечнике. Об этом органе с восхищением отзывается немецкий учёный Джулия Эндерс, посвятив ему целую монографию. Очень знаменательно само её название. «Очаровательный кишечник. Как самый могущественный орган управляет нами». И, к сожалению, именно здесь, нередко в благодатных для них условиях, размножаются микробы, избежавшие опасность; так сказать, правят бал, вызывая кишечные инфекции и дисбактериоз. Как известно, проблемы пищеварения связаны со многими болезнями, такими, как язва, гастрит и другие. И виной этого во многом – болезнетворные микробы. Кто только не борется с этой огромной армией паразитов, начиная со слюнной железы и миндалин, печени и других. И всё же какая-то их часть ускользает от упомянутых выше защитников человеческого организма. И всё потому, что человек не соблюдает элементарные гигиенические нормы. Точно замечено: «Болезни – наказание человека за безобразное отношение к своему организму».

Достоин восхищения и такой вовсе не поэтичный орган, как скелет, который составляют более 200 костей – больших и маленьких. Наш скелет, такой хрупкий, изящный на вид, весом всего 12-14 кг, соединённый всего-навсего тонкими связками, выдерживает такие нагрузки, что не только не разваливается, а даже не трескается (Г. Юдин).

Много интересного можно сказать и о глазах, органах зрения.

Глаза прозвали своеобразным космосом. Поражают своей необычностью слёзы, которые нередко проливает человек.

Как известно, существует три типа человеческих слёз. 1. Базальные, защищающие глаза от пыли и бактерий, инородных веществ. 2. Рефлекторные, появляющиеся при резке лука, под воздействием слезоточивого газа. 3. Эмоциональные — как следствие тяжёлых переживаний, горя, скорби. Причём, слёзы этого типа более действенные, более полезные для организма. Думается, это можно объяснить тем, что душевная боль более глубокая, и она, вымываясь слезами, приносит заметное облегчение человеку. Радость и счастье — тоже из категории эмоциональных. Удивительно: когда человек радуется, охвачен счастьем, из глаз его также льются слёзы, как ни странно превосходящие по своему целебному воздействию те, что связаны с отрицательными эмоциями. Оказывается, слёзы счастья и слёзы скорби несоизмеримы. Эти типы слёз различаются даже по запаху: наиболее сильный запах у эмоциональных слез. Дело в том, что в наших слезах содержится удивительное вещество лизоцим, обладающее эффективным антибактериальным воздействием. Именно оно задерживает и обезвреживает болезнетворные микробы и вирусы.

Венесуэльский кардиолог Ф. Каррера пришёл к выводу, что мужчины страдают инфарктом миокарда чаще, чем женщины, потому что в минуты душевного расстройства, в отличие от женщин, они остаются сдержанными. С ним солидарен американский врач Д. Бонд. По его мнению, если мужчины последуют примеру женщин и будут выплакивать свои душевные муки, они могут продлить свою жизнь.

С точки зрения восточных медиков ушная раковина по форме напоминает четырёхмесячного ребёнка, лежащего в утробе матери головой вниз. На ней множество активных точек, влияющих на энергетику почти всех органов тела.

В детстве мы прикладывали к уху большую ракушку и, якобы, слышали шум моря, тогда как это был всего лишь шум нашей собственной крови, бегущей по венам.

Уж насколько поражают нас своими несомненными достоинствами глаза и уши, но все их чудеса уступают носу, способному различить около трёх триллионов запахов.

Форма носа, как и других черт нашего лица, оказывается, зависит не только от наследственных факторов, но и от постоянной нагрузки на определённые мышцы лица. Предлагаю вашему вниманию некоторые выводы специалистов. Вздёрнутые и бесформенные, носы характерны для лиц, не обременённых тяжёлым умственным трудом. Интеллигентный труд придаёт мышцам носа утончённость и изящество.

Нельзя не сказать несколько слов и об аппендиксе, который долгое время незаслуженно считали бесполезным органом, способным только воспаляться и приносить массу неприятностей человеку. Хирурги в случае его воспаления безжалостно его удаляли. Но со временем этот орган был реабилитирован. Оказалось, что это вовсе не рудимент (недоразвитый орган), а самостоятельный орган. Хоть он и не относится к особенно жизненно важным, учёным удалось определить его полезные функции, а именно — перезагрузку кишечника. Кроме того, исследователи обнаружили, что аппендикс играет роль надёжного укрытия для полезных бактерий, необходимых для здорового пищеварения.

Исследователи отмечают, что в основе здоровья лежит принцип взаимодействия всех наших клеток и органов. Как отмечает Г. Шелтон, «сейчас уже хорошо известно, что каждый орган более отчётливо действует на благо целого (организма), нежели на собственное благо». Какой наглядный урок человеку, которого называют «Царём природы» и который часто, не ведая, что творит, наносит непоправимый вред своему организму, без благополучия которого он просто не мог бы существовать.

Любознательного человека может заинтересовать вопрос: почему люди зевают. И на этот вопрос у учёных есть ответ. Элементарный зевок, оказывается, тоже необходим. Он обеспечивает выход углекислоты, выделяющейся из утомлённых клеток.

Почему природа наделила тело здорового человека температурой 36-37 градусов? Именно такая температура и требуется для нормального состояния человека.

Меня всегда охватывал страх, когда грудного ребёнка с головой окунали в ванну с водой. Опасалась, что в ушки ребёнка попадёт вода. Но выходит, зря беспокоилась. Заботливая природа позаботилась и об этом. В момент погружения особые клапаны внутри ушей тотчас закрывают вход воде, не давая ей проникнуть в их глубину. Очень удивительное непредсказуемое явление. И в этом отношении организм проявил свою мудрость.

Уместно вспомнить высказывание В. Шекспира: «Наша личность – это сад, а наша воля – его садовник». Так будем же рачительными садовниками!

Человек! Это звучит гордо. Такую фразу произнёс горьковский герой. Но о каждом ли можно это сказать? Думается, лишь о человеке, постигшем мудрость жизни, нашедшем своё достойное место в ней, занимающимся любимым творчеством и, наконец, взрастившим достойное потомство. Счастье немыслимо, если человек, будь то мужчина или женщина не нашли свою достойную половину. У мужа, уважаемого в семье, и в жизни всё ладится. У такого и жена на зависть многим. Некий восточный мудрец сказал: «Хорошая жена трудится на тебя, как слуга, даёт советы, как умный советник; прекрасна, как богиня красоты, спокойна и вынослива, как земля; кормит тебя, как мать, и услаждает тебя, как гетера. Хорошая жена — шесть лиц в одном».

А как много значит умение человека быть уравновешенным, когда необходимо сохранять самообладание и тем самым не давать возможность дурным страстям вырваться наружу. Ведь от этого зависит не только его здоровье, но и покой окружающих. Как важно выработать сильный характер. Верно говорят, у кого характер упорядочен, у тех и жизнь благоустроена. А хорошее здоровье — это богатство на всю жизнь. В каждом из нас заключен величественный мир, судьба которого зависит лишь от нас.

НАИЛЯ НАДИР

РАССКАЗЫ

Барни

Основано на реальных событиях

Битком набитый автобус резко затормозил, и Орхан, не удержавшись, упал на стоящего впереди пассажира. Тот, со злостью оттолкнув парня, прошипел: «Держись на ногах!» Отвечать и спорить с мужчиной Орхан не стал. Пробормотав «извините», он соскочил с подножки автобуса и, опять не удержавшись, упал на мокрый от дождя грязный асфальт. «Да что ж сегодня такое», – промелькнуло у него в голове. Видавшее виды пальто, и так выглядевшее довольно жалко, стало напоминать грязную мокрую тряпку. Поднявшись с колен и отряхнувшись, Орхан взглянул в стекло витрины небольшого маркета и, увидев свое отражение, с отвращением отвернулся. В голове вертелась одна лишь мысль: «Как я ей скажу?»... Он сделал несколько шагов в сторону магазина и нерешительно зашел внутрь. От запаха свежего хлеба слегка закружилась голова. Орхан судорожно сглотнул слюну и подошел к полке с хозяйственными материалами. Взяв упаковку влажных салфеток, он посмотрел на цену и положил их обратно. За кассой стоял коренастый усатый мужчина средних лет и подозрительно смотрел на Орхана.

– Dayı¹, можно у вас руки вымыть, я упал, испачкался...

Мужчина, окинув Орхана презрительным взглядом, процедил:

– А искупаться не хочешь?

Орхан, наскоро пробормотав «извините», а в мыслях ругнувшись матом, вышел из магазина...

- Лала... Лала! Ты дома?
- Тсс, не кричи...ребёнка разбудишь...

Орхан тяжело опустился на стул.

- Где ты так испачкался?
- Упал, когда из автобуса выходил.
- Ты поговорил с директором?
- Да, поговорил. Денег нет. И не будет.

Теперь настал черед Лалы медленно опуститься на стул.

- Господи...Хорошо, что за квартиру уплачено за этот месяц...
- «Квартиру», с тоской подумал Орхан, оглядев каморку, которую они с Лалой снимали. Над плитой сушились пеленки. Время словно перенесло его в далекое детство, в отцовский дом в деревне, где пеленки его многочисленных братьев и сестер вот так же досушивались над плиткой. Далекие 90-е, без света, газа и воды. А теперь он стремительно катился в такую же яму. Они уже не могут позволить себе даже памперсы. Руки Лалы сморщились и покраснели от бесконечной стирки.

¹ Dayı – уважительное обращение, дословно – дядя на азербайджанском.

– Я согрела ужин, поешь, – услышал он голос Лалы.

Перед ним на столе появилась тарелка с сероватыми макаронами, перемешанными с поджаренным луком и помидорами, законсервированными Лалой еще летом. Он хотел спросить, есть ли у них сыр, но вопрос застрял у него в горле...

– Орхан... что теперь делать? Я ждала тебя, думала продукты принесешь. На завтра малышке не из чего кашу варить. Ни молока, ни масла нет.

Раздался плач ребенка. Лала побежала к кроватке – старой, потертой деревянной кроватке, любезно отданной молодой паре сердобольными соседями.

- Мама, мама, бани, бани! Дай бани!
- Тсс, спи, доча, спи, завтра куплю тебе «Барни».
- Бани, бани, дай бани-и!

Орхан подошел к жене и шепотом спросил:

- Что такое «бани»?
- Сегодня во дворе ее угостили. «Барни», кексик детский. В виде мишки. Теперь вот хочет еще...

Орхану мучительно захотелось курить. Он машинально потянулся к карману брюк, но тут же вспомнил, что курить он бросил. Чтоб не тратить лишних денег. Лишние? Разве деньги бывают лишними?

Он стоял и смотрел на спящую дочку. А у той кудряшки разметались по подушке, щечки раскраснелись. Руки Орхана автоматически сжались в кулаки. Как же он себя ненавидел сейчас. Что он за мужик, раз не может жену и дочку в надлежащем виде держать!

Надев еще непросохшее от дождя и грязи пальто, Орхан выскочил за дверь.

- Ты куда так поздно? - только и успела крикнуть вслед мужу Лала....

Рустам закрыл дверь магазина на ключ, окинул ее взглядом, прикидывая при этом, во сколько обойдется ему теперь сигнализация, и, неспеша пошел в сторону дома. Идти нужно было всего пару кварталов. Моросил дождь. Было на удивление тихо и свежо. Мокрый асфальт блестел при свете фонарей, сквозь тучи тщетно пытался подглядеть за Рустамом молодой месяц, но ему было не до лирики. «И почему я до этой чёртовой девальвации не решился поставить систему наблюдения? Теперь один Бог знает, сколько это будет стоить». Размышляя так, Рустам мысленно посылал в ад всех тех, кто хоть в чём-то имел отношение к падению курса маната. Ну, и себя вместе со ними. За нерешительность и жадность.

В своем магазине Рустам был, как говорится, «три в одном»: продавец, кассир, грузчик. Работал без выходных, задерживался допоздна и очень не любил, когда продукты у него люди брали в кредит. Он знал цену каждой копейке, работал, не щадя себя, и к сорока годам открыл, наконец, свой магазин, вложив в него все свои сбережения, а впрочем, и всего себя. Без остатка.

Рустам только успел снять с себя мокрую от дождя куртку, как вдруг раздался звонок мобильного телефона. «Кто это еще в такой час?» – с тревогой подумал он и нажал на кнопку.

- Дядя Рустам, дядя Рустам!
- Да, слушаю, кто это?
- Это я, Эмин, ваш сосед! Дядя Рустам!
- Да говори уже, что стряслось?!
- Дядя Рустам... у вас в магазине...

- Что?! Что у меня в магазине, черт бы тебя побрал! Говори уже!
- У вас там кто-то ходит... Воры, наверное. Я свет фонарика видел. От телефона, наверное. Что делать?

У Рустама от неожиданности перехватило дыхание. В глазах потемнело от гнева. «Кто посмел? Убью своими руками!»

В следующую минуту он, придя в себя, прошептал в трубку:

– Собери ребят, я иду.

Схватив куртку, Рустам бросился обратно к магазину.

Недалеко от входной двери он увидел несколько мужских силуэтов. «Эмин ребят привел, молодец! Неизвестно, кто там, внутри, а вдруг еще и не один, с оружием», – лихорадочно думал Рустам. Неслышными шагами подошел он к группе ребят, и вот уже они все вместе, притаившись, стали ждать.

Через несколько минут дверь магазина тихонько открылась, и из него, прижимая к груди пакет, ссутулившись и озираясь, вышел худой парень. В это же мгновение, как по сигналу, двое ребят бросились к нему и повалили на землю.

– Ах ты шакал, ублюдок, у такого человека честного воровать вздумал?

Рустам зашел в магазин, включил свет и быстрым взглядом оценил обстановку. Всё было так же, как он и оставил около часа назад. Запертая касса, аккуратно расставленные товары, ни следов взлома, ничего, что бы могло привлечь его внимание. Рустам вернулся на улицу. Ребята продолжали держать вора на полу с заломленными за спину руками.

- Дайте его пакет сюда!
- Дядя Рустам, вызывай полицию, пусть заберут этого ворюгу!
- Прошу вас, не надо полицию, откашлявшись, очень тихо произнес парень.
- Заведите его внутрь, сказал Рустам ребятам. И сам с пакетом в руках прошел за ними в магазин. Открыв пакет, он стал вытаскивать на прилавок содержимое: два пакета с молоком, коробка с овсяной крупой, пачка масла, пачка сахарного песка и... упаковка детских кексов «Барни»...

В недоумении Рустам смотрел на скрюченного Орхана.

- Ну и дела! Я думал, сейчас здесь будут сигареты, спиртное... Ты что, пацан, сдурел совсем, лезть за этим?!
- Простите меня... пожалуйста, не вызывайте полицию. У меня жена-домохозяйка и дочка. Она так просила мать: «Бани, бани, мама, бани», что я не выдержал... Этого никто не выдержит! Меня уволили, а расчет вот уже сколько дней не дают. Работы нет. Не знаю, что делать... пожалуйста, не вызывайте полицию, мне нельзя в тюрьму. Умрут они без меня... С голоду умрут.

Эмин тихо прошептал Рустаму на ухо:

– Не верьте ему, врет, собака! Зовем полицейских!

Рустам молчал. Он просто стоял и молча смотрел на упаковку «Барни».

- Который час? внезапно обернувшись к ребятам, спросил Рустам.
- Два часа ночи.
- Как тебя зовут, несчастный?
- Орхан меня зовут, аксакал. Простите...
- Никакой я не аксакал, мне сорок только исполнилось в прошлом году, проворчал Рустам. Слушай сюда, Орхан. В семь утра чтоб был здесь. Только помойся и приведи себя в порядок, а то на бомжа похож. Ну-ка, постой... ааа, это ты сегодня заходил, руки хотел вымыть? Bədbəxt ^{2} ...

^ТBədbəxt – несчастный.

- Да... я... Вы участкового утром позовете? Прошу вас, не надо...
- Если бы я хотел вызвать полицию, я ее уже давно вызвал бы. Работать выходишь у меня с сегодняшнего дня. С утра до вечера. А когда нужно будет, и на 24 часа. Платить буду. Но мало. Не знаю даже, как и это вытяну. Всё. Теперь иди домой. И все идите домой.

В магазине наступила гробовая тишина. Через минуту, оправившись от изумления, Эмин тихо сказал:

- Дядя Рустам, ты спятил? Вора на работу?
- Идите спать, ребята. Поздно очень. И спасибо вам.

Эмин и его друзья медленно стали выходить из магазина. Немного подождав, молча, с изумленными глазами поплелся к выходу и Орхан.

- Стой! Возьми пакет. Отнеси ребенку.
- Но я не могу за него заплатить...
- Вычту из зарплаты, не беспокойся, я уже все посчитал. Кроме этого.
- С этими словами Рустам вытащил из пакета «Барни».
- Это в подарок дочке отнеси.
- Аксакал... Спасибо! Спасибо!

.....

Дела в магазине пошли в гору. Слух о том, что хозяин взял на работу парня, своровавшего у него же товар, облетел всю округу. И хотя сплошь и рядом все жаловались на отсутствие спроса, в магазине у Рустама торговля шла бесперебойно. Всем хотелось купить что-либо именно у этого человека.

Трудно было Рустаму доверять Орхану, очень трудно. Но тот работал от «зари до зари», не жалея ни сил, ни рук, без сна и отдыха. И очень скоро Рустам открыл еще один магазинчик. И поставил Орхана главным. Там тоже дела идут хорошо. Есть в этом маленьком магазинчике одна фишка. Всем, кто приходит отовариваться туда с маленькими детьми, после покупки дарят один кексик «Барни».

Нож

Июль в далёком девяносто третьем выдался жарче обычного. Длинными летними вечерами никто из отдыхающих пансионата не собирался укладываться спать. Засиживались допоздна, наслаждаясь долгожданной после дневной жары прохладой. Дети играли до полного изнеможения, женщины сплетничали на скамейках, мужчины играли в нарды в чайхане. Парочки уединялись в темных аллеях. Вот и получалось, что когда утреннее солнце вовсю заглядывало в окна отдыхающих, большинство ещё крепко спало.

Нана в свои неполные двадцать три года уже была мамой очаровательной девятимесячной малышки. И мамой оказалась образцово-показательной. В половине восьмого утра Нана, направляясь по дороге к морю, бодро толкала перед собой коляску с дочуркой. Малышка была накормлена, напоена, одета в пляжные вещички, в сумке у Наны перекатывался обязательный набор — свежевыжатый яблочный сок в бутылочке, нарезанные фрукты, водичка в другой бутылочке. Фрукты она всегда нарезала дома, не любила брать с собой ножик. На берегу моря Нана никогда не засиживалась позднее одиннадцати часов утра, считая что малышке это будет вредно.

И к тому же, была у ее дочки дурацкая, как считала Нана, привычка. Она терпеть не могла панамки и все время скидывала их с головы. Какие нужно было приложить усилия, чтоб отвлечь внимание девочки от предмета на ее голове, знали почти все обитатели пансионата, посещающие пляж. Стоило молодой маме отвернуться, как панамка уже валялась рядом с малышкой. Этим утром Нана, довольная и спокойная, любуясь бескрайней морской гладью, безоблачным небом, парящими в нём птицами, неспеша шла по широкой асфальтированной дороге к морю. Почему довольная и спокойная? Так накануне вечером муж привез для дочки новую панамку! И не простую, а с ленточкой! Завязала – и любуйся себе спокойно морем! Всё, доченька, не получится больше маму мучить!

Размышляя о том, как мало, собственно говоря, нужно человеку, чтоб почувствовать себя хоть чуточку счастливым, Нана продолжала катить коляску по дороге. Не подумайте, всё у Наны в семье было замечательно. Но стать в двадцать два года, когда сама еще «в куклы не наигралась», мамой, это, конечно, большое испытание и огромная ответственность. А в силу своего характера Нана ответственно относилась ко всему в жизни, перфекционизм иногда просто зашкаливал.

На мгновение она перевела взгляд с горизонта на головку дочери, невозмутимо едущей в коляске, и увидев белоснежную, с мелкими цветочками и бабочками, панамку на месте, снова удовлетворенно погрузилась в размышления.

Она замедлила ход, остановилась и «зависла», наблюдая за разноцветным удодом, поймавшим маленькую стрекозку. Мысль перенеслась в детство, на новханинскую дачу, где папа неизменно называл удода «шинабу», а дедушка на шемахинский манер «шинапипи». Ей вдруг показалось, что это было не с ней. Или в другой жизни. «Как же всё меняется с рождением детей», – не без некоторой горечи подумала Нана. В ту же секунду она услышала хрип. Вздрогнув и обернувшись к коляске, Нана с ужасом поняла, что хрипит её девочка, её малышка. Всю дорогу к морю дочка втихомолку пыталась стянуть с себя злосчастную панамку. Действия ребенка закончились плачевно. Ленточка, которую она дёргала из стороны в сторону, каким-то странным образом затянулась в узел, стала невероятно короткой и попросту впилась ребенку в горло... Двигать головой девочка уже не могла. Она хрипела, а её личико на глазах у матери становилось синюшно-багровым. Нане показалось, что у неё отнялись ноги и язык одновременно. Она, как каменный истукан, стояла, смотрела на своего задыхающегося ребенка и не могла ни пошевелить пальцем, ни издать звук, В половине восьмого утра на дороге к пляжу не было ни души. Поворот дороги скрывал Нану с дочкой от самого здания пансионата и от берега тоже. Они были совершенно одни. Очнувшись, девушка присела на корточки и попыталась сделать что-нибудь со злосчастной ленточкой. Бесполезно. Просунуть под ленточку палец, или развязать её было нереально. От малейшего движения малышка хрипела ещё больше...

Вдруг из-за поворота показалась чья-то фигура. Нана повернула голову и увидела отдыхавшего в пансионате парня, моложе ее года на два-три, одного из самых шумных и весёлых ребят в Доме отдыха. Тех, что кутят ночи напролет, а днём обычно отсыпаются. Что он делал ранним утром на пляже — до этого Нане дела не было. Она посмотрела на него, открыла рот, но издала лишь странный звук. Парень посмотрел на Нану, а потом на ребенка в коляске.

– Аман Аллах! – воскликнул парень. – Она же сейчас задохнется!

В ту же секунду он выхватил из кармана складной нож. Мгновение – и нож в воздухе щёлкнул, раскрылся, блеснуло на солнце лезвие. Парень каким-то вирту-

озным движением поддел ножом ленточку ближе к уху ребёнка и... в следующее мгновение панамка валялась на асфальте, девочка закашлялась и начала громко плакать. А Нана продолжала молча стоять.

– Ты онемела что ли, мать? – спросил парень. – Ну всё, теперь или носи ножик с собой, или не покупай всякую китайскую хрень ребенку. Привет мужу!

И он как ни в чём не бывало двинулся дальше, в сторону здания пансионата. Нана схватила дочку на руки, крепко обняла и стала целовать. И плакать одновременно. Малышка заревела еще громче. Она трогала пальчиком ранку около уха, лепетала что-то похожее на «ва-ва», а Нана продолжала обнимать ее и плакать.

Ровно через два года, теперь уже в свои неполные двадцать три года, парень погиб. На свадьбе лучшего друга. В совершенно нелепой драке. От удара... ножа. Складного. Карманного. Погиб не сразу. Чуть позже. От потери крови из бедренной артерии. Народу рядом было много. Не спасли.

Dominus protector meus

Погода в Стокгольме навевала тоску. Было не просто пасмурно. Было ветрено, слякотно и дождливо. Низкое серое небо, рваные облака вперемешку с набрякшими тучами.

Правда, это не мешало наслаждаться невероятной красотой и величием города, но настроение портило основательно. Особенно если учесть тот факт, что происходило это в середине августа. Но туризм требует жертв, и когда ты ограничен во времени, а перед тобой один из красивейших городов Европы, тут не до лирики, нужно все успеть.

Прокатившись немного на «CityBustour»,прогулявшись по Скансену, не попав, к сожалению, в легендарный музей Vasa, получив от немногословного аудиогида небольшое представление о городе, Нана и Эмиль решили сойти около Королевского Дворца, чтобы потом прогуляться по Старому городу, заглянуть в музей Нобеля, увидеть самую узкую улочку, съесть пресловутую булочку с корицей, словом, стандартный набор туриста, основательно подготовившегося к однодневному путешествию по Стокгольму.

Но одно обстоятельство мешало очень и очень сильно. То ли вышеупомянутая погода действовала, то ли испорченное некоторыми предшествовавшими прогулке событиями настроение. Не радовало ничего. Красивейшие пейзажи – зеленые парки, мосты, купола церквей, шпили дворцов, – все проплывало мимо сознания. Эмиль искоса поглядывал на жену, но предпринять попытку для исправления ситуации, видимо не решался. Вот так, перебрасываясь незначительными фразами, изредка фотографируясь (потому что надо), ёжась от порывов ветра, смешанного с моросью, дошли они до Королевского Дворца. Постояли на террасе, откуда открывался прекрасный вид на город. Посмотрели смену караула.

Чёрт возьми, а настроение всё не улучшалось и не улучшалось. Зашли непосредственно в сам дворец. Посмотрели королевскую часовню, Тронный зал с серебряным троном королевы Кристины, прошли пятьдесят шесть ступеней в сокровищницу, где хранятся все королевские регалии. Впечатлились. Захотелось глотка свежего воздуха, решили выйти во внутренний двор.

Перед дверями Нана случайно подняла голову вверх, и взгляд упал на надпись, сделанную на потолке.

«Dominus protektor meus», – гласила фраза.

Она попыталась откопать в дальних закоулках памяти остатки от изучения латыни, в бытность студенткой медицинского, но тщетно.

- Смотри, обратилась Нана к мужу, так же как и она, закончившему двадцать пять лет назад лечебный факультет.
  - Куда?
- Ну вот же, надпись на потолке. Думаю, что это значит. Скорее всего связано с Богом, но тогда начиналось бы Deus, а не Dominus. У тебя есть предположение, как это переводится?

Ответ последовал незамедлительно. Нане показалось, что не прошло и секунды. Эмиль посмотрел на неё абсолютно серьёзными глазами и недрогнувшим голосом произнес:

– «Dominus protektor meus»? В доме нельзя мяукать...

В следующие несколько секунд Нана на глазах удивленных туристов присела от неожиданности на корточки и залилась громким смехом. Она не могла остановиться. По её лицу текли слезы, а Эмиль смотрел на жену, улыбался и повторял:

– Ну, в доме нельзя мяукать. Что непонятного?

Поднявшись, Нана в неосознанном порыве обняла его, крепко прижалась и прошептала на ухо:

– Спасибо...

Все оставшееся время в Стокгольме они провели, смеясь и улыбаясь, болтая, восхищаясь, любуясь, фотографируя замечательные виды и достопримечательности. Серое небо казалось голубым, ни ветра, ни дождя Нана не замечала. Обычная булочка с корицей и чашечка эспрессо показались ей самыми вкусными и ароматными из всего, что она когда-либо пробовала.

Сидя в уличной кафешке, в старом городе возле музея Нобеля, Нана набрала в поисковике «Dominus protector meus». Если бы фраза начиналась со слова Deus, то перевод гласил — «Бог мой защитник». Но все мыслимые и немыслимые онлайн-переводчики слова «Dominus protector meus» переводили просто как «мой защитник».

А Нана перевела эту фразу на свой лад. «Мой защитник всегда рядом со мной».

Пропажа

Найка была в семье самой младшей и,естественно, самой любимой папиной дочуркой. Отец очень хотел, чтобы после двух девочек, жена, наконец, подарила ему сына, но случилось то, что случилось.

Баловали Найку немеренно. Со старшими сёстрами разница в возрасте получилась довольно приличная – десять и семь лет; они уже были школьницами, когда Найка появилась на свет, так что воспринимали её сестрички как некую обузу, мешающую их развлечениям.

А развлечений летом на даче было много. Прятки, ловитки, лапта, бадминтон, разве всё перечислишь? А лото? Этот упоительный момент, когда мамы не зовут уже никого ужинать; когда все мусорные вёдра вынесены, а вёдра с студёной колодезной водой доставлены по назначению; когда никто не говорит, что прежде чем по-

играть, нужно очистить от сорняков энный участок сада; когда огромный красный шар перестаёт, наконец, нещадно жечь кожу, забирается за горизонт и... В беседке на полу раскладываются карты с цифрами, «ведущий» нетерпеливо встряхивает мешочек с бочонками...

Вот только Найка всегда бывала лишней... «Ты ещё маленькая, пойди с куклами поиграй», «Эй, Найка, тебе уже спать пора, давай топай в постель». И так почти каждый вечер. Найка обижалась, но не показывала свою обиду. Ей достаточно было внимания взрослых. Походы с отцом на море, замки из песка, украшенные разноцветными ракушками, многочисленные, до изнеможения, «ныряния на время» (кто дольше просидит под водой) и бесконечные папины рассказы, сказки, истории.

Для папиных друзей Найка тоже была любимицей, у всех уже дети были постарше, и малышка служила им своего рода развлечением, когда они приходили в гости к Найкиным родителям. С трех лет Найка, предоставленная сама себе, выучилась читать, и родители очень этим гордились. В четыре года она с важным видом брала в руки газету «Правда» и, поправив на носике очки (в два с половиной годика малышке был поставлен диагноз — косоглазие, и с тех пор без очков она только лишь спала...), начинала вслух читать постановление ЦК КПСС... Или, грозно потрясая очередным номером красивого глянцевого журнала «Америка», рассказывала всем о вреде курения.

В тот день никому до Найки дела не было. Отмечали день рождения средней сестры, на даче было полно народу. Папа с друзьями играли в нарды и шахматы. Мама с двумя Найкиными бабушками и женами папиных друзей сновали между кухней и верандой, где стоял большой накрытый стол. Сёстры и их сверстники, дети папиных друзей непрерывно о чем-то болтали в беседке.

К кому бы Найка ни подходила, все отмахивались от неё, как от назойливой мухи. И Найка вдруг обиделась. Обиделась очень сильно. Никто с ней не играл, никто её не хвалил, не просил почитать вслух. Она абсолютно не привыкла находиться без внимания. И задумала малышка «страшную» месть. Она решила спрятаться где-нибудь, где её никто искать не будет, и подождать, пока кто-нибудь не спохватится. «Вот будут они все кричать, звать меня — Найка, Ная, где ты, солнышко?! А я подожду, пока они не начнут уже очень сильно нервничать, выйду и скажу — ааа, искали меня, а я здесь!»

Рисуя себе самые кровожадные картины мести, где присутствовала плачущая мама, хватающаяся за сердце бабушка, нервно курящий отец и растерянные сестрички, Найка недолго думая, пошла в дом, зашла в самую дальнюю комнату, залезла в шифоньер, прикрыла неплотно дверцы, и шёпотом разговаривая со своим лучшим другом, большим желтым медведем со стекляными карими глазами, принялась ждать. Полчаса прошло, никто про Найку не вспоминал. Она все сидела, рассказывала мишке сказки, читала ему стихи Агнии Барто.... Прошёл еще час... но никто про Найку так и не вспомнил. И девчушка покряхтев и поворчав, положила на своего преданного и молчаливого друга голову и... заснула.

- А где Найка? спросил громко отец, когда застолье было в самом разгаре.
- Наверное в беседке, играет с куклами, предположила бабушка
- А она хоть покушала? с тревогой в голосе произнесла другая бабушка,
- Совсем мы про нее забыли сегодня
- Ничего, ей не помешает похудеть немного, ехидно заметила средняя сестра.

Мама тихонько вышла из-за стола и пошла к беседке.

– А Найки здесь нет! – послышался её голос оттуда.

Гости принялись, кто громко, кто не очень, на разный лад звать Найку. В ответ была тишина. Отец заметно побледнел. В этом году уже не раз соседи там и тут натыкались на степных гадюк и скорпионов. И он всегда предупреждал детей, чтобы они одни не ходили ни в сад, ни к морю, и были предельно осторожны.

Он вышел из-за стола и громко крикнул: «Ная! На-ая!». Никто не отозвался. Гости, бабушки, сёстры, все повскакивали со своих мест и принялись бегать по территории дачи и кричать: «Найка! Наайка!» Но ответа не было. Бабушки несколько раз прошлись по комнатам в доме, проверили душевую, туалет. Всё безуспешно. Найки нигде не было. Сестрички побежали к соседям — может она там... Папины друзья принялись прочёсывать сад. Кто-то из гостей пошёл к винограднику.

Двоюродные братья побежали к дороге, ведущий на пляж... Тропинка пролегала через скалистую местность, где люди часто видели змей. Найки нигде не было.

Вернулись ребята ни с чем. А на даче уже царил переполох. Одну бабушку отпаивали валерьянкой, другой положили под язык валидол, отец, который непрерывно курил, самолично решил снова проверить сад. Мама пошла к соседям. Мало ли...Может кто-то взял малышку вместе со своими детьми на море, хотя такого ещё никогда не случалось...

Близкий друг отца вышел на улицу узнать у играющих там ребят, не приезжала ли какая-нибудь машина (дача находилась в конце улицы, в тупике).

Мысли были самые что ни на есть неутешительные. В какой-то момент все приуныли, и наступила тишина. Слышно было только жужжание мух да звуки из находящегося за забором соседского хлева...

Найка проснулась от нестерпимой жажды. И очень хотелось есть. Кудряшки все слиплись от жары и влажности, стёкла очков запотели, ей было душно, темно и очень некомфортно. Мишка сидел все в той же позе, как будто говорил ей:

– Ну что, подруга, выспалась? Я тут весь извёлся, давай-ка выйдем.

Найка приоткрыла дверь шкафа и прислушалась. Ничего не было слышно. Она открыла дверцу пошире. Стало видно часы. Время Найка знала уже хорошо.

– Значит так, короткая стрелка на 7, а длинная на 3, значит, сейча-а-ас четверть восьмого...Я что, так долго спала? – удивленно подняла брови Найка. – И все равно меня никто не ищет?! И даже не зовут?!

Выйдя, наконец, из своего укрытия, Найка, громко топая, воинственно подбоченясь, пошла на веранду.

– Уехали все, что ли, – думала она, – почему такая тишина...

Она вышла на веранду и замерла. Потому что на неё в полном молчании смотрели все! Родители, бабушки, гости, сёстры.

– Найка! Боже мой! Слава Богу! Ты живая... – мама смотрела на Найку и слёзы текли по её лицу.

Отец вытирал со лба пот, не переставая курить при этом.

От всех сидящих за столом людей пошла вдруг волна:

– Слава Богу, слава Богу! Ой, как она нас всех напугала!

Старшая сестра подбежала к Найке, обняла её и проговорила на ухо:

– Дурочка наша! Где же ты была?

Средняя сестра прищурившись посмотрела на Найку и процедила:

– Ну конечно, надо же было испортить мне день рождения!

Бабушка запричитала:

– Вай-вай-вай, ребёнок голодный совсем!

На что Найка, очень смущённая внутри, но с абсолютно невозмутимым видом выкрикнула:

- Очень голодная! Очень! И пить хочу! А вы! Вы! Вы нас даже не искали!
- Как не искали! Мы до пляжа дошли, думали тебя украли, утонула, змея укусила! Где ты была? И кого это нас?
- Меня и Мишутку! ещё громче крикнула Найка. И добавила уже потише: Мы сидели, сидели, а потом я уснула... и почти шёпотом добавила: А вам... Вам всё равно?... и вдруг расплакалась...
- Никогда больше не пугай меня так, подхватив ее на руки и прижав к себе, прошептал отец. Слышишь меня?! Никогда!

Рассказы из семи слов

***

Звонок.

– Вам телеграмма.

Читаю: «Собирайся. Пора.

Бог».

***

Ехала на фитнес. Дорогу перекрыли. Купила булочек.

***

Голубое небо отражалось в луже. Перевернутая действительность...

ПРОБА КРЫЛА

АЙНЕЛЬ АЙДАЕВА

Первая публикация

Бакинской школьнице Айнель АЙДАЕВОЙ всего 16. Вместе с тем, она вот уже несколько лет заметна практически на всех мероприятиях, так или иначе связанных с литературой и поэтическим словом – чаще в качестве заинтересованного слушателя, а в последнее время и участника. Среди несомненных достоинств ее поэзии – свежесть восприятия мира, раскованность интонации, запоминающиеся образы, как весенние ростки, еще робко, но настойчиво пробивающиеся тут и там в строчках... 16 лет – это та мистическая точка, где сливаются детство и юность, где душа и мысль приобретают некий совершенно новый даже для их носителя формат. Этот трудный, но благословенный возраст наполнен самыми разными открытиями – в том числе, и себя, и всего того, что происходит с любым человеком на этой земле, и все-таки – только с тобой, и все-таки – впервые... Именно в этом возрасте как никогда остра потребность заявить миру, что ты – есть, и что тебе есть что сказать этому самому миру и современникам. И хотя юному поэту вполне логично еще не хватает профессиональных «мускулов», владения формой, умения свести воедино задуманное и ощушаемое с реально доступным ей уровнем воплошения всего этого на бумаге – все это нормальные этапы творческого мужания, которые, верится, Айнель сумеет достойно пройти в предстоящие годы. Немаловажен тот отрадный факт, что по своей природе Айнель принадлежит к прекрасному творческому племени «самоедов», которые склонны фокусироваться, скорее, на недоработках, чем на собственной «гениальности», как это, увы, свойственно большинству наших пишущих современников самых разных возрастных категорий и профессиональных достоинств. Поздравляем Айнель с первой публикацией и надеемся на новые встречи с ее возмужавшей поэзией на страницах нашего журнала.

* * *

Огромные цели В окна летели. Жизнь проходила мимо. Птицы сидели На ветках и пели О чем-то непостижимом.

Слезы текли, Беды влекли. Ожоги горели под солью. Меня опекали, Меня берегли Ангелы чистой любовью.

Сердце стучало, И выдиралась Душа из клетки наружу. Тела не стало – Как покрывало Сдернули в зимнюю стужу...

Моя библиотека

Я останусь, а ты не останешься здесь – навсегда, насовсем.

Я дотянусь, а ты не дотянешься до полки под номером семь.

Цифрами, рифмами книги исписаны... Поймешь ли, что скрыто в них?

Рифами, грифами стены украшены – ты не боишься их?..

Я – не боюсь, а ты вот – скрываешься. Слышу вздох из угла.

Кажется мне, ты всего пугаешься в этой комнате для

Романов и тайн, легенд и мифов... Зачем ты тогда пришел?..

До дрожи боишься страстных порывов... Кто тебя в холл провел?

Ты говоришь, что за бабочкой синей тебя повело тепло.

И бабочка сквозь сумерек иней ударилась о стекло. А за стеклом проступил тот холл, в который ты и попал.

В холле стоял бесконечный стол, (который сейчас пропал).

Ты говоришь, что за тобою кто-то все время следит.

Но это я управляю игрой – тебе это не повредит.

Ну, успокойся – встань предо мной, будь немного смелей.

Сейчас я тебя отправлю домой, ты выход найти сумей.

Никогда, никогда не гонись за теплом, оно обманет нас всех.

И навсегда на сердце пятном – след от его утех.

Новичок

Ты бежишь от неизбежности – но куда?.. Зачем? В какую сторону? Крылышками машешь ты мятежными, подражая королевским воронам.

Ты же слабенький, вот-вот сломаешься – осторожней, прошу, приземлись!..

На второй год, увы, не останешься в этой школе с названием «Жизнь».

Береги свои крылышки, маленький — ты ведь в воздухе новичок. Но не бойся — ты со мною, старенькой, пролетишь бок о́ бок путь, что высок...

В преддверии сна

Я надеюсь на крепкий сон, на затишье средь бури, на протопленный дом где-то в Маньчжурии.

Я надеюсь на колючий снег в конце этого марта, на прогулку во сне по Монмартру.

Я надеюсь на пледа шерсть, на прохладу подушки, на шесть полных часов у кукушки.

Надеюсь на листопад. укрывший мои тротуары, на переспелый гранат, на нагие чинары... На гитары и тары...

Что ж, надейся на – крепкий сон, протопленный дом, любимую кошку да ночь в окошке...

На побережье

Что за ветер арктический и холодное солнце седое? Что за небо голодное с подсушенной белизною?

Мне уютно.
Меня греет свитер поношенный,
спящий ночью на полке
как свернувшийся кот.
Мне шоколадно –
и ладно, и складно
в этот скучающий сам с собой вечер...
Нет за окном никого.

А за душою – любовь. Мне говорят: «береги» – берегу... К океану уеду в гости, сердце зарою на берегу упрячу в ракушку все, что нужно сберечь...

Слышу пенье кита-старика, который прощает людей и прощается, и уплывает в рассвет по океанской пенной тропе.

Подожди!..
Я отдам тебе ящик
будущих бед –
забрось в океан,
чтобы больше ничто
не смело разрушить счастье мое!..

...Кит не стал грузить бедами океан, ящик сглотнул и, плеснув хвостом, подарил на прощанье мне этот кулон с мезозойской ракушкой.

Нас четверо

Я отрекаюсь от тебя, Мой друг. За то, что втайне от меня Ты любишь слуг. Но я тебе не пациент, Не ученик – Обыкновенный человек, Который сник...

Ну да, ты обладаешь даром, Но ты не Юнг. И после каждого скандала Не замкнут круг.

Есть между нами кто-то Третий – Тот верный псих. Я не смогла бы не заметить, Где он притих.

Здесь зарождается Четвертый – Мой дикий зверь. И он, мне милый и покорный, Сожжёт За мною Дверь.

С любовью, Винсент...

Поле... Рыжее поле... Я вхожу в твое тихое море. Захлебнуться в тебе поневоле, выбрать смерть от рыжей тоски...

От тоски по родному причалу. Мое сердце уже одичало. Заставляешь вернуться в начало – не вернусь. Не видно ни зги...

Мне ладони щекочут колосья. Поле, поле... И нет межполосий. Я – в тебе утонувшая гостья, мне уже не встать, не уйти...

Надо мною кружа́тся тенями души, бывшие в поле гостями... В предначертанный полем срок мне осталось нажать на курок.

Письмо своему столу

Стол, завещаю тебе расцвести этой весной чтобы окрасились эти листы в голубой; чтобы чернила ручьями текли, чтобы я знала: я буду и ты; чтобы, как в прежние времена, по тебе водила рука, чтобы баюкал те самые сны, из которых рождались стихи; чтоб хранил ты в себе «Рай» и «Ад», чтобы слез моих яростный град обжигал беззащитное тело твое; чтобы каждую буковку «ё» считывал ты по сколам своим, чтобы сам дописывал «й»; чтобы вместе со мной вздыхал и с рождения знал: я уйду – ты останешься здесь, но никто не посмеет присесть!.. Будешь стертым, будешь хромым, навсегда, на всю жизнь моим! Это время, грусть затая, слепит меня из тебя. Ты же тоже, хоть не живой но с живой бессмертной душой...

Городской верлибр

Я в своем городе на побережье гуляла. Город меня узнал – а я его не узнала: ни запаха свежих булок, ни выщербленных мостовых,

на на запад струящихся переулков, ни на восток смотровых площадок с обилием лиц; ни пения экзотических птиц, ни букв, выцарапанных влюбленными на коже седого платана; ни сказок, ни песен, ни диалектических тезисов...

Ни шелеста листьев в объятиях ветра, ни кисти, рисующей дождик по средам, ни самого художника автора этих абстракций; ни знакомого доминошника с короткими пальцами; ни скамеек и ни беседок, где гоняют чаи, ни пожилых домоседок, ни знакомой швеи, смотрящей мне вслед с балкона в своем ожерелье из пуговиц...

Не узнавая жизнь когда-то родных мне улиц, иду по бетонному берегу, наступая на чьи-то следы... Я обязательно снова приеду, только ты, Город, жди...

101

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

TRAVELERS – NOTEBOOK С ОБЛОЖКОЙ ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОЖИ

Светлой памяти Самира Алиева, Друга

(Подборка мыслей)

Имею такой travelers-notebook — иными словами, блокнот путешественника, с обложкой из натуральной человеческой кожи. Он всегда со мной, поскольку я нахожусь в бесконечном путешествии. Я постоянно заношу в него какие-нибудь наброски, заметки, планы будущих статей, а то и сами статьи целиком, если они небольшие по объему... как получится, пути вдохновения, равно как и график его, неисповедимы. Короче говоря, в этом блокноте — мысли, приходящие в голову. Причем приходящие зачастую в самое неподходящее время и в самом неподходящем месте... Впрочем, бывают ли для творческого человека неподходящее время и неподходящие места? Похоже, что нет. Если ты уж занялся творчеством всерьез — будь готов к тому, что даже во сне твой мозг работает, чтото ища... вон, Менделеев не даст соврать.

Круг моих интересов довольно широк. Так уж сложилось, что по призванию и по профессии я биолог, но сызмальства увлекаюсь фантастикой, интересуюсь Космосом... и еще я интересуюсь людьми. Все это накладывает отпечаток на образ моего мышления. Поэтому не удивляйтесь замысловатым траекториям моих рассуждений и разбросу тем. Особенно если учесть, повторюсь, что многие из этих набросков или заметок уже превратились — или превратятся когда-нибудь — в статьи, эссе и новеллы.

Дело в том, что я хочу предложить вашему вниманию некоторые страницы из моего блокнота. Наброски, сделанные по принципу акына — «что вижу, о том и пою». Своеобразную подборку мыслей... Возможно, они будут для вас интересны — почему бы и нет? Заранее прошу прощения, если кому-то их содержание — или сама подборка — покажутся сумбурными, бессвязными и непоследовательными; но ведь это, как я уже сказал, блокнот для заметок, который я всегда ношу с собой. Блокнот в переплете из натуральной человеческой кожи...

* * *

...Я от природы человек жизнерадостный и оптимистичный, что отразилось на моем стиле письма. В общем-то, практически каждый мой рассказ или статья — это своеобразная беседа с читателем, с которым мы либо идем вместе по тропинке, и при этом я оживленно рассказываю что-то на ходу, либо вместе сидим в заводской курилке, и я «травлю чего-то интересного», время от времени делая небольшие паузы для затяжек... ну, или как в купе, куда набилось полвагона, чтобы послушать байки...

Но случаются иногда (а в последнее время все чаще) рассказы иного настроения. Словно мы с читателем сидим на кухне, за окном – ночь (и даже начинает светать), на столе – ополовиненная вторая бутылка водки, остатки растерзанного салата и пепельница, полная бычков, предыдущий граненыш уже нами опрокинут, а новый пока не налит, и мы говорим *«за жизнь»*...

И большей частью такой разговор бывает невеселым...

Так что не пеняйте на меня, дорогие читатели, если от иного рассказа повеет грустью или даже тоской, беспомощностью или даже безысходностью... Какой ни оптимист — а я все-таки человек, а честность лишь добавляет горечи. Но все же я всегда надеюсь на лучшее. Всегда. Надеюсь. На. Лучшее. На.

* * *

В своих публицистических материалах я всегда стараюсь уловить пульс **Времени**. Причем не только пульс прошлого и настоящего, но и будущего, каким бы невероятным это ни казалось. Но ведь недаром же я фантаст...

* * *

…Тут меня журналисточка спросила, о чем мечтают фантасты. Я что – телепат? Откуда ж мне знать, о чем мечтают фантасты? Наверное (если они хорошие люди), о мирном небе, о человеческом счастье, чтобы не было больных и голодных, чтобы дети учились в школе, а не мыли стекла машин и тем более не просили милостыню на улицах... Я, например, мечтаю обо всем этом и еще о многом другом... О том, например, чтобы полное брюхо не давило на сердце, а тем более – на мозг, чтобы человеку было интересно познавать окружающий мир. Знаете, как это опасно и страшно – зажраться и потерять интерес ко всему, кроме секса, пива и телевизора? На пути у человеческой цивилизации – огромное количество всяких коварных ловушек, и я мечтаю, чтобы человечество сумело обойти большинство из них (обойти все не удастся, это нереально)...

* * *

...Что мне никогда не давало и не даст сделаться грубым материалистом – так это маленькие дети.

В самом деле, ну что такое маленький ребенок с точки зрения грубого материалиста? Обычная активная (порой гиперактивная) протоплазма. Полтора-два десятка кило мяса, вместе с какашками.

Но я все-таки Художник — в широком смысле этого слова. И вот так вот иной раз в суете буден случайно попадется на глаза маленький ребенок — и я притормаживаю бег, и звуки вокруг меня стихают, и суета становится незаметной, и забываешь обо всем на свете, и смотришь неотрывно на это Чудо из Чудес, Маленького Ребенка, и жадно затягиваешься его красотой, как заядлый курильщик затягивается дымом превосходной кубинской сигары...

Боже мой, какая там протоплазма?!

Ведь Маленький Ребенок - он состоит...

- ...из веселых, приветливых солнечных зайчиков...
- ...и задумчивой лунной дорожки на воде...
- ...из прозрачного горного ручья...
- ...и теплого, вкусно пахнущего молока...
- ...из дуновения ласкового ветерка...
- ...и плеска морских волн...
- ...из запаха луговых трав...
- ...и нектара полевых цветов...

- ...из чистейшего хрусталя и белейшего мрамора...
- ...из нежных звуков скрипки и дыхания флейты...
- ...из радостного, праздничного снега...
- ...и неутолимого любопытства...
- ...короче говоря, Маленький Ребенок состоит из всего самого лучшего, что есть на свете!

* * *

...Мне нравится смотреть на играющих маленьких детей. И не только из-за любви к детям – в таком созерцании для меня заключается глубокий смысл. Вы ведь слышали, должно быть, что человеческий зародыш в процессе своего развития как бы повторяет в сжатом виде весь эволюционный путь. Иными словами, эмбрион человека вначале похож на эмбрион рыбы (даже имеет жаберные щели), потом на эмбрион лягушки (с перепонками между пальцев), потом на эмбрион ящерицы, потом он становится похож на волосатый эмбрион обезьяны и даже имеет хвостик (позднее волоски и хвостик отпадают). По-научному это называется «онтогенез повторяет филогенез». Так вот, поведение детей, особенно маленьких, повторяет (тоже в сжатом виде) человеческую историю, развитие нашей цивилизации. Понаблюдайте, например, как малыш неуклюже пытается овладеть тем или иным игрушечным инструментом! Ведь точно так же в доисторические времена гоминид овладевал самыми первыми своими орудиями из камня, кости, дерева! А в играх детского коллектива явственно проглядывают все модели человеческих взаимоотношений, от первобытного коммунизма до рыночных отношений... Так что если вы хотите увидеть историю человечества в миниатюре, сядьте на скамеечку где-нибудь неподалеку от играющих детей и понаблюдайте за ними...

Еще мне очень нравится смотреть на яркое солнце сквозь зеленый лист растения. Тогда видишь, какое это сложнейшее образование — лист! Весь пронизанный густой сетью жилок, напоминающей кровеносную систему человека, весь зеленый от хлорофилла, который позволяет листу комбинировать из простейших элементов сложные органические вещества под действием солнечных лучей... Зеленые растения вот уже сотни миллионов лет поддерживают круговорот — они выделяют кислород, который необходим всем нам для дыхания, и поглощают углекислый газ, который способен нас задушить... Поэтому меня так бесит, когда я вижу необдуманную и преступную вырубку деревьев. Человек, который легкомысленно вырубает деревья, напоминает, я считаю, самоубийцу, который медленно натягивает на свою башку полиэтиленовый пакет. И, к сожалению, не только на свою...

* * *

...Признаваться в любви к Баку не вижу смысла – не люби я его, меня б давно уже здесь не было.

Но я горжусь тем, что я бакинец. И в этом нет ни капли снобизма, чванства, высокомерия – мол, вы все это самое, а я д`Артаньян... Нет.

Я родился, как и все, комком глины. В течение всей жизни Баку, как талантливый скульптор, лепил из меня личность. И в том, что я сформировался именно таким, а не каким-нибудь другим, заслуга бакинской семьи, бакинского двора, бакинской улицы, бакинской школы, бакинской библиотеки... И именно потому я, прожив на свете полвека, до сих пор учтив со стариками, уступаю места в транспорте женщинам, улыбаюсь незнакомым детям и всегда протягиваю руку упавшему... А еще люблю подолгу смотреть в южное звездное небо. Или подолгу любоваться Каспийским морем, сверкающим мил-

лионами серебряных бликов...

Конечно, надо мной трудились и другие города и поселки на просторах широченной в прошлом страны,— но они лишь подправляли то, что до них сработал Баку. И куда бы ни забрасывала меня жизнь — в Ленинград ли, в Алма-Ату ли, в Одессу, в Свердловск или вообще на далекий остров Шикотан в Тихом океане — я оставался все-таки бакинцем и ни разу об этом не пожалел.

Вот этим-то я и горжусь — неповторимой, уникальной печатью своего города, И, ей-Богу, не вижу в этом ничего плохого, кто бы там чего ни говорил. Не будь таких печатей — мы, жители разных городов мира, были бы одинаковыми, как спички.

Но мы, по счастью, не спички.

* * *

(февраль, 2017) ...В Старом городе — выставка, посвященная 25-летию Ходжалинской трагедии. Ее можно — и нужно — называть резней, или бойней, поскольку вооруженные армянские бандиты и их подельники, военнослужащие одного из полков Советской Армии, жестоко истребили более 600 мирных жителей села Ходжалы, среди которых были и женщины, и дети, подвергнув их перед смертью издевательствам и пыткам. Изуверы практически не встретили сопротивления и сделали свое дело споро и умело — у палачей ведь тоже имеется свое умение.

...Устроители выставки поступили предельно просто и очень мудро: экспозиция представляет собой два ряда черных четырехгранных тумб высотой в человеческий рост, протянувшихся по площади. Каждая тумба — это безмолвный рассказчик. На одной из граней — фото человека, пережившего ходжалинский ужас, на другой грани — текст на двух языках, азербайджанском и английском, рассказ о том, что данному человеку довелось тогда увидеть... Прохаживаясь между тумбами, можно остановиться возле любой из них. И внимать.

Но есть еще и большой монитор, укрепленный на крепостной стене. На мониторе в режиме нон-стоп — видеозапись показаний и свидетельств.

Двадцать пять лет прошло с тех сочащихся кровью дней. Целых двадцать пять лет.

...Полвека с лишком назад, когда я еще лежал в колыбели, романтично настроенные фантасты видели конец XX века светлой эпохой. В их книгах к концу XX столетия человечество уже справилось с голодом, нуждой и болезнями, позабыло о войнах, занималось науками и просвещением, и не просто летало к звездам, но и разруливало, как принято говорить сейчас, проблемы отсталых инопланетных цивилизаций — прекращало войны, свергало диктаторов, освобождало народы, лечило и учило их. Гуманным, короче говоря, виделся конец века пятьдесят лет тому назад. Вперед, к вершинам человеческого духа!

На деле же человечество застопорилось и повернуло назад, порядком оскотинев и впав даже не в средневековое, а какое-то первобытное изуверство. Произошедшее в Ходжалы многажды происходило давно, в эпоху пещер, когда кровожадное и агрессивное племя нападало на соседей и не просто убивало всех, старых и малых, но и предварительно подвергало жертв неслыханным издевательствам и истязаниям, чтобы потешить свои темные инстинкты. Пусть палачи и изверги вооружены не копьями, а автоматами — палач все равно остается палачом, изверг — извергом. Техника не меняет сути каннибала. И где уж нам было заботиться о жителях других планет — на нашей собственной в конце XX века началось такое, что хоть святых выноси.

Это – вместо полетов к звездам!..

…Двадцать пять лет прошло. Виновники известны, но никакой ответственности не понесли. Что лишь укрепляет в них ощущение полной безнаказанности, в них, а также в их последователях. И, кроме того, усиливает в них чувство собственной правоты — а это опаснее всего. Ибо подразумевает, что Ходжалы могут повторяться и повторяться в будущем.

Будущее.

В конце своеобразной аллеи, образованной двумя рядами черных тумб, виднеется здание с часами. Часы. Время. История.

Человечество не идет прямой дорогой. Его исторический путь часто напоминает перемещение в пространстве захмелевшего дикаря. Сложная траектория. Людей, несмотря на технический прогресс, декларации прав человека и прочие подобные штучки-дрючки, постоянно тянет назад, к каннибальству. Все время тянет убивать и мучить себе подобных. Будет ли этому когда-нибудь конец? Или человек, мать его ети, так и останется лохматым низколобым питекантропом в дорогом костюме, часами «Роллекс» на запястье и дорогущим перстнем на пальце? С айфоном в кармане?

А дайте ему в лапы автомат, посадите в звездолет и отправьте на планеты в созвездии Волопаса – и он начнет сеять смерть и ужас среди тамошнего населения, как делал и делает это здесь...

Наверное, все же можно достичь тех вершин человеческого духа, о которых мечтали идеалисты, фантасты и романтики. Но для этого — непременно! — надо победить питекантропа. Убрать его с дороги к звездам.

 U , по меньшей мере, воздать сполна тем, кто повинен в Ходжалинской трагедии. Двадцать пять ведь лет прошло.

Пора бы уже.

* * *

Какие только картинки и фотографии не служили фоном рабочего стола на моем ноутбуке!

Но некоторое время назад я установил фоном цветную фотографию амебы, **amoeba proteus**, сделанную под электронномикроскопическим увеличением, и сокрыт был в этом поступке глубокий смысл, доступный, впрочем, не каждому. Так, один из моих приятелей, брутальный мужик и большой Художник, зайдя ко мне в гости и увидев на мониторе фото амебы (бесформенный ком цитоплазмы с подвешенными внутри пузырьками-вакуолями) изумленно задрал брови и вопросил: **«Это еще что за дерьма кусок?!»**. Гуманитарий, блин... У него-то самого на мониторе компа вечно красуются какие-то полураздетые телки с во-о-от такими сиськами ...

Я терпеливо разъяснил Художнику фишку: вот, дескать, одно из самых простейших живых существ на свете, невидимый глазу комочек слизи, от которого, если верить эволюционной теории, произошла вся прочая живность; если уж на то пошло, то от этого комочка слизи произошел, в конце концов, и человек, который придумал и сработал множество вещей, в том числе и полезных, в том числе и этот вот ноутбук; так пусть же **amoeba proteus** красуется на мониторе моего ноута, чтобы, глядя на амебу, мы все — включая и сам ноут — помнили, с чего все когда-то начиналось!..

Между компьютером и амебой на его мониторе пролегает не один миллиард лет... Понимаете? До чего может дорасти со временем микроорганизм из теплой первобытной лужи — понимаете?

Кажется, гость мой, Художник, просек фишку. Особенно когда осознал, что излюбленные им телки с во-о-от такими... ну, вы меня поняли... тоже произошли от доисторических амеб (это, опять же, если верить в теорию эволюции). Мне амеба нравилась не только как своеобразная стартовая позиция всего живого на Земле и как своеобразный контраст высоким технологиям, созданным **Homo Sapiens** – да и самому **Homo**. Я уважал амебу за незлобивый нрав. Хотя и знал, что этот вот комочек слизи с пузырьками, разбрасывающий в стороны ложноножки и постоянно перетекающий из самого себя в себя же самого, не преминет при случае схарчить какуюнибудь живность, уступающую ему размерами. Лишенная рта, амеба просто обволакивает добычу телом, включает ее в себя и постепенно переваривает. По принципу **«было ваше – стало наше»**, и все через дружеские, можно сказать, объятия...

Вот это обстоятельство неприятно царапало донышко моего сознания, как попавшая в глаз крошка раздражает слизистую оболочку. Комочек комочком — а жрать горазд... И мне, человеку миролюбивому и некровожадному, захотелось поменять картинку на рабочем столе. И я, подумав, нашел электронномикроскопическую фотографию **Anabaena spiroides** и сделал ее фоном. Теперь на моем мониторе красовалась зеленоватая спиралька, полупрозрачная, с какими-то включениями внутри.

Анабена — из цианопрокариотов, или цианобактерий... или, как еще говорят, из синезеленых водорослей. Почему я выбрал ее? Ну, поскольку мне претила прожорливость амебы, захотелось украсить монитор чем-то тоже примитивным и древним, но при этом более безобидным.

Безобиднее, проще – да и древнее – синезеленой водоросли ничего, пожалуй, и не сыщешь. Цианобактерии сродни самым древнейшим микроорганизмам, возраст которых насчитывает без малого четыре миллиарда лет. Цианобактерии никого не пожирают, они просто не испытывают в этом потребности. Ибо эти микроорганизмы были самыми первыми, кто научился поддерживать жизнь свою при помощи фотосинтеза.

Говоря проще, эти малютки консервируют солнечную энергию в белках, сахарах и жирах, создавая их из воды и углекислого газа; сахар малютки растворяют в себе, а кислород выделяют наружу. Этот удивительный процесс протекает в крупинках хлорофилла – тех самых включениях, что виднеются в спиралях и нитях синезеленых водорослей... Энергию, необходимую для синтеза, хлорофилл улавливает из солнечных лучей. Понимаете? Появившись на нашей юной Земле четыре миллиарда лет назад, синезеленые приспособились питаться, грубо говоря, светом ближайшей звезды – Солнца... Позднее этим стали заниматься все зеленые растения, и это продолжается и по сей день. Ну разве такое милое создание не достойно украшать монитор моего ноута?! Тихое, мирное создание, цепочка клеток, насыщенных хлорофилловой крошкой и покрытых слизистой оболочкой; одно из самых простейших и древнейших живых существ на Земле, никому и никогда не причиняющее вреда...

Охваченный умилением, я не сразу понял свою ошибку, а поняв – ужаснулся.

Это синезеленые-то — **«не причиняющие вреда»**?! Боже, какой я идиот... Я ведь говорил, что синезеленые, используя солнечный свет для питания, выделяли кислород в окружающую среду. Так вот, примерно три с половиной миллиарда лет назад орды тогдашних синезеленых навыделяли столько свободного кислорода, что он насытил не только воду и горные породы, но и самый воздух... Кардинально изменился состав атмосферы молодой Земли; это оказалось губительным для всех тех организмов, которые не приспособлены были к дыханию кислородом; а если учесть, что таких было тогда на Земле подавляющее большинство... Ученые назвали это явление **«кислородной катастрофой»**. Еще одно название — **«кислородная революция»**.

Революция, да... Как и всякая революция, кислородная сопровождалась обильными жертвами и глобальными изменениями. Насчет жертв мы уже говорили; изменением стало так называемое **«гуронское»** оледенение — одно из самых древних известных нам оледенений, постигших планету Земля...

Как и всякая революция, «кислородная» принесла, помимо вреда, и несомненную пользу. Организмы, не приспособленные к дыханию кислородом, повымирали почти полностью, уцелевшие же попрятались по укромным местечкам; зато широкое распространение получили те, кто раньше сам прятался в укромных местечках, потому что умел дышать только кислородом, а его тогда было очень мало... Плюс к тому атмосферный кислород образовал озоновый слой, задерживающий губительный солнечный ультрафиолет; а благодаря такой надежной «крыше» жизнь на Земле получила возможность развиваться бурно и разнообразно...

Покусывая нижнюю губу, я некоторое время рассматривал бледную спиральку на мониторе ноута. Как подумаю, что такие вот созданьица устроили когда-то на нашей планете форменный «*геноцид*»... С другой стороны, не им ли обязаны своим появлением и мы, люди? Говорят, динозавров погубил гигантский метеорит, упавший на нашу планету 65 миллионов лети назад; Землю на долгие десятилетия окутала густая пелена пыли, изменился климат; исчезнув, динозавры освободили жизненное пространство для млекопитающих. Точно так же три с половиной миллиарда лет синезеленые, они же цианобактеры, отравили всех соседей по планете чистым кислородом, но освободили при этом жизненное пространство для кислорододышащих, из которых позднее получились и упомянутые динозавры, и приматы, и сам человек...

Нажатием клавиши я вызвал изображение амебы. Бесформенный комочек слизи, неосознанно поглощающий немногих, чтобы поддерживать свою жизнь... Вернул изображение анабены: спиралевидный комочек слизи, ради поддержания своей жизни поглощающий солнечный свет, но при этом неосознанно и непреднамеренно отравлявший кислородом многих, многих и многих... И амеба, и анабена — в разной степени убийцы. И амеба, и анабена не ведали при этом греха, поскольку такова суть их жизни, да и не только их — как справедливо заметил один умный человек, жизнь вообще представляет собой бесконечную цепочку убийств. И для того, чтобы жили одни, непременно должны сгинуть другие. Но ведь и амеба, и анабена не только убивали — они вызвали к существованию длиннющую и весьма разнообразную цепочку организмов, одно из которых поумнело до такой степени, что создало этот вот ноутбук... Так убийцы или прародители? Или и то, и другое? Делать их фоном рабочего стола, достойны ли такой чести?

Кирие элейсон, как все сложно и неоднозначно...

Я вот что: покамест украшу-ка рабочий стол какой-нибудь из этих – с большими сиськами...

* * *

…В далеком 1969-ом я, девятилетний пацан, прочитал в журнале «Вокруг света» фантастический рассказ американца Артура Порджесса «Ценный товар». Он крепко врезался в мою память. Я бы включил его в десятку лучших фантастических рассказов всех времен и народов. Впрочем, не буду углубляться в подробности, а расскажу об одном из «героев» новеллы — удивительном космическом существе под названием «Солнечный Странник».

Порджесс придумал живой организм, способный существовать и расти в безвоздушном, пронизанном смертельной радиацией пространстве с температурой, равной абсолютному нулю. Солнечный Странник состоит из желеобразного тельца, от которого отходит парус. Под давлением солнечного света Солнечный Странник путешествует по всему космосу, питаясь космической пылью, подобно тому, как киты питаются планктоном. Солнечный Странник обладает способностью сворачивать или перекашивать этот парус и таким образом управлять собственным полетом в космосе.

Парус состоит из вещества, не встречающегося больше нигде во всей Галактике.

Тонкий и легкий, как самая изящная паутинка, он прочнее всех известных синтетических материалов. Солнечному Страннику требовалась по крайней мере тысяча лет, чтобы вырастить парус, молекула за молекулой, под лучами самых разнообразных звезд, в абсолютной пустоте космического пространства...

К чему я это?

…Иногда я кажусь себе таким вот Солнечным Странником – и парусом служит мне душа, которую я развернул когда-то во всю ширь и лечу так по жизни… Хорошо лететь по жизни с развернутой до отказа душой! Знаете, сколько всего хорошего встречает на пути мой парус?! Сколько хороших слов, сколько хороших людей, сколько интересных судеб! Сколько новых впечатлений! Тут ведь чистая математика: чем больше, скажем так, сеть, тем богаче, так сказать, улов… И на моем **«парусе»** оседает алмазная, платиновая, золотая, серебряная пыль…

Но вместе с тем должен заметить... Все на свете имеет свою оборотную сторону... И моя душа — развернутый парус — во многих местах покрыта гематомами, следами от ожогов, шрамами, плохо зажившими рубцами, кое-где и просто дыры виднеются, незалатанные...

Это – следы встреч с отвратительными людьми и недобрыми обстоятельствами. А также следы впечатлений и переживаний, которых не пожелаешь и самому лютому врагу...

Ну так в чем проблема? – скажут мне. Уменьшить площадь паруса – и все дела. И будет меньше шрамов, рубцов и дырок. В маленькую мишень труднее попасть. Логика. Чистая математика!

Да не хочется как-то, отвечу я. Конечно, если сильно постараться, можно скомкать свою широкую душу в подобие сжатого кулака и лететь по жизни так... И тогда, разумеется, будет меньше ран и прочих повреждений, нежелательных столкновений...

Но ведь и радостей тогда будет меньше!.. Много ли хорошего захватишь скукоженным парусом?!

Чистая математика. Душа — а чистая математика. Впрочем, математика, как сказал великий Ломоносов, — **«царица наук»**, и **алгеброй** можно **поверить** что угодно. В том числе, наверное, и душу.

Так что выбирай, говорю я себе. Либо раскидывай свой парус до наивозможнейших пределов и принимай на него максимум хорошего, но тогда немало нахлебаешься и дерьма, либо съеживай его до наивозможнейших пределов; тогда получишь минимум плохого... но и хорошего получишь тоже минимум. Одно, знаете ли, неразрывно связано с другим. И то, и другое неизбежно.

Выбирай сам площадь своего паруса...

* * *

...Иногда я горько сожалею о том, что опоздал родиться на десяток-другой лет. И что та чудесная эпоха, максимально соответствующая моим стремлениям и чаяниям, прошла, увы, без меня.

Родись я пораньше – и вполне мог бы:

- вместе с нестарыми еще Фолько Куиличи и Жак-Ивом Кусто снимать под водой фильмы «Голубой континент» и «В мире безмолвия»;
- вместе с нестарым еще Туром Хейердалом переплывать Атлантику на лодке из тростника;
- вместе с профессором Пьером Пфеффером снимать фильм о гигантских варанах с острова Комодо или вместе с профессором Джеймсом Смитом искать в Индийском океане кистеперую рыбу латимерию, дожившую до наших дней;

- вместе с нестарым еще Аркадием Фидлером путешествовать по острову Мадагаскар;
- вместе с альпинистом Ральфом Иззардом выслеживать в Гималаях «снежного человека»;
- вместе с молодым Джеральдом Дарреллом ловить диких зверей в Африке, а вместе с молодым Дэвидом Эттенборо ловить зверей в Южной Америке;
  - вместе с Гаруном Тазиевым изучать вулканы;
- вместе с молодым Игорем Акимушкиным исследовать осьминогов в Тихом океане, у Курильских островов...

Увы. И ах.

Мне могут возразить: всем этим можно заняться и сегодня, и на гораздо более высоком – с технической точки зрения – уровне. Кто мешает?

Я не буду сейчас останавливаться на вопросе **«кто мешает?»**. Насчет техники — да, перечисленные мною исследователи и путешественники пользовались передовой (для своего времени) техникой, которая сегодня выглядит, наверное, убогой и смешной. Сравните хотя бы пленочную кинокамеру, которую заводили вручную, как часы, с современной цифровой видеокамерой... Но я хочу сделать акцент не на технике, а, скорее, на атмосфере **той** эпохи.

Только-только закончилась страшная Вторая Мировая война, и кое-кто из перечисленных мною смельчаков сражался с нацистами; но не успело человечество перевести дух, как над его бедной головой нависла угроза еще более страшной, Третьей Мировой, с применением атомного оружия. Сегодня трудно в полной мере представить себе массовый психоз, что овладел тогда человечеством; все жили — фактически — под огромными часами, на которых стрелки показывали без пяти минут атомный Апокалипсис. Постоянно жить под дамокловым мечом — это, знаете ли... С неослабевающим ощущением того, что тебе, где бы ты ни жил, могут устроить ад покруче Хиросимы и Нагасаки... Тяжело было, одним словом. Хотя и тогда надеялись на что-то, боролись за мир, взывали к здравому смыслу, — но часы упрямо показывали без пяти минут всеобщий **Пипец.**

Й вот в такое время находились те, кто не впал ни в панику, ни в депрессию, а продолжал жить и работать так, будто у человечества имелось *гарантированное завтра*. Те, кто путешествовал, искал, что-то доказывал, исследовал этот, еще не до конца исследованный, мир, открывал его для себя и для других... И несовершенство техники тогда не было препятствием: энергия, азарт исследователя, упорство преодолевали все! И твердолобость и косность многочисленных чинуш, скептиков и перестраховщиков (думаете, легко было Кусто, Хейердалу или Дарреллу осуществить свои планы? Хо-хо!) тоже отступали перед напором энтузиастов!

И тогда документальные фильмы Кусто и Хейердала удостаивались «Оскара», а книги Джеральда Даррелла становились бестселлерами, и люди, живущие под угрозой атомного взаимоистребления, забывали обо всем и ахали от изумления, разглядывая снимки живого ископаемого, кистеперой рыбы, или при виде других живых ископаемых — «драконов острова Комодо», и спорили до хрипоты о «снежном человеке» — есть он все-таки или только померещился...

Это было отчаянное время. И путешественники были – отчаянные люди.

И их многочисленная аудитория испытывала жажду познаний, жгучий интерес к новому, еще не открытому... Это много позже люди обожрутся информацией и в массе своей утеряют интерес к окружающему миру, впав в депрессию – во многом, кстати, благодаря научно-техническому прогрессу. Ибо познания, легко достающиеся, слабо ценятся. А когда энтузиасты пытаются еще и дать ответы, на которые у людей нет

вопросов, – это вообще страшно... Оттого я и тоскую по тем временам, когда люди балансировали на краю пропасти, но не теряли любопытства к миру вокруг себя, и были тогда вопросы, и были ответы! Несмотря на **«смешную»** технику...

Повторяю, я, родившийся позже на пару десятилетий, чем следовало (по моему мнению, а на самом деле — родившийся тогда, когда надо), физически не мог примкнуть к этим Славным и Смелым Людям. Но я читал их книги и смотрел их фильмы. Значит, духовно был с ними. И в какой-то мере с ними попутешествовал..

И еще мне повезло встречаться с Туром Хейердалом, когда он посещал Азербайджан... а еще раньше, десятилетним пацаном, в 1970-ом, — пожить на Южных Курилах, где незадолго до этого Игорь Акимушкин собирал материал для своей диссертации по головоногим моллюскам...

Слава вам, ребята, – и тем, кто ушел, и тем, кто еще здесь. Тем, кого упомянул, и тем, кого не назвал.

Я живу в иное, более трудное, чем ваше, время. Но стараюсь делать все, что в моих силах. Путешествие продолжается – бесконечное путешествие...

* * *

…На канале **NatGeoWild** – документальный фильм о жизни какого-то примитивного племени в амазонской сельве. Оператор заснял обряд испытания индейских мальчиков. Вот что сделали взрослые.

Широкий лист растения свернули в трубку и сшили края. Острой костью понаделали в этой трубке множество дырочек. Потом взрослые поймали множество муравьев... не тех, которые могут убить своим укусом, но очень, тем не менее, кусачих и злющих. Головы муравьев осторожно просунули в дырочки, так, чтобы все челюсти были обращены внутрь трубки. Потом взрослые подозвали краснокожего голого мальчишку лет одиннадцати-двенадцати и велели ему всунуть руку в эту страшную трубку и держать там до тех пор, пока не позволят вытащить. Мальчишка повиновался; сотни муравьев тут же впились своими челюстями в детскую руку. Несмотря на адскую боль, испытуемому мальчишке полагалось сохранять невозмутимый вид и терпеть укусы молча, а еще лучше беззаботно улыбаясь. Гримасы боли, малейший стон или даже слабое шипение воспринимались взрослыми как проявление слабости, и паренек мог быть признан не прошедшим испытание; для него это обернулось бы позором. Поэтому краснокожие мальчики, один за другим просовывающие руки в трубку с муравьями, терпели боль стоически и даже улыбались. Так из них готовили будущих охотников и воинов, способных охотиться и выживать в сельве, полной врагов, опасностей, лишений и страданий, и уметь терпеть боль, которую могут причинить им как животные, так и люди.

Мне больно было даже смотреть на распухшие от многочисленных укусов руки, которые мальчишки вынимали из трубки по команде **«можно»**. Впрочем, пострадавшие конечности шаман тут же смазывал каким-то целебным снадобьем.

Да, это вполне можно назвать **«индейскими пытками»**, только им подвергали детей не жестокие враги, а любящие родные и друзья. Пытка муравьями — не единственная в арсенале индейцев; юным краснокожим, знаю, приходится выдерживать еще и не такое... Но повзрослев, мальчишки способны будут вынести все. И к этому их готовят с детства.

Я вырос в Баку, и я не индеец. Но и у нас, в нашем дворовом детстве, были подобные испытания. К ним подбивали нас не взрослые – мы сами, пацаны, брали друг друга на **«слабо?»** и придирчиво проверяли, настоящие мы пацаны или же размазни, маменькины сынки, плаксы и вообще – девчонки... Не прошедшему болевого испытания мальчишке грозило на долгое время – если вообще не навсегда – оставаться на одной из нижних ступеней дворовой иерархии, а то и вообще стать изгоем.

Одним из таких испытаний была так называемая «крапива» – кто-нибудь из пацанов брался за твое предплечье обеими руками и резко, со всей дури, выкручивал кожу в противоположных направлениях; кожа потом долго оставалась покрасневшей и сильно зудела (это у нас было вместо муравьев). Главное тут было – не вскрикнуть, не запищать. Еще были **«терпелки»** – спички. Их вставляли между пальцами руки и воспламеняли, и ждали, пока она не сгорит вся. Тут тоже важно было сохранить равнодушное выражение лица. Более серьезное испытание – прижигание кожи раскаленным кончиком сигареты. Полжизни я проносил на своих предплечьях темные кругляши давних ожогов. Ну, а самое жестокое из испытаний заключалось вот в чем; на тыльную сторону ладони испытуемого клали фильтр от сигареты и поджигали его. Полагалось терпеть до тех пор, пока не выгорит весь фильтр. Мало кто, честно говоря, мог вынести это испытание. Я, например, не мог. Я очень рано прочитал «Тиля Уленшпигеля», и на ум часто приходила сцена, где в застенках инквизиции палач жег паклю на голове женщины, подозреваемой в колдовстве. Помнится, бедняжка после этого сошла с ума... Пытку горящим сигаретным фильтром могли выдержать лишь считанные единицы. Я к этим единицам, увы, не принадлежал, хотя и мог похвастать достаточной силой воли.

Зато я реабилитировал себя в глазах дворовой пацанвы на другом испытании. В какой-то подсобке, в полуподвале, под самым потолком торчали два оголенных провода. Они вели к пыльной лампе. Хозяин, изрядный лодырь, не сладил выключателя, и лампу зажигал-гасил соединением или разъединением этих концов. Так вот, мы по очереди брались рукой за оба оголенных провода и терпели, кто сколько мог. Дольше всех выдерживал я. Помню, я даже улыбался, чувствуя, как мои пальцы кусает переменный ток... Не скажу, что это было мне особенно приятно – я по натуре не мазохист. Просто следовало держать марку, чтобы пацаны тебя уважали. В отличие от индейцев, наши взрослые в массе своей не одобряли таких «тестов». Их не одобряли даже суровые отцы, чего уж говорить о мягкосердечных мамах... И в дополнение к дворовым ожогам дома можно было получить раза два по шее или ремнем по заднице. Кстати, порка узким ремешком по оголенным ягодицам — испытание не хуже индейского...

Повторяю, мы жили в большом городе и не были дикими охотниками. Но кто сказал, что каменные джунгли чем-то отличаются от настоящих? Впереди нас ожидала жизнь. Нас ожидали и охота, и войны, и страдания, и боль физическая, и боль душевная, и мы тренировали друг друга на терпеливость, может быть, излишне жестоко... а заодно и проверяли, кто из нас слабак... Сортировка своего рода. Жизнь — суровая штука, братишка, плаксам тут не место.

Так что у нас были свои кусачие муравьи, только они выглядели по-другому.

Как оказалось, душевные муки нимало не уступают мукам физическим. Обидное слово друга или пренебрежительный смех любимой, или предательство любимой или друга — обжигали душу точно так же, как рдеющий кончик сигареты обжигал кожу, а то и сильней. Но мы, отроки, поняли это уже потом.

* * *

«Это планета Блук. Здесь меняют и продают самых удивительных животных!»

...Я смотрел по **«ящику»** старый добрый мульт **«Тайна Третьей планеты»** в сотый, наверное, раз. Несмотря на это, мульт я смотрел с неослабевающим интересом; хорошо сделанная работа не приедается, поверьте, никогда. В свое время эта полнометражная анимационная лента, снятая в 1981 году на студии **«Союзмультфильм»** режиссером Романом Качановым, стала настоящим событием. Отечественная мульти-

пликация нечасто баловала зрителей фантастикой, а тут — красочная рисованная история о приключениях людей XXI века: космического зоолога, профессора Селезнева, его маленькой дочери Алисы и капитана Зеленого; занятые интересной и вполне мирной работой (поиском редких инопланетных животных для космического зоопарка), они сталкиваются с коварными и жестокими космическими пиратами...

В том, 1981-ом, я только-только поступил на первый курс Азгосуниверситета, на биологический факультет. Учился старательно — грыз, что называется, гранит науки, не жалея ни гранита, ни зубов. Это может показаться странным, но в перерывах между штудированием учебников и конспектов я читал фантастику — мой отдых, таким образом, заключался в смене одних книг на другие (о, бедные мои глаза!). Тем не менее, фантастика позволяла расслабиться на какое-то время.

Летом 1983-го я взял в библиотеке новенький сборник зарубежной фантастики под названием **«Солнце на продажу»**. Из него особенно мне запомнился рассказ **«Звероловы»** известного американского фантаста Роберта Сильверберга.

Даже самый прилежный студент нуждается хотя бы в нескольких часах сна. И я, опустив гудящую голову на подушку или на руки, в течение небольшого промежутка времени между бодрствованием и сном представлял себя на космическом корабле в компании межпланетных звероловов... В трюмах корабля — вольеры для животных, пойманных на разных планетах: «Из вольеров доносились сердитые вопли голубых мартышек, которых мы поймали на Альферазе, и недовольное похрюкивание муравьедов с Ригеля...». Круто!

В тот год я и мои однокашники слушали курс зоологии позвоночных; лекции читал замечательный наш орнитолог и милейший человек, профессор Гара Мустафаев. Мы изучали разнообразие позвоночных тварей нашей планеты, зазубривали их систематику на латыни, пропадали в музеях и библиотеках, смотрели учебные фильмы... а я всякий раз, прежде чем провалиться в сон, видел себя в грезах одним из звероловов Сильверберга...

....и словно бы высаживался на неизвестной планете, а навстречу мне из густого леса выходило странное существо ростом не менее шести метров, похожее на жирафа, с миниатюрной головой на грациозной шее; оно передвигалось на шести длинных ногах... и глаза его — огромные фиолетовые шары, чуть выступающие вперед...

...на лугу я встречал собакоподобного зверька с блестящей, без единого волоска кожей и выпуклыми, как у насекомых, глазами...

...а у озера – птиц, очень похожих на пеликанов, но с восемью лапами...

...жутко интересно! И так бывало часто: тело мое пребывало на Земле, а мечты уносились в далекую Галактику и перелетали с планеты на планету, и все эти миры были населены диковинными зверями и птицами, которых следовало поймать или, по меньшей мере, понаблюдать за их повадками...

Психологи наверняка знают, как это называется; я же могу лишь сказать, что грезы о других планетах и об охоте на тамошних зверей и птиц помогали мне снять напряжение и как-то подбадривали. Пусть это и был чисто детский прием, но срабатывал он безотказно. Спасаясь от переутомления, я проскальзывал через приоткрытую дверь в вымышленные миры и охотился на вымышленных существ, а к утру возвращался обратно и бежал на занятия.

Вы можете спросить: почему это я предпочитал выдуманных животных реальным? Чем это фантастический шестиногий жираф лучше живого африканского слона, например? Что, разве земные животные недостойны внимания?! Достойны, безусловно, достойны. Но я с детства — большой любитель фантастики и стремился грезить о чем-нибудь необыкновенном...

...На канале **National Geographic** прошла передача о Новой Гвинее; в числе прочих тварей, населяющих девственные дождевые леса в горах Фоджа, на севере острова, рассказывали о «длинноносой ехидне» - весьма редком животном. Эта ночная охотница на червей – самое крупное из яйцекладущих млекопитающих, весом до 16-17 килограммов; ее называют самым странным млекопитающим в мире, и не зря. Рыльце с электрорецепторами помогает ехидне находить в земле дождевых червей, которых она нанизывает на гарпунообразный, с зазубринами, язык и втягивает в рот, как спагетти. Мускулистое тело длинноносой ехидны покрыто острыми иглами (видоизмененные волосы), в случае опасности она сворачивается в клубок, подобно ежу. Самки длинноносой ехидны выделяют молоко через млечные поля, а у самцов имеется, извиняюсь, пенис с четырьмя головками! Ну скажите на милость – как не счесть этого очень и очень странного зверя представителем инопланетной фауны, тварью родом откуда-нибудь с Проксимы Центавра, или Каппы Водолея, или Альфы Южного Креста? Однако ж это чудо-юдо – дитя земной Природы, целиком и полностью, от кончика длинного носа и до четырехглавого пениса... Как видите, реальные животные, обитающие на нашем голубом шарике, порой способны затмить инопланетных зверей, придуманных фантастами (помнится, есть такой анекдот – еврей, впервые увидевший жирафа, воскликнул: «**He** может быть!»).

* * *

...Двадцать третье февраля. По опыту своему знаю, сколько яда, желчи и гнева будет вылито на Фейсбуке в этот день на Советскую Армию. Послушать некоторых – так Советская Армия была какой-то преступной организацией, служить в которой было зазорно и постыдно. Но мне плевать на это. Мне нечего стыдиться и не в чем каяться. Я отдал свой долг Родине, честно отслужив два года в небесных пограничниках. Так я называю войска Противовоздушной Обороны. Это не преувеличение: во время заступления на боевое дежурство мы понимали, что именно через нас пролегает воздушная граница Советского Союза. Кольцо дивизионов ПВО окружало Запорожскую атомную электростанцию, прикрывая ее от авиаударов вероятного противника. Знаете, время от времени раздаются сладкие песенки о том, что на СССР, мол, никто и не собирался нападать, и что содержание таких многочисленных Вооруженных Сил для Советского Союза было ничем не оправдано и слишком накладно... Ага, щас. Как говаривал мой друг-одессит, расскажите это своей бабушке в два часа ночи, когда она спит, заткнув свои уши ватными пробками. Я служил в самом конце 70-х. Имело место противостояние двух политических систем, да еще какое противостояние! Образно говоря, супердержавы напоминали двух гигантских ковбоев, которые, как в спагетти-вестерне, стояли друг напротив друга, лицом к лицу, и оба они держали руки возле кобур с кольтами и потряхивали пальцами, чтобы ускорить в них кровообращение, и готовы были в любую секунду выхватить оружие и открыть ожесточенную пальбу... И не сделали этого лишь потому, что оба прекрасно понимали: противник, прежде чем будет повержен, успеет-таки разрядить свой барабан...

Теперь-то, после Сирии и прочего, вы, полагаю, хорошо представляете себе, что такое современная бомбежка, пусть даже и без применения атомного оружия? То-то... Вот от этого безобразия мы и оберегали граждан СССР, в том числе и тех, кто сегодня брюзжит, что мы понапрасну тратили тогда время и государственные денежки... Ну, а чем могло закончиться попадание обычной бомбы в атомный реактор, думаю, объяснять не надо.

Нашим потенциальным противником были НАТОвские самолеты, размещенные на базах в Турции и Греции. И это было не только старье, вроде «фантомов», «старфайтеров», «летающих крепостей», бомбивших еще Корею и Вьетнам, но и новые по тем временам F-14 «Томкэт» — бомбардировщики с изменяемой геометрией крыла В1А и пришедшие на смену U-2 самолеты-разведчики SR-71 «Черная птица»... Если не подводит память, там были еще и британские «Вулканы», и «Харриэры» с вертикальным взлетом-посадкой... Подлетное время — 45 минут; иными словами, если бы вся эта стая самолетов поднялась в воздух и двинулась к целям, то менее чем через час они превратили бы цветущую землю Украины в форменную преисподнюю. Если б мы, конечно, позволили им сделать это. Но мы, небесные пограничники, ребята со всех концов Союза, намеревались им этого не позволить. Локаторы чутко слушали небеса. Заостренные носы зенитных ракет смотрели вверх, образуя своеобразный частокол, мешающий всяким козлам влезть в наш огород. А МИГи готовы были взмыть и встретить врага в воздухе...

А время было тогда непростое. На самой середине моей срочной службы в Иране произошла исламская революция, в Тегеране «*стражи исламской революции*» захватили в заложники сотрудников американского посольства, попытки выручить их вылились в трагедию — над Персидским заливом столкнулись два военно-транспортных вертолета с американскими морпехами... правда, позднее заложников все-таки освободили. А потом начался Афган... Короче, мы все были настороже.

Я очень скучал по Баку. Я видел его во сне. Когда выпадали свободные минуты, я садился на скамейку и провожал взглядом облака, плывущие в сторону Азербайджана. Я строил планы на будущее...

...у меня были далеко идущие планы, я собирался выучиться на биолога и стать исследователем и путешественником, а для этого надо было своевременно отслужить в армии и оставить ее за плечами, чтобы она впоследствии не отвлекала от учебы и работы...

...я погрузился в воспоминания. Точнее, в невозвратные годы школьного детства. Эх-хе-хе... За несколько дней до 23 февраля девочки из нашего класса начинали кучковаться и шушукаться на переменах, посматривая в сторону нас, мальчишек. Мы понимали, в чем тут дело, но притворялись, будто ничего не замечаем. А в день Советской Армии мы, мальчишки, придя на урок, находили на своих партах подарки от девочек — непременные поздравительные открытки и какие-нибудь сувениры или игрушки... Один из таких подарков я помню хорошо до сих пор; в старших классах я и мой друг Витя играли в самодеятельном вокально-инструментальном ансамбле, и девочки об этом прекрасно знали, поскольку мы несколько раз выступали в актовом зале школы... Так вот, мне подарили значок в виде позолоченной электрогитары. Мы носили эти значки, не снимая, до самого выпускного, и страшно ими гордились...

* * *

...По выходным, рано утром, на **ТВЦ-6** идет документальный телесериал **«Хищ- ники»**. В прошлую субботу я, едва продрав глаза и включив **«ящик»**, некоторое время с интересом наблюдал за схваткой варана с плюющейся коброй в африканской саванне. Ящер с толстой шершавой кожей наседал на мускулистую змею; змея периодически «стреляла» в ящера струйками яда, стремясь попасть в глаза, но у варана на этот случай имеется отличное приспособление — полупрозрачные роговые веки (ни дать, ни взять, защитные очки!). Две хищные рептилии, одна с лапами, другая — без, катались в пыли; на секунду мне почудилось, будто я случайно заглянул в поздний мезозой и стал

свидетелем битвы динозавров... Когда варан ухватил кобру пастью за середину тела, змея пустила в ход ядовитые зубы, но прокусить чешуйчатую кольчугу ящера ей было не под силу. Тогда кобра испробовала последнее средство — притворилась дохлой. Не помогло. Варан в несколько приемов заглотнул длинное змеиное тело и удалился...

Камера взяла общий план саванны. Вдали бродили львы, а неподалеку гепард гонялся за антилопой. А я, умывшись холодной водой и водя щеткой по зубам, думал об экзопланетах (я часто о них думаю). Не исключено, что там есть жизнь. Вот интересно, подумал я, там живые существа тоже вынуждены охотиться друг за другом и поедать друг друга, или же взаимоотношения между ними построены на каком-то ином принципе? И возможен ли вообще иной принцип?

Еще я подумал, что модель **«хищник-жертва»** у нас была успешно перенесена из дикой природы в сферу межчеловеческих отношений.

«Я не знаю, чем людские законы отличаются от звериных. Думаю, ничем. Звери так же плачут, когда находят своих детенышей мертвыми. Люди так же хватают зубами горло, когда не могут убить руками. Все так же. Неправым всегда остается тот, кто не дышит» (Евгений Шестаков).

Я служил в войсках ПВО. Схватка варана с коброй – захватывающее, конечно, зрелише; но дуэль ракетчиков со стратегическим бомбардировшиком (Б-52 или Б1А), поверьте, тоже захватывает. Бомбардировщик, несущий в себе ядерные заряды и увешанный ракетами, применяет массу хитроумных уловок, чтобы обмануть радары противника: тут вам и всевозможные постановщики радиопомех (для «ослепления» локаторов), и громадные облака из серебристых ленточек, распыляемые в воздухе и призванные скрыть самолет от бдительного локатора (как тут не вспомнить осьминогов, скрывающихся от врага в выпущенном чернильном облаке!), и сброшенные «ложные **цели»** (четыре толстенькие бомбочки с сильно искривленной поверхностью, каждая из бомбочек создает на экране локатора иллюзию самолета, и оператор наблюдает аж пять целей вместо одной), и специальные ракеты, которые летят точно по импульсу, исходящему от локатора, и поражают его прямо в антенну! Впрочем, ракетчики тоже не лыком шиты и имеют специальное оборудование, чтобы можно было отличить истинные цели от ложных и защититься от летящей «в лоб» ракеты, и, в конце концов, превратить начиненный ядерной смертью вражеский самолет в груду пылающих обломков, падающих на землю... А если все же не смогут – тогда бомбардировщик зажжет в небе мощное искусственное «солнце», которое превратит все, что под ним, в дымящуюся пустыню...

Вот такая вот борьба – уже не живых существ между собой, а технических чудовищ друг с другом. Это я рассказал сейчас о том, что было 35 лет назад, в пору моей службы; за прошедшие десятилетия ученые лбы, работающие на войну, понапридумывали, должно быть, много нового...

* * *

...я мечтаю вот о чем: чтобы в некоем историческом музее будущего рядышком стояли бы скелет, скажем, бронтозавра и межконтинентальная баллистическая ракета SS-18 «Сатана» с общей табличкой «вымерш.», и чтобы на одной витрине соседствовали бы дубина неандертальца и автомат Калашникова с общей табличкой «вышедш. из употребления». И, на отдельном постаменте, манекен генерала в полной парадной форме и рядышком — манекен политика, с надписью «несуществующ.». Такова уж моя сокровенная мечта, чтобы политические интриги и связанные с ними войны, насилие, оружие, армии безвозвратно канули бы в прошлое и были бы благополучно забыты и не мешали бы человечеству жить светло и счастливо, трудиться, познавать Вселенную, любить, рожать детей и не бояться за их жизнь... Чтобы всей этой дряни, связанной с на-

силием и войнами, в помине не осталось бы даже в музеях, понимаете? Но тут мой разум вступает в жесткую полемику с моими эмоциями. Постой-постой, говорю я себе, ты, кажется, допускаешь глупость: ведь если люди будущего напрочь забудут про все то зло, что было в их прошлом, – где гарантия, что они не столкнутся с этим злом снова? Если люди будущего не будут ведать, как выглядят лики Зла – как они опознают это Зло при возможной встрече? Чистые и безгрешные, обитатели будущего Эдема могут легко поддаться искушениям нового Змея и неосознанно начать новый круг слез, горя, крови и страданий... В культовом фантастическом романе братьев Стругацких «Обитаемый остров» землянин Максим, гражданин светлого будущего, воспитанный в духе гуманизма и доброжелательности ко всем и к каждому, случайно попадает на кровавую планету Саракш, в страну, в которой царит фашистский режим. И Максим, притираясь к незнакомому миру, очень долго совершает неадекватные поступки, не в состоянии реально оценить обстановку – а все потому, что на Земле будущего, избалованной долгим отсутствием войн и насилия, все уже забыли о фашизме, концлагерях, геноциде, Максим даже не помнит точно фамилию Гитлера... А ведь землянин столкнулся лицом к лицу фактически с прошлым собственной планеты! Но не узнал его... И вот тут невольно возникает вопрос: утрата исторического опыта – хорошо ли это? На мой взгляд, такое благодушие и такая забывчивость преступны. Нам необходимо помнить лики Зла, уметь распознавать их и уметь не впускать их в нашу жизнь... Так что глупая, скорее всего, мечта – этот мой музей...

* * *

Несколько месяцев назад Фейсбук предложил пользователям любопытный тест. Были помещены фото пяти рок-кумиров, в разное время ушедших из жизни: Джимми Хендрикса, Джима Моррисона, Фредди Меркьюри, Джона Леннона и Курта Кобейна. К фотографиям прилагался вопрос, адресованный каждому пользователю конкретно: мол, если б вы имели волшебную возможность вернуть к жизни кого-нибудь из них — только одного! — кого бы вы выбрали?

Я пригляделся к водопаду комментариев. 90 процентов откликнувшихся составляли представительницы прекрасного пола. Из них подавляющее большинство выбрало Фредди Меркьюри.

Немного голосов пришлось на долю Моррисона, Кобейна, совсем мало – на долю Хендрикса. И почти ничего – на долю Джона Леннона.

Я, не раздумывая, отдал свой голос именно Джону Леннону. И могу сказать, почему.

Нет, я никогда не был его фанатом. Из всей ливерпульской четверки я больше благоволил (и благоволю) сэру Полу Маккартни. Его музыка близка мне по духу, как и музыка Джорджа Харрисона. Леннон шел у меня в списке третьим — что ни говори, а брали за душу его мелодии и исполнение. В смысл его текстов я особо не вникал, но знал, что они зачастую вычурны и сюрреалистичны.

Тогда почему же я выбрал его? Можно подумать, мне были безразличны остальные! Да уж нет, не безразличны! Особенно Бог Гитары Джимми Хендрикс!

Но я выбрал Леннона. Причина проста.

Все остальные умерли своей смертью. Джон Леннон же – был убит.

8 декабря 1980 года фанат Леннона, человек по имени, которое я не хочу называть (нечего рекламировать геростратов, они того только и добиваются!) выпустил в музыканта, поэта, художника пять пуль из револьвера *Charter Arms Special*. Этого хватило с избытком.

Я выбрал Джона Леннона, и пусть остальные не обижаются.

Когда-то, в далеком 69-ом, Джон Леннон сочинил и исполнил свою знаменитую песню «Дайте миру шанс» (*Give Peace a Chance*), ставшую гимном молодежного протестного движения на всей планете.

Джон просил дать шанс миру.

Я, если б это зависело от меня, попросил бы дать шанс Джону.

* * *

(Написано за два года до Фукусимской трагедии) ...Не так давно один мой знакомый режиссер-кинодокументалист из Швейцарии спросил меня, сумел бы я придумать и снять документальный фильм на фантастическую тему, в котором не было бы никакой фантастики? Немного подумав, я ответил: да, смог бы. И это был бы фильм о путешествии во Времени, путешествии в прошлое и в будущее. И было бы в этом фильме две части.

Первую часть фильма я отправился бы снимать на Новую Гвинею, где в горных джунглях до сих пор живут первобытные племена чернокожих каннибалов. Они и сегодня добывают огонь трением, воюют каменными топорами и охотятся с примитивными луками... Эти люди ходят нагишом, в качестве украшений втыкают в нос заостренные рыбьи кости, а мужчины прячут свое достоинство в длинном футляре из высушенной тыквы и не прочь украсить свои хижины человеческими черепами... И это было бы путешествие в далекое прошлое, к самой заре человечества, в каменный век. Путешествие, для которого не нужна Машина Времени, и вообще не нужны никакие машины, разве что вертолет и кинокамера.

А вторую часть фильма я снял бы в Японии — в Токио, например. Я снял бы этот мегаполис с его многоярусными автострадами, сейсмоустойчивыми небоскрёбами, суперскоростными поездами... Я посетил бы выставку роботов, и салон автомобильных новинок, и лаборатории, и музеи, и библиотеки... Это и стало бы своеобразным путешествием в будущее, и тоже без Машины Времени, ибо японцы, как мне кажется, уже давно живут в том самом грядущем, к которому все мы так или иначе стремимся...

Вот так, безо всякой фантастики, в режиме реального времени можно совершить путешествие и в прошлое, и в будущее. И все это соседствует на нашей с вами планете и находится не так уж и далеко друг от друга. Голого охотника за черепами, разжигающего костер при помощи палочек, и японского робота-скрипача с семнадцатью пальцами на искусственной руке, первобытных каннибалов и создателей искусственного интеллекта отделяют друг от друга какие-то неполные пять тысяч километров — сущий пустяк в масштабе планеты...

* * *

...Клянусь звездой Бетельгейзе, что в созвездии Ориона я всегда относился и продолжаю относиться к Илону Маску и его космическим экспериментам с симпатией — это видно по моим статьям... Последний запуск тяжелого носителя **Falcon** с автомобилем «Тесла» и манекеном на борту, плюс сопровождающая полет песня **«Space Oddity»** в исполнении Дэвида Боуи, плюс положенная в «бардачок» машины фантастическая книжка Айзека Азимова — все это вызвало у меня подлинное восхищение, большей частью — ловкостью превосходнейшего пиар-хода; я бы и сам поступил точно так же, разве что книжку положил бы Ивана Ефремова или братьев Стругацких! Однако мне непонятно, отчего многие буквально писают кипятком и восторгаются так, будто (если судить по их восторгам) Илон Маск уже и вправду добрался до Марса! Позвольте мне не пи́сать кипятком — тем более ради того только, чтобы насыпать соли на хвост Роскосмосу. Я глубоко убежден, что космическая экспансия будет осуществляться как государственными структурами, так и частными компаниями, и это хорошо. К звездам, как и к Богу, путей много. Но выдавать желаемое за действительное, как этот придурок с «Мухи Москвы», уже на следующий день ляпнувший в эфире, что «Тесла» достигла-де Марса и ведет оттуда прямую трансляцию... На самом деле «Тесла» с манекеном в космическом скафандре будет болтаться в пространстве между Землей и Марсом ближайшие пару миллионов лет, только и всего. До самого Марса еще очень, очень и очень далеко, и проблема здесь упирается не только в ракету-носитель...

Короче говоря, ситуация вокруг последнего запуска **Falcon** напомнила мне старый школьный анекдот. Девочки ба класса, которых Вовочка достал своими постоянными скабрезностями, договорились при очередной его скабрезности дружно встать и молча выйти из класса. И вот Вовочка входит в класс, бухается за парту и с ходу объявляет: «А в нашем районе публичный дом будет!» Девочки, как и было уговорено, молча встают и направляются к дверям. «Э! – кричит Вовочка, – вы куда?! Там же только фундамент заложили!»

Фундамент. Все достижения Илона Маска – пока что фундамент. Но я аплодирую ему – звонко.

* * *

«... – Меня нередко спрашивают: а не оторван ли я от реальной жизни, подобно многим фантастам? Вокруг полно нерешенных проблем, а я упорно размышляю о внеземной жизни. Кому это нужно? Люди в массе своей придавлены собственными заботами, а многим так и вообще неинтересно, есть ли жизнь где-то за пределами Земли, их интересует лишь собственная жизнь. И так далее... На это я отвечаю: по моему убеждению, именно сейчас, в это тяжелое, смутное, больное, очень зыбкое для человечества время как никогда важно узнать, существует ли внеземная жизнь. Жизнь, подчеркиваю, а не Разум. Особенно в пределах Солнечной Системы, по соседству, так сказать.» (из выступления перед учащимися Евролицея)

* * *

(написано в ноябре 2013-го, в связи с мировой премьерой фильма Алексея Германа-старшего «Трудно быть Богом» по одноименной фантастической повести братьев Стругацких) ...Известный итальянский писатель и ученый-гуманитарий Умберто Эко написал эссе о ленте «Трудно быть Богом». Он признался, что после просмотра «отходил от шока три дня», а в конце добавил, что «после Германа фильмы Тарантино кажутся диснеевскими мультиками». Сильно сказано.

Сам я фильма пока что не видел, но, если судить по фрагментам и многочисленным фотографиям, в картине Германа слишком много грязи и крови (примечательно, что весь фильм снят на черно-белую пленку, что усиливает отталкивающий эффект). А в повести Стругацких не так уж много грязи и крови, к вашему сведению. Книга Стругацких страшна другим — атмосферой, царящей хоть и в вымышленном, но таком знакомом мире! (Действие повести, напомню, происходит на другой планете, в королевстве Арканар, где причудливым образом переплелись средневековье и фашизм). Страшно было от той ненависти, с которой обыватели королевства Араканарского относились к интеллектуалам (так называемым «книгочеям») — ко всем тем, кто хоть немного интересуется астрономией или географией, кто пишет стихи или картины, и вообще к тем, кто просто грамотен; грамотным людям место в темнице, а еще лучше — на колу! Страшно было от

понимания того, каково быть таким вот книгочеем в удушливой и смертельно опасной среде мещан и мракобесов, в атмосфере тупости, пошлости, всеобщего доносительства и торжествующей посредственности. Страшно было при виде того, как дешево ценится жизнь человека в королевстве Арканарском, при виде произвола и безнаказанности государственных шпиков и «серых штурмовичков», которые могли схватить, ограбить, линчевать самолично или обречь на тюремное заключение, пытки и на жуткую смерть любого из подданных, хоть за истинную вину, хоть за мнимую, просто от скуки или по внезапному капризу. Страшно было оттого, что землянин-историк, порядочный человек, умный, добрый (по терминологии ранних Стругацких – «коммунар», в самом лучшем смысле этого слова) вынужден был носить личину аристократического ублюдка, дуэлянта и альфа-самца, чтобы ничем не выделяться среди окружающих его скотов, и понемногу сам становился таким же скотом, потому что «...в каждом из нас благородный подонок борется с коммунаром, и все вокруг помогает подонку, а коммунар – один-одинешенек, до Земли тысяча лет и тысяча парсеков...». Страшно было от понимания того, что всемогущие земляне не могут вмешиваться в чужую историю и тем более вмешиваться активно – убить, например, злодея, палача, тирана, убить даже в целях самозащиты; не зря ведь эпиграфом к «Трудно быть Богом» Стругацкие взяли строки Хемингуэя: «Должен предупредить вас вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?»

Наконец, страшно было от осознания того, что никакую планету (читай: никакой народ, никакую страну, никакую цивилизацию) невозможно насильно перевести с одного уровня на другой, подстегивая естественный ход истории (в поразительном по своей силе диалоге между Антоном-Руматой, пришельцем с коммунистической Земли, и Будахом, местным ученым, есть такие слова: «Тогда, Господи, сотри нас с лица земли и создай нас более совершенными... – говорит Будах, – а еще лучше, оставь нас в покое и дай нам идти своей дорогой»).

Страшно, страшно... В повести мерзкая серая грязь превалировала не столько на арканарских улицах, в дворцовых покоях и в кабаках, сколько внутри самих арканарцев, и вот это-то и было по-настоящему страшно! Стругацкие сумели передать это словами. Интересно, сумел ли Герман передать это образами?

* * *

Перемены.

О, древние китайцы знали толк в проклятиях, желая недругу: **«Чтоб ты жил в** эпоху перемен!»

Я живу в такую эпоху.

Как я представляю себе перемены? Точнее, их образ?

В моем воображении это – уродливого вида колоссальная машина в виде приплюснутого диска; она ползет, не касаясь брюхом земли, поскольку передвигается на воздушной подушке. Спереди у нее – некое подобие головы. Впрочем, я выразился неточно: там, где полагается быть голове, торчат огромные страшные челюсти с громадными зубами. Железные.

Машина ползет, ползет по привычному, устоявшемуся в понимании пространству, по городу, который тебе и многим другим кажется милым и самым лучшим на свете... и перемалывает своими ужасными челюстями все, что попадается на пути. Милый, привычный город превращается в груду обломков, и обломки исчезают в чреве механического чудовища.

Люди... Одни бегут от чудовища, охваченные ужасом, другие замирают в оцепенении, не веря происходящему, третьи идут навстречу, гневно потрясая кулаками и выкрикивая проклятия...

Железные челюсти жуют всех.

Те из людей, кто избежал огромных зубцов — попадают под гигантское брюхо машины. И тогда мне чудятся странные звуки. Вы ходили когда-нибудь, дурачась, по упаковочной пленке с многочисленными пузырьками, наполненными воздухом? Слышали, как они лопаются под пятками? Когда я смотрю на машину перемен, которая в знойном мареве, в струях колышущегося воздуха надвигается на меня, мне кажется, будто я слышу такие же звуки. Возможно, это лопаются человеческие души.

Приплюснутый монстр, чудо-юдо, ползет, ревя и методично щелкая челюстями, пожирая все, что перед ним... а позади него в знойном мареве, в струях колышущегося воздуха медленно возникают, как на проявляемой фотографии, силуэты новых, модерновых зданий, очертания нового, современного города, фигуры новых, изменившихся людей... Не сразу. Постепенно. Новое не формируется в мгновение ока, поэтому какоето время приходится «любоваться» видом развалин. Зато потом...

Потом призрачные контуры позади механического чудовища густеют и воплощаются в новых людей и новые вещи.

Наверняка во всем этом есть какой-то высокий смысл. Перемены неизбежны – ни жизнь, ни история не застывают, как сосновая смола или как вода на сильном морозе. Движение и обновление будут существовать всегда, до тех пор, пока во Вселенной полностью не воцарится Хаос.

И как ни ужасна машина перемен с ее всесокрушающими челюстями – она необходима. Она появлялась в истории нашей планеты многажды, и еще появится не раз. И будет дробить в мелкий щебень все старое, рождая из переработанного материала что-то новое.

Отчего же мне так неуютно? Хоть я все и понимаю умом...

Понимание — это математика. Треугольник ABC равняется треугольнику А-прим В-прим С-прим. Старое должно уступить место новому. Железный конь идет на смену крестьянской лошадке. Он придет, он будет добрый, ласковый, Ветер Перемен! Есть, сэр!

Так может ответить, наверное, робот.

А человек, обычный человек...

Новое минус старое — остается разность. Вот эта разность и есть душа (ты гляди, и тут математика...) со всеми ее привычками, традициями, пристрастиями, идеалами и прочим морально-этическим барахлом. Вот эта разность и болит, и ноет, напуганная переменами и пораженная обесцениванием всего того, что было тебе дорого и составляло твою сущность.

* * *

...Я к тому же еще и рисую. Так, для себя. У меня есть недурные эскизы. Со смыслом.

Один из эскизов называется «Слеза последнего динозавра».

Он сделан несколько в духе Зденека Буриана. На переднем плане – агонизирующий динозавр. Он лежит в груде поломанных хвощей в нелепой позе; собственно, почти всю нижнюю часть рисунка занимает голова динозавра, хорошо виден его тускнеющий глаз и стекающая по щеке слеза.

Над ящером нависает выступающая из тумана ветка, а на ней сидит нечто вроде умывающейся мыши с длинным хвостиком.

А еще выше – небо с облаками, и одно из облаков очертаниями напоминает фигуру танцующей женщины...

Я не знаю, плакали ли динозавры (современные крокодилы и морские черепахи плачут, но это не от избытка эмоций – просто таким образом они удаляют из организма излишки соли; впрочем, сейчас это не столь важно). У меня на картине динозавр плачет. И это либо «скорбная слеза», вытекающая за несколько секунд до того, как живое существо испустит дух, либо же слеза сожаления – в самом деле, десятки миллионов лет динозавры были владыками Земли, плодились, размножались, процветали, и им казалось, что так будет всегда!

Но тут грянули перемены... и изменился климат, изменились обстоятельства, старый, привычный мир ушел в небытие вместе со всем его великолепием и разнообразием, и вот — самый последний динозавр доживает свои последние секунды, зная, что после него на Земле не останется ни одного его сородича, и не ведая, что мир начнут азартно осваивать птицы и млекопитающие...

...а потом придет время Человека.

Начав с костяных дубинок и каменных топоров, Человек постепенно дойдет до микроскопов и экскаваторов и когда-нибудь заинтересуется давно вымершими тварями. Люди примутся глубокомысленно изучать кости и отпечатки динозавров, писать о них научные и художественные книги, рисовать их на картинах, снимать о них блокбастеры, делать игрушки, придумывать компьютерные игры и спорить до хрипоты — были ли покойные неповоротливыми драконами, еле волочащими за собой гигантские хвосты и сидевшими по горло в воде, чтобы не быть раздавленными собственной тяжестью, или представляли собой юрких смышленых ящериц, покрытых к тому же вполне птичьими перьями и охотящихся коллективно...

…Умирающий динозавр — уходящая натура. Мышеобразный зверек — настоящее. Облако в виде женщины — смутный призрак Грядущего. Все путем. Все течет, все меняется, уходят одни — приходят другие, а после других — следующие. И все бы ничего, если бы…

 $\dots$ если бы не слеза. Она — центральный персонаж картины. И не только потому, что расположена в самом центре композиции.

Кстати, забыл вам сказать: в слезе отражается мир, но не тот, что вокруг умирающего динозавра; в слезе видны пышные вайи папоротников и двое схватившихся не на жизнь, а на смерть ящеров...

* * *

...У меня есть мечта – написать три необычные книги. Не сказать, чтобы мечта эта трудноосуществима или неосуществима вовсе – просто ее воплощение потребует значительных средств и утряски всяческих формальностей.

Во-первых, я хотел бы провести какое-то время среди людей первобытного племени – на нашей планете еще сохранились такие, в дебрях Амазонии или на Южных Филиппинах. Они до сих пор живут в каменном веке и даже не пользуются огнем. Пожив среди них, овладев их языком, изучив их быт и обычаи и так далее, описать потом все, что я увидел и узнал. Мне интересно было бы понять, как живут и о чем думают мои собратья по «шарику», изолированные от всего остального мира и практически не имеющие представления о современной цивилизации.

Во-вторых, я хотел бы получить доступ к самому наисовершеннейшему Искусственному Интеллекту и провести с ним долгую беседу – с тем, чтобы понять, что он есть такое, в какой степени похож на человека и в какой степени отличается. И потом подробно описать наши **«беседы при свечах»**... вернее, при электронных лампах. В-третьих, предварительно пообщавшись с **цетологами** (специалистами по китообразным), воспользовавшись самыми новейшими данными о китовом «языке», взять своеобразное интервью у кита, причем не у дрессированного, из океанариума, а у дикого, вольного, живущего в море. Подготовленные вопросы я закодировал бы в звуки китового «языка» и с помощью гидрофонов адресовал бы морскому млекопитающему. А затем ответные его сигналы расшифровал бы (**«перевел»** на человеческий язык). Было бы крайне интересно узнать, так сказать, из первых уст, что кит думает о нас, людях, порасспросить его о житье-бытье, обсудить, возможны ли какие-нибудь иные формы взаимоотношений между людьми и китами кроме тех, которые существуют сейчас... Это если кит вообще захочет со мной общаться... И потом описать наши разговоры.

Возможно, все это выглядит сумасбродством, никому не интересной игрой праздного разума... Но, на мой взгляд, это немаловажно: попытаться постичь психологию примитивного человека, психологию нечеловека природного (морского зверя) и психологию нечеловека, созданного искусственно, и попытаться сопоставить их. Возможно, такой опыт помог бы потом и людям найти общий язык между собой. Во всяком случае, я так думаю.

И все это, повторяю, я описал бы в книгах. Не в фильмах. На мой взгляд, буквами тут будет лучше.

* * *

...мне довелось видеть и извержение вулкана на Дальнем Востоке, и солнечные и лунные затмения, и звездные дожди, и падения болидов, и огни Святого Эльма высоко в горах, и радугу, и миражи в пустыне, и сильные грозы, и шаровую молнию... Несколько раз наблюдал НЛО и действительно до сих пор не могу понять, что же это такое было то ли корабли пришельцев, то ли секретная военная техника, то ли необычные атмосферные явления... Это все чрезвычайно интересно. Но я бы особо выделил свои наблюдения за кометой и за рождением бабочки. Я наблюдал за кометой Галлея в 86-ом и кометой Хейла-Боппа в 97-ом. Я завороженно смотрел в небо, на светлую запятую, которая ночь за ночью заметно меняла свое расположение на небосводе... Понимаете, Луна, Венера, Марс, Юпитер – это привычные светила. Звезды – они очень уж далеко. А вот кометы – это небесные странницы, которые приходят в нашу Солнечную Систему и уходят из нее с определенной периодичностью, и иногда пролетают совсем близко от Земли. Люди издавна относились к кометам с суеверным ужасом, видя в них предвестников страшных бед, эпидемий, войн. Я отлично знаю, что комета – это просто летящая в космической пустоте глыба льда с газовым хвостом, но вот куда денешься от того факта, что появление, например, кометы Галлея, случающееся раз в 75 лет, предваряет социальные потрясения буквально глобального характера? В предпоследний раз она пролетала мимо Земли в 1911 году, и за этим последовала мировая война, революции, мятежи... Ну а что произошло после последнего, «перестроечного» визита кометы Галлея - мы все, к сожалению, слишком хорошо помним... Возможно, я несколько утрирую, однако факт есть факт, и я обязан принимать его во внимание. Но мне нравилось смотреть на кометы, я чувствовал какую-то свою сопричастность к тайнам Мироздания, я осознавал, что вижу небольшую деталь механизма необъятной Вселенной, в масштабе которой каждый отдельно взятый человек – даже не пылинка, даже не микроб... И в то же время я гордился тем, что я – Гомо Сапиенс, который может вместить в своем небольшом, размером с детский мячик, мозгу всю Вселенную вместе с ее кометами, планетами, галактиками и туманностями...

А что касается рождения бабочки... По моему глубочайшему убеждению, этот метаморфоз – одно из величайших чудес на свете! Я неоднократно наблюдал за этим про-

цессом и никак не могу надивиться на него. Судите сами: жирная зеленая гусеница, безостановочно поедающая листья, сворачивается в твердую неподвижную куколку. Куколка становится как бы футляром для нового существа, приобретает очертания будущей бабочки. А гусеница внутри куколки растворяется в жижу, заполняет готовую «форму» и переплавляется в совершенно иное существо! Когда приходит срок, куколка лопается, из нее выбирается покрытая слизью бабочка со смятыми, мокрыми крыльями, расправляет их и сушит под солнцем. Очень скоро крылья превращаются в великолепной красоты плоскости, покрытые чешуей, как черепицей. Взрослое насекомое взлетает в воздух и отправляется искать цветы, чтобы пить из них нектар... Я приносил домой куколки многих обитающих в Азербайджане бабочек – в том числе и тутового шелкопряда, который тщательно обматывает себя нескончаемой шелковой нитью и закукливается внутри этого кокона – и тщательно наблюдал за их рождением. В такие минуты понимаешь, что жизнь – вовсе не «пустая и глупая шутка», как говорил в свое время Лермонтов... Видите, я привел по одному примеру из области как неодушевленной материи, так и живой Природы. Они дополняют друг друга, и одно вытекает из другого. Следует ценить весь этот мир в любых его проявлениях, я думаю.

* * *

(февраль 2013) ...Кстати, еще об Иране. На прошедшей неделе во всех ТВ-новостях сообщалось об успешном запуске иранскими учеными обезьяны в околоземное космическое пространство. В головной блок обычной баллистической ракеты посадили макаку-резуса в скафандрике; она взлетела на высоту 120 километров, а потом вернулась назад живой-здоровой. В принципе, я рад успехам иранской космонавтики (как рад успехам в этой области любой из стран), но вот что повергает меня в смущение. Для Ирана запуск в Космос хотя бы и обезьяны – важнейшее событие, так? Но Иран – исламская страна, так? А в исламе обезьяна – нечистое, презренное животное... Я вспоминаю следующий эпизод из книги Юрия Сенкевича «На «Ра» через Атлантику». На папирусной лодке, на которой международный экипаж под руководством Тура Хейердала пересекал океан, имелась ручная обезьянка Сафи. Как-то раз она помочилась на спальный мешок Абдуллы Джибрина, темнокожего мусульманина из Чада. И правоверный вынужден был держать после этого строгий 40-дневный пост, а также часто омываться, расходуя дефицитную пресную воду (омываться морской водой Абдулла категорически отказывался). Так-то вот... Прорыв в Космос, прорыв, важный как с технологической, так и с политической точки зрения – и с помощью нечистого животного? Мне вот интересно, как с этим казусом разберутся иранские муллы....

* * *

(сентябрь 2017) Когда на Флориду надвигался ураган «Ирма», мне приходилось часто слышать от некоторых россиян страстное пожелание, чтобы Америка вместе со всеми американцами была сдута этим ураганом к чертовой матери, да так, чтобы и следа от нее не осталось. При этом настойчиво повторялась мысль, что катаклизмы, постигающие США, есть некая кара небесная за все те злодеяния, что натворили в мире американцы.

Люди, высказывавшиеся подобным образом, искренне считают США воплощением мирового Зла, которое сеет повсюду ветер и таким образом пожинает бурю. Знаете, у них есть некоторые основания так считать. Я частично разделяю их точку зрения (в той части, что Америка довольно часто « $\it ceet Betep$ »)... но вот чего я не разделяю и никогда разделять не стану — так это пожеланий гибели всей стране под названием США и

всему американскому народу. Нет, сам я, без сомнения, напинал бы кое-каким американским продажным политикам, расистам, человеконенавистникам, генералам, посылающим на убой черт-те куда тысячи молодых американских парней во имя Его Величества Доллара... но помилуйте, при чем тут остальные-то?! Зачем призывать кары небесные на голову простых американцев, из которых лишь некоторые разделяют точку зрения своего правительства, а прочие к ней либо индифферентны и заняты своими делами, либо даже вовсе против... да вот только повлиять на политику правительства никак не могут... что, и они должны погибнуть?! Ну уж, нет. Когда я представляю, как кто-то желает гибели всем американцам — а значит, и ни в чем не повинным старикам, работягам, художникам, коммивояжерам, влюбленным, беременным женщинам, подросткам в школах и младенцам в колясках — я морщусь, как от зубной боли. Зачем? Зачем это?..

Впрочем, бывают и другие повороты.

Мне часто приходится слышать пожелания вроде того, что **«скорей бы исчезла с лица Земли Россия, миру сразу стало бы легче»**. Желающие этого вполне искренне считают Россию **Мордором**, сеющим повсюду ветер и пожинающим бурю в виде ураганов, наводнений, лесных пожаров и просто пожаров, техногенных катастроф и тому подобного. Бог, мол, не Тимошка. Знаете, и у этих людей есть свои основания ненавидеть Россию. И я где-то могу разделять их точку зрения... но лишь частично, ибо, не преминув напинать кое-кому из продажных политиков, расистов, человеконенавистников, генералов, я никогда не стану желать зла всей России и всему российскому народу в целом. Ибо такая точка зрения глупа до невероятности. Представьте себе дурака фермера, который из-за пучка сорняков заливает мазутом все поле...

...Злорадство. Судя по всему, оно в человеческой природе. И мстительность – тоже. Во время каких-либо бед, постигающих страны Запада, некоторые из бывших граждан Советского Союза искренне радуются. Мол, когда разрушали СССР, когда мы остервенело убивали друг друга, продавали боевые ордена, чтобы не подохнуть с голоду, и всетаки подыхали, когда территории бывших республик резали по живому, бросая людей там и тут, когда танки палили по Белому дому, а миллионы людей пережили колоссальный психологический шок и остались беспомощными перед лицом обстоятельств или срывались и начинали чудить, – мол, тогда на Западе ликовали: так вам, коммуняки, так вам, совки! Ликовали, буржуи чертовы? Ну так сейчас сами хлебните горяченького, до слез, чтобы аж до самых печенок проняло, чтобы вы на своей шкуре испытали, что нам тогда пришлось пережить!

Злорадство. Поганая, прямо скажем, черта.

Слушайте, может, это пережиток какой-нибудь? Древнейший? Интересно, а пите-кантроп радовался при виде того, как питекантропу из соседнего племени падал на голову первобытный кирпич? Наверное, радовался, но радость эта базировалась на чисто практических соображениях: одним потенциальным врагом меньше. Ибо нелегка была жизнь питекантропов, протекающая в вечных конфликтах за территорию; впоследствии люди стали обозначать бойцов «штыками» и «саблями» (помните, в исторических романах — «у нас (или у них) столько-то штыков и столько-то сабель»), а наши далекие предки считали противника, скорее всего, по клыкам; так вот, «одним клыком» у врага меньше — уже радость...

А сейчас?

Ну, а элементарное соображение-то должно быть? Представьте, что на ненавистную вам страну обрушилось стихийное бедствие, и сорванная ветром балка падает на голову малышу, который в будущем может стать всемирно известным музыкантом, архитектором, педагогом, изобретателем... в конце концов, врачом, который победит рак! И не станет — поскольку вы в гневе призвали на его страну катастрофу. Мне тут

могут возразить, что судьба, и так далее, и что без Воли Божьей и волос не упадет с головы... Что ж, возможно, и так. Но ваше пожелание, чтобы буря свернула этому малышу головенку вместе с волосами, тоже будет *Им* учтено и записано.

Элементарное соображение... Какое там соображение? Злоба застилает глаза. Злоба и злорадство. Ключевое слово – **«зло»**...

И вот вам мое воззвание, а скорее всего, просьба. Точнее, их три.

Где бы вы ни жили, кем бы вы ни были – никогда не радуйтесь несчастью или катастрофе, постигшим другую страну. Ибо сегодня земля разверзлась под ногами у них, а завтра точно так же может разверзнуться под ногами у вас, и тогда вам будет не до радости, точнее, не до злорадства;

где бы вы ни жили, кем бы вы ни были – никогда не призывайте беды и катастрофы на чужие страны. Ибо никто не знает, куда завтра подует ураган, может быть, и на вас, и тогда вместо смеха вы будете плакать;

где бы вы ни жили, кем бы вы ни были – всегда помните, что в ненавистной вам стране живут не только отвратительные люди, но и хорошие, которые не должны расплачиваться за мерзости своих соотечественников.

Все вы, рассуждающие о «бумерангах», – просто помните: на этом свете нет такой страны, такого государства, которое в прошлом, или в далеком прошлом, или в очень далеком прошлом не проштрафилось бы чем-нибудь, не обидело бы своих соседей или еще кого... И если Господь Бог по вашему хотению начнет возвращать брошенные когда-то бумеранги – наша планета превратится в гладкий, подобный бильярдному, шар без малейших признаков людей. Если Он припомнит все всем нам – жизнь на Земле иссякнет. Никогда не спрашивай, по ком дует ветер, ибо он дует по тебе. Так что давайте не будем...

...давайте не будем питекантропами.

* * *

(январь 2016) ...В редчайших случаях я теряю способность мыслить цельно, последовательно и хладнокровно. Это в тех ситуациях, когда люди терпят бедствие, – как тогда, на платформе «Гюняшли», – а я ничем не могу им помочь. Мысли становится похожими на комки в плохо сваренной манной каше...

...самое первое, благородное, какое-то детское желание — бежать, плыть, лететь туда и помочь. Хоть чем-нибудь! Хоть носилки таскать, хоть раны перевязывать, хоть растирать замерзших, хоть... Потом понимаешь, что со всем этим лучше справятся спасатели, профессионалы... и стараешься прогнать мысль, что иной раз и профессионалы могут сработать не самым лучшим образом...

...изнывая от ощущения собственной беспомощности, а также от ощущения своей полной бесполезности, начинаешь метаться туда-сюда или, напротив, впадаешь в состояние, близкое к ступорозному, и принимаешься ловить в сознании смысловые комки, и горячо молиться за тех, кто в это самое время горит и тонет, а также за тех, кто тушит и спасает — что еще остается?..

...а где-то глубоко в душе пульсирующе, с накатами, болит, как нерв внутри зуба, безостановочно...

Да.

Комок. Из собственных воспоминаний. Во второй половине 80-х я выходил в Каспийское море на научно-исследовательском судне «Элм». И в каждом рейсе проводилась хотя бы одна учебная тревога. Как правило, в темное время суток. И я, изрыгая проклятия (да какого черта, кому это все надо?!), надевал оранжевый спасательный жилет и занимал место в оранжевой спасательной шлюпке, рядом с другими членами

плавсостава и научниками, облаченными в такие же жилеты. Когда первичное раздражение слегка унималось, я начинал представлять себе, что тревога вовсе не учебная, что судно ушиблено каспийским айсбергом или протаранено иранским «Наутилусом», и придется какое-то время качаться на волнах в этой шлюпке, подъедая неприкосновенный запас, томиться под палящим летним солнцем, мокнуть под секущим осенним ливнем, лязгать зубами на зимнем холоде... Потом я представлял себя уже не сидящим в шлюпке, а болтающимся в студеном зимнем Каспии – и начинал по-иному относиться к спасательному жилету. Хороший был жилет, с высоким стоячим воротником вроде хомута, по обе стороны его – лампочки; кажется, в специальном кармашке лежал свисток. Высокий воротник не давал вам захлебнуться, если вы без сознания, да и вообще поддерживал голову в поднятом положении; ведь в холодной воде человек может выдержать несколько часов, но при одном условии – чтобы затылок не соприкасался с водой...

...это было выяснено опытным путем, во время Второй мировой войны. Эсэсовские медики ставили опыты на заключенных концлагерей – помещали их голыми в ванны или в бассейны с колотым льдом и наблюдали, сверяясь с хронометром, сколько может выдержать человеческий организм. Делалось это по личному приказу Генриха Гиммлера и ради германских моряков и летчиков. Кстати, тогда же было установлено – и тоже опытным путем – что извлеченного из ледяной воды окоченевшего человека лучше всего может отогреть тепло обнаженного женского тела!

По счастью, мне никогда не доводилось терпеть кораблекрушение и оказываться в ледяной воде... но как я понимаю несчастных наших нефтяников, которых буря разметала в тот день и последующие дни по холодному зимнему Хазару!

...Еще комок. Середина 80-х, Украина, Луганская область, город Красный Луч. Лето. Я, студент, на каникулах гощу у знакомых. Глава семьи, дядя Иван, – шахтер. Все хорошо, но вдруг – завал на шахте, а дядя Иван как раз на смене. Я вместе с семьей бегу туда. У ворот управления – толпа, в основном, женщины и дети; их мужья, отцы, братья сейчас замурованы там, глубоко под землей, а другие мужики яростно пробиваются к ним, чтобы вызволить из заточения. Но это все там, внизу, этого не видно и не слышно, а тут, наверху, воздух насыщен ужасом и болью, истерят женщины, плачут дети, надсаживается начальство, пытаясь хоть как-то успокоить и обнадежить... И толпа не расходилась несколько суток, разве что детей разнесли по домам... родственники дневали и ночевали здесь же, в ожидании вестей оттуда, снизу. Потом шахтеров спасли. Они вышли на поверхность – изможденные, чернолицые, радостные. Наверное, точно так же народ ликовал девятого мая сорок пятого, когда объявили Великую Победу. Я тискал щуплого дядю Ивана в очередь с его женой и обоими детьми, и тут впервые отчетливо ощутил, с каким героем имею дело. До этого по вечерам на кухне мы с ним пили водку, слушали Вилли Токарева, разговаривали «за жизнь», вместе ездили на рыбалку, – и он мне казался обычным человеком, таким же, как все... Мы недооцениваем, увы, живущих среди нас и кажущихся обыкновенными людьми летчиков, моряков, нефтяников, шахтеров, высотников, полярников, пожарных, не думая о том, что они каждодневно и буднично работают со стихиями, которые появились задолго до появления на Земле человека... да что там, задолго до появления на Земле жизни, и которые останутся и тогда, когда ни человека, ни жизни на Земле уже не будет... И если с этими людьми на работе случается беда, то это особенная беда, связанная с разбушевавшимся морем, взбудораженной землей, разъяренным огнем, взбесившимся воздухом, остекленевшей водой... И тогда маленькие, но упрямые и смелые человечки борются со всеми этими проявлениями стихий, пытаясь уцелеть, а другие упрямые и смелые человечки бросаются им на помощь, чтобы спасти, и часто спасают...

...но иногда – нет.

Верю ли я в то, что виновные в пожаре на платформе «Гюняшли» будут наказаны? Верить-то верю, но на деле... Во всех странах нерадивые руководители самых разных — особенно высоких — рангов накопили богатейший опыт в деле ускользания от заслуженной кары, либо умеют смягчать ее до терпимой консистенции, либо же подставлять под серьезное наказание так называемого «стрелочника» — человека, в малой мере ответственного за произошедшее... бывает и так, что виновного просто «назначают», и будет он нести кару за кого-то... Впрочем, время от времени суровый меч закона настигает и истинных виновников, невзирая на лица. Плохо то, что наказание зависит не только от закона, но и от конъюнктуры момента и от игры случая...

...и меня волнует не только то, понесут ли наказание виновные в пожаре на «Гюняшли» (должны, непременно должны!). В такой же мере меня волнует, послужит ли это уроком для других. На будущее. Чтобы упрямые, смелые работяги, качающие из недр черную жидкость и измазанные ею с ног до головы, могли быть уверены — их здоровье и сама жизнь в безопасности, на них не собираются экономить, и в случае форс-мажора для их спасения будет сделано все возможное и даже невозможное.

Верю ли я в то, что так оно и будет?

(Комок).

Не верю. Но – разочаруйте меня!

* * *

(июль 2013) ...Восторги по поводу Далекой Голубой планеты, недавно открытой астрономами NASA, сменились горьким разочарованием. Далекую Голубую, напомню, открыли с помощью орбитального телескопа «Хаббл». Похоже было, что планета, имеющая атмосферу, покрыта также и океаном – то есть, вода, много, много воды! Это внушало оптимизм. Но последние, более точные анализы полученных данных показали: на планете царит тысячеградусная жара, бушуют раскаленные ураганы; от сильнейшего жара кремний спекся в стеклоподобную корку – ею-то и покрыта вся планета, и блеск этого стекла ошибочно приняли за блеск воды... Об этом я узнал из новостей на канале **RBK.** Подстрекаемый фантазией, я попробовал вообразить себя на Далекой Голубой, на этой обманщице, и как я, облаченный в жароупорный скафандр, иду по унылой, бесконечной стеклянной равнине, клонясь под невыносимо раскаленными ветрами... потом подумал: а при чем тут фантастика? Некоторые скверы и парки нашего родимого города выстланы гладчайшей, чуть ли не полированной плиткой; я не знаю, чей конкретно гений до этого додумался, но на этом покрытии и летом-то постоянно скользишь, а во время дождя или, того хуже, снега оно превращается в форменный каток. Выйти как-нибудь на площадь, гладкую и скользкую, в аномально жаркий день, – вот тебе и Далекая Голубая, не отходя от кассы... А зимой, скользя на зеркальных плитах, покрытых снежной кашей, хорошо представить себя Фритьофом Нансеном, который вслед за собачьими упряжками скользит, падая и поднимаясь, по арктическому льду в направлении Северного полюса. Видите, как интересно? Тут самое главное – не повредить себе что-нибудь при падении. а то будешь впоследствии выглядеть как мистер Питкин в больнице («Мистер Питкин **в больнице»** – была такая старая английская кинокомедия)...

* * *

…Я всегда испытывал и испытываю по отношению к Гурбан-байрамы двойственные чувства. С одной стороны, я восхищен духовной составляющей праздника; я преклоняюсь перед Ибрахимом, который был послушен воле Господа настолько, что без колебаний занес жертвенный нож над собственным сыном; я преклоняюсь перед сыном

Ибрахима, который безропотно подчинился воле отца и подставил шею под жертвенный нож; я преклоняюсь, в конце концов, перед самим Господом, который сначала устроил людям проверку (ну как тут не проверять, ведь очень мы, сыны Адама, ненадежные существа!), а убедившись, что проверка пройдена, в последнюю секунду заменил юношу бараном... С другой стороны, мне всегда было жаль баранов, и коз, и верблюдов... всех тех, кому в этот день перерезают горло и выпускают кровь, а потом разделывают на части. Знаете, я, бывало, присаживался перед привязанными к дереву барашками, приготовленными к закланию, и гладил их по головам и по мордам, пытаясь хоть как-то утешить их и – если это слово тут уместно – приободрить, что ли... Вначале я опасался: а вдруг бедные бараны воспримут мою ласкающую руку как знак того, что их помиловали и не будут убивать, а их ожидания окажутся обманутыми, и я, я буду повинен в этом, и они с ненавистью будут смотреть на меня в последние свои секунды, и их глаза будут кричать: обманщик, подлый обманщик, зачем ты вселил в нас ложную надежду?! Но очень скоро я понял, что опасения мои напрасны: в глазах баранов была такая глубокая покорность судьбе и понимание того, что им не избежать заклания... что мне иногда казалось даже, будто они понимают саму библейскую и кораническую суть предстоящего действа! Хотя я, может, несколько и преувеличиваю... Но я продолжал гладить морды и головы баранов и шептать им что-то утешительное... И делал иногда замечания парням, которые обращались с жертвенными баранами слишком грубо и волокли их за рога или за передние ноги; по моему мнению, хотя бы в этот день можно было бы нести их на плечах, из своеобразного уважения...

Что? Вы считаете меня излишне сентиментальным? Ну нет, уверяю вас, это не так. У меня уже давно обгоревшая проволока вместо нервов. Просто Господь, тот самый, наделил меня, как человека и как писателя, **пониманием**. А это, знаете ли, не только прекрасное качество, но и тяжкая ноша...

Мне претят те, кто видят в Гурбан-байрамы лишь его убойную сторону, и толкуют только о перерезанных глотках бедных ягнят и козлят и о реках крови; вы неправы, ибо упускаете глубинный смысл жертвоприношения. Но и тех, кто ограничивается духовным содержанием праздника и предпочитает забыть о материально-остром лезвии, углубляющемся в материальную живую кожу, и о материально-горячей крови и материальнодымящемся мясе — их я тоже не понимаю. Истина, как водится, где-то посредине. Это — жизнь, такая, какая она есть.

...Когда-нибудь, в отдаленном времени, соприкасающемся с Вечностью, в непонятном месте – может, это будет Млечный Путь – встретятся беззаботный Ягненок и веселый Ребенок. Они посмотрят друг на друга, и Ребенок спросит: «Это ты, который когда-то пожертвовал собой ради меня?» «Да», – подтвердит Ягненок. «Пошли играть!» – предложит тогда Ребенок, и они наперегонки побегут по Млечному Пути...

* * *

(январь 2018) ...Практически любому из нас приходилось или приходится иметь дело с поездами. Вокзал, перрон, платформа, путь, маловразумительный голос вокзального диктора; и люди, люди... Одни уезжают, другие остаются. Гомон, свистки тепловозов. Объятия, поцелуи, просьбы позвонить, как доедешь, обещания сразу же дать о себе весточку. Заботливые напутствия... Пассажиры занимают места согласно купленным билетам, размещают багаж... Провожающие покидают вагоны – но продолжается общение через вагонные окна. Дети и внуки, высоко поднятые на руках. Медленно трогающийся состав, постепенно набирающий скорость. И мы еще идем, пока это возможно, за ним, маша руками и посылая воздушные поцелуи. А когда последний вагон скрывается вдали, мы возвращаемся домой, неся в себе нотку грусти от расставания. Но ведь расставание

это не вечно! Да и уехавшие – напишут письмо, позвонят по телефону, выйдут на связь по скайпу...

Какая знакомая картина. Во всех уголках планеты одинаковая...

Но среди самых разных поездов есть один, не похожий на прочие. Он стоит у особой платформы и отходит от особого пути. Его вагоны выкрашены в матово-черный цвет, окна плотно закрыты занавесками, нет никаких табличек с указанием маршрута. Никто никогда не видел на машинистов этого поезда, ни его начальника. Да и проводники, торчащие на подножках, отличаются от всех остальных проводников... они безликие какието и могут быть одеты в военные мундиры, или в белые халаты, или в альпинистские штормовки, или в матросские робы, или во что-нибудь еще... Билеты на этот поезд иногда приобретаются заранее, иногда — перед самым отходом, а иногда и на месте, у проводников... Все билеты — в один конец, ибо пассажиры этого поезда никогда не возвращаются и не шлют телеграмм, не звонят, не связываются по скайпу. И не берут с собой багажа.

Ни табличек, ни надписей на вагонах... но все и так знают: это фирменный поезд «*Танатос*». Он стоит у особой платформы на всех вокзалах мира.

Тут тоже бывают провожающие, но не слышно веселья; напротив, тут плачут, рвут на себе волосы, бьются в истерике, лишаются чувств. Безумным взором скользят по слепым окнам в надежде увидеть еще раз родное лицо. Порой в бессильной ярости колотят кулаками по черным вагонам и даже бьются о них головой. Внутрь категорически не пускают провожающих — только отъезжающих. И тогда провожающие, крича и рыдая, поднимают над головами детишек, умоляя поезд не трогаться, или чтоб кто-нибудь раздвинул занавески... Некоторые, обезумев, вцепляются в поручни двинувшихся вагонов в глупой попытке задержать их и даже пытаются лечь на рельсы...

Все это совершенно бесполезно. Состав тронется в назначенный час, назначенный кем-то неведомым, и остановить его невозможно ни снаружи, ни изнутри — стопкраны в фирменном поезде «Танатос» не предусмотрены. А проводники, облаченные кто во что, слепы и глухи. Их не получится ни уговорить, ни запугать, ни подкупить.

На этом поезде уезжают люди разного возраста, разных профессий, разного достатка, всех цветов кожи; всемирные знаменитости, люди известные, малоизвестные и вообще никому не известные.

Что там происходит, внутри вагонов, с пассажирами, и как выглядит конечная станция, да и вообще, где она находится, – доподлинно не знает никто, хотя многие уверяют, что им хорошо известны подробности.

Врут? Сочиняют? Или говорят правду?

Не знаю.

Знаю лишь одно: сорок дней назад на таком мрачном поезде уехал, насовсем уехал мой хороший, мой добрый друг — Самир Алиев...

* * *

…не могу не припомнить событие, имевшее место в Баку летом 1994-го года, свидетелем которого был я сам. Тогда у нас гастролировал известный датский целитель. Выступления его проходили в «круглом» спортивно-концертном комплексе, что на Тбилисском проспекте, и длились три дня. Я присутствовал на всех трех, потому что в то время занимался в этом дворце в секции атлетической гимнастики и вместе с другими своими друзьями-атлетами был назначен в оцепление. Поначалу я недоумевал — к чему оцепление, ведь на первую проповедь датчанина (который представлял к тому же какуюто секту христианского толка) пришло не более десятка человек... Правда, на второй день собралась уже половина зала... А вот на третий день зал был забит до отказа, люди пришли сами и привели с собой и прикатили в инвалидных колясках больных родственников... Но самое ужасное произошло в конце третьего выступления. После обычных проповедей и лечения, проводимого на расстоянии, целитель-датчанин опрометчиво предложил каждому желающему подойти к нему, чтобы он, датчанин, мог положить свою руку на голову страждущего... И тогда толпа людей ринулась на арену! И тогда-то я и понял, для чего нужно было оцепление... Я и мои друзья, сцепившись руками, попытались оградить датчанина от натиска обезумевшей толпы, но нас разорвали и разметали в разные стороны. Поворачиваясь туда-сюда, датчанин поспешно касался ладонью все новых и новых человеческих голов, но этого было, видимо, недостаточно – многие из набежавших хватали целителя за руку и с силой прижимали ее к своим лбам... Меня крутило и вертело в разные стороны, я отчаянно отпихивался, пытаясь сохранить в целости свои ребра, и мельком увидел лицо датского целителя (он покачивался посреди людского водоворота где-то в метре от меня). У него был весьма обалдевший вид, и в глазах его застыл ужас. Наверное, ни в одной стране мира, где он до этого побывал, такого ему испытывать не приходилось... Тогда-то я и понял всю глубину народной поговорки «На халяву мы беспощадны!» Сейчас я вспоминаю те события и думаю – еще чутьчуть, и датчанина разорвали бы на куски, причем растерзали бы целителя без всякого злого умысла **добрые**, по выражению Иешуа Га-Ноцри, **люди**...

* * *

…В романе всемирно известного британского астрофизика, популяризатора науки и писателя-фантаста Артура Кларка **«2061: ОДИССЕЯ ТРИ»** описана любопытная коллизия.

По мысли автора, существует некий **Вселенский Сверхразум** — наивысшая стадия мыслящей материи, которая не имеет тел, свободно перемещается в космическом пространстве и играючи конструирует новые миры, обращаясь с планетами и звездами как со строительным материалом. Также Вселенский Сверхразум опекает любые, даже самые малейшие признаки будущего разума в имеющихся мирах. Например, три миллиарда лет назад (по версии Кларка) сими опекунами был оставлен в Африке загадочный Монолит, который, воздействуя на психику членов одного из стад питекантропов, привел в конце концов к их эволюции и превращению в Человека Разумного. Вы могли видеть все это в культовом фильме американского режиссера Стэнли Кубрика **«2001: Космическая Одиссея»**.

Но я сейчас не об этом.

В **«2061: ОДИССЕЯ ТРИ»** Кларк выстраивает такую ситуацию. Вселенский Сверхразум обратил свое внимание еще на одну планету нашей Солнечной Системы – Юпитер, а также на одну из «лун» Юпитера – Европу.

Юпитер, как известно, — **«газовая»** планета, гигантский водородный пузырь, но и на нем (по версии Кларка) существуют примитивные формы жизни. И на Европе тоже есть примитивная жизнь, хотя условия ее существования ужасающи: она ютится на дне европеанских морей, поближе к ядру, от которого исходит тепло и газы, содержащие необходимые для жизнедеятельности элементы; сверху же моря Европы покрыты многокилометровой толщей льда, там царит лютый, космический мороз...

Вселенский Сверхразум взвешивает, какая из этих форм жизни более перспективна в плане появления в будущем разумных существ. Выбор Вселенского Сверхразума падает на Европу. Для того, чтобы скудная европеанская жизнь перестала жаться к горячим источникам на дне морей и принялась развиваться, Вселенский Сверхразум ре-

шает взорвать Юпитер и превратить его в подобие Солнца: тогда лед, сковывающий моря Европы, растает, на Европе появится атмосфера, возникнет относительно благоприятный климат, и эволюции местной жизни будет дан старт.

А юпитерианскими организмами Вселенский Сверхразум решает пожертвовать: они все сгорают при взрыве, не успев даже осознать, что произошло...

Все та же беспощадная альтернатива, что и в случае с синезелеными водорослями на заре земной жизни: питаясь энергией Солнца, синезеленые насытили воду и воздух Земли чистым кислородом; в результате этого побочного эффекта отравилось и погибло великое множество организмов, не выносивших кислорода (погибло, так и не осознав, что происходит); зато бурно начала развиваться другая жизнь, активно потребляющая кислород...

И что на Земле в реальности, что на Юпитере в воображении фантаста, итог один: кто-то неминуемо должен погибнуть, чтобы другие могли жить...

Ясное дело, что Артур Кларк, при всем его могучем воображении, опирался на опыт земной эволюции; ни он, ни кто другой просто не имеют иного примера; как бы мы ни хорохорились, изощряя фантазию, а на сегодняшний день официальная наука, говоря словами российского ученого Вл. Дьяконова, «имеет в рассмотрении одну звезду с планетной системой — Солнце, одну планету с жизнью — Землю и одну жизнь с разумом — человечество. Все построения на таком жидком основании — это индукция по одному члену». Говоря проще, мы и иную Жизнь, и иной Разум простодушно списываем с собственных.

Но может быть, где-то во Вселенной дело обстоит совсем иначе, и можно жить, не губя при этом других? Возможно ли такое в принципе?

Не знаю. Пока не знаю, во всяком случае.

* * *

Hy? Надеюсь, вы уже поняли, что «блокнот путешественника с обложкой из натуральной человеческой кожи» — это я сам и есть?

А вы что подумали — что я приобрел у антиквара изделие какого-нибудь нацистского живодера, служившего в Аушвице?

Да нет. Это я — блокнот. Ходячий блокнот. Думающий и чувствующий. Заносящий в себя поступающую отовсюду обильную и разнообразную информацию, осмысливающий ее и обрабатывающий ее, и маркерами мне служат кровь, желчь, пот, слезы... Раб Божий — обшит кожей...

Ладно. Будем считать, что шутка удалась.

И еще будем считать, что страницы из блокнота не оставили вас равнодушными и если и не порадовали, то и не сильно вас огорчили. Ибо это есть жизнь — сладкая и горькая одновременно, светлая и темная, веселая и мрачная, интересная и нудная, яркая и бесцветная... Все сразу.

Каждый из нас — блокнот. Каждый из нас непременно что-то записывает в этом блокноте.

Разность — вот что важно. Разность между тем, что мы вобрали в себя из этого мира и тем, что мы отдаем ему. Все дело в разности.

...И тут математика, едрить ее в квадратный корень...

...а также в кубический.